

150-летию
со дня рождения
В. К. Арсеньева
посвящается

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (33) / 2022

ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online)

150-летию со дня рождения В. К. Арсеньева посвящается

Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Хабаровский государственный институт культуры»

Научно-практический журнал
Издаётся с ноября 2007 года
(до сентября 2016 года
выходил под названием
«История и культура Приамурья»)
Выходит 2 раза в год

КУЛЬТУРА И НАУКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

научно-практический журнал

№ 2 (33) / 2022

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Воронов Борис Александрович
сопредседатель
(Институт водных и экологических проблем ДВО РАН, г. Хабаровск)

Минакир Павел Александрович
сопредседатель
(Институт экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск)

Березницкий Сергей Васильевич
(Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург)

Букреев Александр Иванович
(Информационный историко-научный центр — Военная историческая библиотека Генерального штаба Вооружённых Сил РФ,
г. Санкт-Петербург)

Иванченко Сергей Николаевич
(Тихоокеанский государственный университет,
г. Хабаровск)

Флиер Андрей Яковлевич
(Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
г. Москва)

Чебанюк Татьяна Алексеевна
(Комсомольский-на-Амуре государственный университет)

Шейкин Юрий Ильич
(Арктический государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
Главный редактор
Скоринов Сергей Нестерович

Заместители главного редактора
Бляхер Леонид Ефимович
Савелова Евгения Валерьевна
Филаткина Ирина Викторовна
Якуба Татьяна Юрьевна

Руководители направлений
Байков Николай Михайлович
Готнога Александр Васильевич
Ярулин Илдус Файзрахманович
(Точка зрения)

Брейтман Александр Семёнович
Качанова Елена Юрьевна
(Социокультурная реальность. Кафедра. Персона)

Алепко Александр Валентинович
Дубинина Нина Ивановна
(Историописание. Наследие)

Крюков Иван Владимирович
Салеева Лариса Владимировна
Шхалиев Рафик Шхалиевич
(Артефакт)

Завалишин Андрей Юрьевич
(Диалог культур и этносов)

Лысенко Светлана Юрьевна
Никитин Алексей Алексеевич
Шавгарова Анна Владимировна
(Художественная сфера)

Дробышевская Светлана Донатовна
Наумова Раиса Вячеславовна
(Библиография)

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-80737 от 21.04.2021.
ISSN 2542-1328 (Print)
ISSN 2541-8939 (Online), www.kulturanaukadv.ru

Издатель — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека»
Адрес издателя:
680000, г. Хабаровск,
ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72
Тел. (4212) 32-72-20

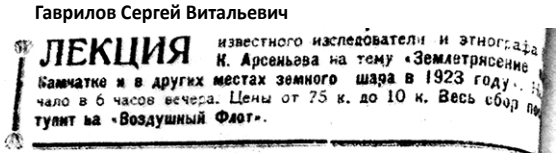
© Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека»

СОДЕРЖАНИЕ:

▶ИСТОРИОПИСАНИЕ

В. К. Арсеньев и отделение археологии, истории и этнографии Приамурского отдела Императорского Русского географического общества 4
Шестаков Алексей Вячеславович

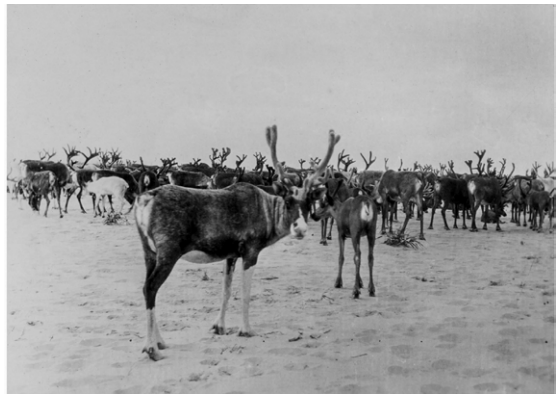
Арсеньев. Камчатка. 1923-й 10
Гаврилов Сергей Витальевич

ЛЕКЦИЯ известного исследователя и этнографа К. Арсеньева на тему «Землетрясение Камчатке и в других местах земного шара в 1923 году... чало в 6 часов вечера. Цены от 75 к. до 10 к. Весь сбор по тупит ьа «Воздушный Флот».

Продолжатель дела В. К. Арсеньева и исследователь его наследия доктор биологических наук А. И. Куренцов 15
Кондратенко Алексей Иванович

В. К. Арсеньев и библиотека 22
Матвеева Татьяна Александровна

Малоизвестные факты из биографии исследователя Дальнего Востока России, врача и натуралиста Фёдора Альбертовича Дёрбека (1871–1957 гг.) 25
Новомодный Евгений Владимирович, Хисамутдинов Амир Александрович

«Он заронил в мою душу желание посвятить свою жизнь путешествиям и исследованиям...»: две встречи с В. К. Арсеньевым 37
Сливко Станислав Вадимович

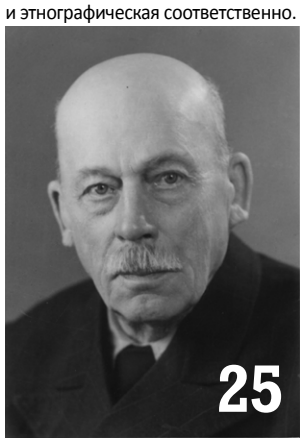
▶ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЭТНОСОВ

Мифопоэтика топоса «скала» в тетралогии В. К. Арсеньева 41
Санкаева Татьяна Вячеславовна, Яроцкая Юлия Александровна

В воскресный день 8 июля 1923 года газета «Полярная звезда» известила, что в порт прибыл пароход Добровольного флота «Томск». «Проездом на север» среди прочих пассажиров прибыл охарактеризованный как «известный своими научными трудами по краеведению неутомимый путешественник-беллетрист — этнограф В. К. Арсеньев».

С 1902 по 1914 год владивостокским музеем заведовал флотский врач Ф. А. Дёрбек, а в Хабаровске директорствовал в 1910–1919 годах В. К. Арсеньев, армейский офицер. При них, в том числе буквально их руками, были созданы коллекции, составлявшие — во всяком случае до революции — гордость, лицо вверенных им учреждений: зоологическая и этнографическая соответственно.

В. К. читал лекцию не в лекционном зале, а в фойе клуба, где размещался камин, плетеные кресла. У камина на обрубке дерева уселся В. К. Свет электрический погасили, комната и слушатели освещались только каминным пламенем. Обстановка была романтичной. Особое впечатление на слушателей произвели сценки встреч и разговоров с Д. Узала.

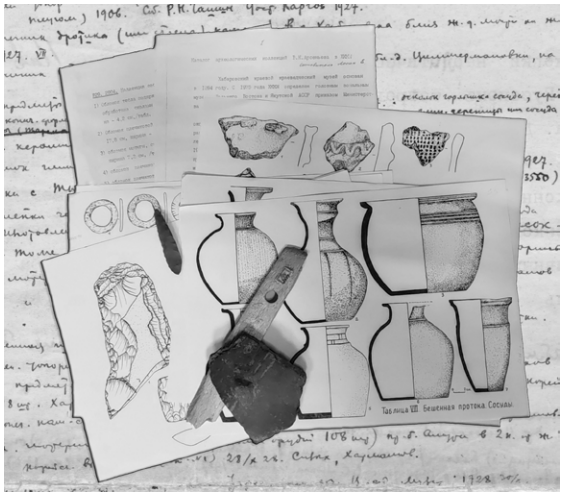
▶НАУЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Языковая картина мира Дерсу Узала в травелоге В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края»....46

Вольман Диана Юрьевна, Гасымов Эльдар Шафиаддинович

История археологических коллекций В. К. Арсеньева и особенности их каталогизации....51

Замотаева Любовь Алексеевна, Шиповалова Анна Борисовна

▶ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СФЕРА

Владимир Арсеньев: экспедиция на Сихотэ-Алинь....56

Хисамутдинов Амир Александрович

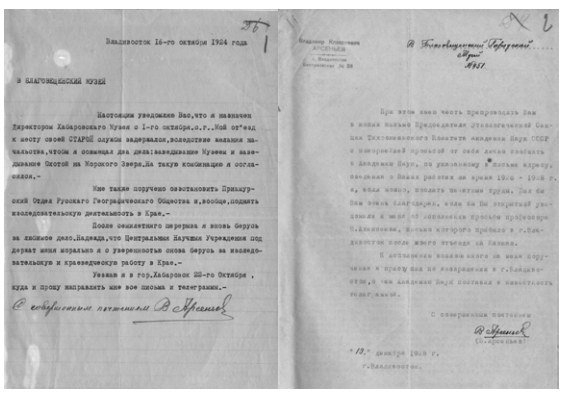
«Гори, гори, моя звезда»... Путеводная звезда Владимира Арсеньева....72

Тринеева Инна Михайловна

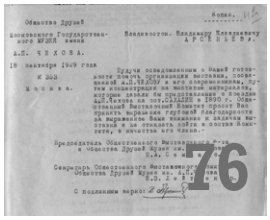
▶АРТЕФАКТ

Семь печатных листов....76

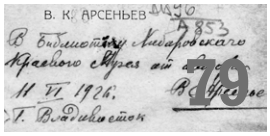
Попова Ирина Александровна

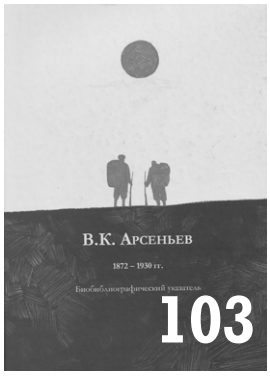
Представленные документы отражают лишь небольшой период деятельности Владимира Арсеньева — 1924, 1928 и 1929 годы. Уникальность их заключается и в том, что они помогают воссоздать картину последнего десятилетия жизни путешественника, географа, этнографа, писателя, исследователя Дальнего Востока.

Арсеньев и сам активно пополнял фонд библиотеки: в период с октября 1924 по июнь 1928 года он передал в дар 65 своих книг и книг других авторов. Многие из них сохранились до сегодняшнего дня и входят в фонд редких и ценных изданий. Принадлежность книг В. К. Арсеньеву за этот период установлена путём сверки инвентарных номеров на книгах с номерами в инвентарных книгах новых поступлений, где в графе «Где куплена или кем пожертвована» указывалось имя дарителя.

В 2018 году во Владивостоке вышел библиографический указатель «В. К. Арсеньев. 1872–1930 гг.». Это итог многолетней работы библиографов Приморской краевой публичной библиотеки имени А. М. Горького. В указатель включены описания произведений, опубликованных в России и за рубежом как в собраниях сочинений, так и вышедших отдельными изданиями. Впервые представлены изданные библиографические пособия, выходившие в разные годы.

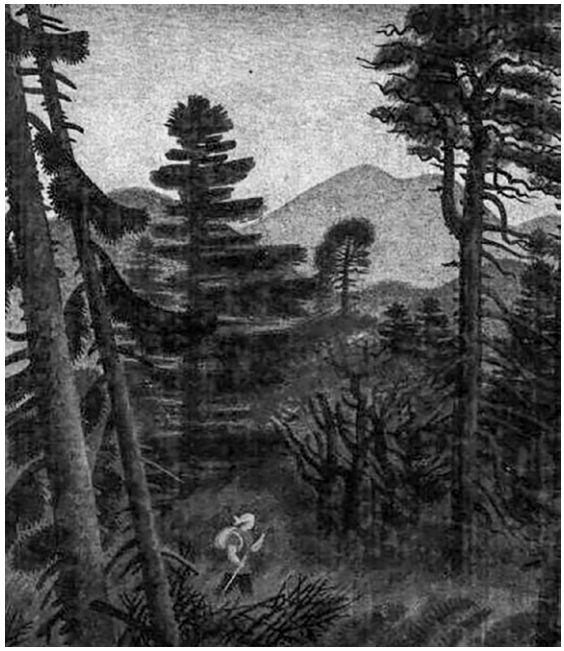

«В библиотеку от автора. В. Арсеньев»....79

Воропаева Александра Валерьевна

Издания повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки....84

Струк Кристина Андреевна

Этнографическое наследие В. К. Арсеньева и его освоение в музейном пространстве....92

Кавецкая Вера Вячеславовна

Материалы из фотодокументального фонда Владимира Арсеньева в собрании Гродековского музея....98

Белкина Марина Владимировна

▶БИБЛИОГРАФИЯ

Исследователи жизни и деятельности Владимира Клавдиевича Арсеньева....103

Гаврилова Наталья Анатольевна

Библиографические указатели о В. К. Арсеньеве, подготовленные Дальневосточной государственной научной библиотекой....108

Балашова Марина Леонидовна

Информация для авторов....111

ШЕСТАКОВ АЛЕКСЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

В. К. АРСЕНЬЕВ И ОТДЕЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается история создания и деятельности отделения археологии, истории и этнографии Приамурского отдела Императорского Русского географического общества — первой организации, стремившейся профессионально исследовать древнюю историю Дальневосточного края. В создании отделения большую роль сыграли М. П. Красовский и директор Гродековского музея В. К. Арсеньев.

Ключевые слова: археологические исследования, В. К. Арсеньев, М. П. Красовский, Н. Л. Гондатти, Россия, Амур, Уссури, Дальний Восток, Хабаровск.

Keywords: archaeological research, V. K. Arsenyev, M. P. Krasovskii, N. L. Gondatti, Russia, Amur, Ussuri, Far East, Khabarovsk.

Осенью 1912 года Императорской археологической комиссии в Петербурге стало известно, что на начавшейся в том году постройке восточной части Амурской железной дороги у Хабаровска были сделаны археологические находки. Комиссия ссылалась на информацию из дальневосточных газет о том, что в первых числах сентября на левом берегу Амура, в восьми верстах ниже Хабаровска, напротив корейской деревни Осиповки, рабочие, производившие земляные работы, открыли древнее кладбище. Было найдено несколько человеческих «черепов, оружие, копья, шашки, стрелы и много разных сосудов». При этом отмечалось, что «несмотря на циркуляр по постройке, чтобы обо всех найденных археологических древностях немедленно сообщать властям… техники велели продолжать работу и не обращать внимания на "пустяки"». Известен этот случай стал только благодаря крестьянину, который «16 сентября принёс в город сосуд из разрытой могилы и заявил о находке» [4, с. 151].

На самом деле ещё 9 сентября побывавший на месте работ контролёр Амурской железной дороги Никольский, узнав о находках, предложил железнодорожной администрации прекратить там работы и известить об этом администрацию края и Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО). Вскоре на месте находок работы были прекращены и был поставлен сторож, которому рабочие за небольшую плату должны были сдавать все находки [1, с. 120].

Уже 16 сентября на этом месте работал препаратор-консерватор Гродековского музея В. В. Домбровский, а 19 сентября к нему присоединился правитель дел Приамурского отдела ИРГО Л. И. Звездин, с июля временно исполняющий обязанности директора Гродековского музея [13, с. 2] (В. К. Арсеньев с 6 апреля 1912 г. находился в экспедиции на Сихотэ-Алинь) [18, с. 302]. В конце сентября — начале октября они впервые произвели здесь полноценные раскопки, о чём Л. И. Звездин доложил Приамурскому отделу ИРГО 5 октября 1912 года [1, с. 120].

После того как установилось транспортное сообщение с левым берегом Амура в январе 1913 года, материал с раскопок был доставлен в Гродековский музей. Это были «предметы вооружения: наконечники копий и стрел, меч и кольчуга». Вместе с кольчугой и наконечниками стрел был обнаружен и человеческий череп. Кроме этого, было доставлено «много разной посуды». Со всех предметов были сделаны фотоснимки, которые начальник края Н. Л. Гондатти намерен был представить в Петербурге [21].

29 января 1913 года из экспедиции на Сихотэ-Алинь в Хабаровск вернулся В. К. Арсеньев [18, с. 302]. Археологическими исследованиями края Владимир Клавдиевич занимался с 1903 года [18, с. 249]. В феврале 1912 года, перед отъездом в экспедицию, его направили в командировку на бирские угольные копи, и здесь Арсеньев, помимо основной работы, успел произвести и археологические разведки, выявив четыре старинных укрепления XIII века, одно из которых, то, что на правом берегу реки Биры, в 14 верстах от казачьего хутора Надеждинского, посетил сам и дал его описание [18, с. 146]. В том же 1912 году в «Записках Приамурского отдела Императорского общества востоковедения» В. К. Арсеньев опубликовал небольшой историко-археологический этюд «Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края», основанный также главным образом на материалах своих экспедиций. И в Уссурийской экспедиции 1912–1913 годов, по словам В. К. Арсеньева, на первом месте из научных целей стояла археология [18, с. 146]. Поэтому понятно, что сразу же после вскрытия Амура весной и установления пароходного сообщения с левым берегом В. К. Арсеньев отправился на место этих раскопок. Вместе с ним поехали препаратор-консерватор Гродековского музея В. В. Домбровский и подполковник М. П. Красовский [1, с. 111].

Подполковник Михаил Петрович Красовский (01.11.1870 – после 1924 г.) с 5 апреля 1911 года возглавлял съёмочное отделение Приамурского военно-топографического отдела и был участником топографической части экспедиции, предпринятой для исследования условий колонизации района Амурской железной дороги. До этого, с 1895 года, М. П. Красовский служил в Туркестанском военно-топографическом отделе [17, с. 22]. Известно, что 11 декабря того же 1895 года в Ташкенте был создан Туркестанский кружок любителей археологии, с которого начались серьёзное изучение, описание и сохранение памятников материальной культуры Центральной Азии. Проводили члены кружка и археологические раскопки. В декабре 1900 года «сообщил о своём желании активно участвовать в этом деле» и Туркестанский военно-топографический отдел [11, с. 229], в составе которого Михаил Петрович работал до 1910 года. После прибытия в Хабаровск он был принят действительным членом Приамурского отдела ИРГО и тогда же, вероятно, познакомился с В. К. Арсеньевым, друг которого, капитан Алексей Флегонтович Ахмаметьев, с 1898 года служил в том же военно-топографическом отделе Приамурского военного округа [17, с. 34].

Место находок находилось на дубовой рёлке, «в 200 саженях от берега Бешеной протоки и 100 саженях от Пемзенского залива». В. К. Арсеньев, М. П. Красовский и В. В. Домбровский за двое суток на северном нетронутом конце рёлки раскопали пять могил. При этом им помогали четыре человека от железной дороги и четверо, нанятых самими исследователями [1, с. 112].

В отличие от раскопок Л. И. Звездина, во вскрытых В. К. Арсеньевым могилах панцирей не было, равно как

нигде не было и металлических головных уборов. В пятой могиле было обнаружено женское захоронение. Всего же за время раскопок 1912–1913 годов исследователи обнаружили только глиняных кувшинов 63 штуки. Все эти предметы тогда же были выставлены в музее для осмотра [1, с. 113, 116].

Молва об этих находках наложилась на летнее оживление общественной жизни Хабаровска, связанное с проездом рабочих на строительство Амурской железной дороги и железнодорожного моста через Амур, а также с открытием Хабаровской выставки Приамурского края (к 300-летию Дома Романовых). В результате в августе 1913 года В. К. Арсеньев выехал на продолжение раскопок на дубовой рёлке, только уже с большой группой интересующихся археологией края. Среди них были преподаватель Никольск-Уссурийской женской учительской семинарии Т. П. Гордеев [14, с. 101], действительный член Общества изучения Сибири и улучшения её быта М. К. Азадовский, агроном В. А. Бальц, студенты Ф. И. Чупряев, И. Г. Зинштейн, В. И. Геймбрук, А. А. Шелковников, М. И. Фриц и курсистки М. И. Фейцер, М. П. Елеазарова и Е. Гершкова (это были учащиеся петербургских институтов, слушавшие там лекции Л. Я. Штернберга, летом 1913 г. в Хабаровске с которыми занимался В. К. Арсеньев [2]). Экскурсанты приняли участие в археологических раскопках уже за полотном железной дороги, на остатках жилищ. В трёх западинах В. К. Арсеньев со студентами ничего не нашли, но в четвёртой, находящейся на самом высоком месте рёлки, были найдены два разбитых и два целых кувшина [1, с. 113].

Марк Константинович Азадовский, окончив в 1913 году историко-филологический факультет Петербургского университета, был оставлен при нём для получения профессорского звания. В годы учёбы он принимал участие в экспедициях Общества изучения Сибири и улучшения её быта, а в 1913 году по поручению отделения русского языка и словесности Академии наук был направлен в научную командировку в Амурский край. Летом Азадовский уже был в Хабаровске у родителей, откуда и совершил ряд самостоятельных поездок по собиранию фольклорных материалов и народной словесности русского населения в бассейне реки Амур [8, с. 33, 206].

Подъём в Хабаровске интереса к археологии, вызванный экскурсиями на раскопки на дубовой рёлке, деятельностью В. К. Арсеньева и М. П. Красовского в Туркестанском кружке любителей археологии, вылился в организационное собрание учредителей кружка любителей истории и археологии при Приамурском отделе Императорского Русского географического общества, состоявшееся с разрешения Н. Л. Гондатти 29 декабря 1913 года в здании Гродековского музея. На собрание явились как члены Приамурского отдела ИРГО: В. К. Арсеньев, Л. И. Звездин, М. П. Красовский, М. Я. Россельевич, В. А. Тимофеев, Г. А. Брониковский, И. А. Лопатин, М. К. Азадовский и С. Е. Дмитриев, так и интересующиеся археологией и участники раскопок 1913 года: А. А. Шильников, А. Н. Свирин, В. Н. Маньков, И. А. Беляев, Л. И. Матушкевич, М. А. Крынин, К. Г. Петров, К. С. Крушедов, Н. Д. Глебов, В. Р. Восинский — всего 19 человек [10, л. 57].

Председателем собрания был избран подполковник Красовский, которым «в 7 час. 10 мин. вечера собрание было объявлено открытым». О задачах организовываемого кружка и о характере предстоящей деятельности высказались директор Гродековского музея В. К. Арсеньев, директор Николаевской публичной библиотеки Г. А. Брониковский и К. Г. Петров. В результате обсуждения было решено, что «задачей кружка является всемерное исследование и изучение истории и старины Края, и что деятельность кружка должна выражаться, главным образом, в охранении и обследовании местных памятников старины, как монументальных (здания, курганы, городища и проч.), так и подвижных (рукописи, монеты, оружие, утварь и проч.); собирании всеми имеющимися в распоряжении кружка способами сведений об этих памятниках и остатках старины; устройстве регулярных собеседований, лекций и чтений по вопросам археологии и истории, как местной краевой, так и общей, с ней соприкасающейся; издании своих трудов в виде статей и атласов; производстве раскопок на местах, экскурсиях и других действиях, направленных исключительно к цели возможно более тщательного и исчерпывающего изучения прошлого Приамурского края и в связи с этим истории его хозяина — русского народа» [10, л. 57]. Генерал-губернатор Приамурского края Н. Л. Гондатти оценил обозначенные цели и задачи как «Прекрасную программу» [10, л. 57].

Помимо непосредственной активной деятельности членов кружка, было решено привлекать корреспондентов на местах и организовать на их основе «энергичную агентуру по собиранию сведений об остатках старины». Кроме того, предполагались устройство пленарных собраний с приглашением на них всех интересующихся историей и археологией, а также проведение популярных лекций, чтений и сообщений по этим отраслям знания «с привлечением учащейся молодежи, в которой необходимо пробудить любовь к прошлому своего отечества вообще и обитаемого ими края в частности» [10, л. 57–58].

Первыми сообщения согласились подготовить Н. Д. Глебов — по вопросу о влиянии в прошлом Китая на жизнедеятельность Приамурья, М. П. Красовский — по вопросам нумизматики, В. К. Арсеньев — о признаках каменного века на побережье Татарского пролива и Японского моря, и Г. А. Брониковский — о погребальных обычаях древних народов [10, л. 58].

Собрание избрало свой исполнительный орган, на первых порах — временный президиум, в состав которого вошли председатель временного правления кружка М. П. Красовский и члены временного правления В. К. Арсеньев, Г. А. Брониковский и К. Г. Петров. Секретарём кружка был избран директор Николаевской публичной библиотеки Г. А. Брониковский [10, л. 58].

В конце организационного заседания Г. А. Брониковский сделал первое сообщение для кружковцев на тему «Об археологии как науке и о значении её в деле исследования старины», которое было дополнено справкой В. К. Арсеньева о первых археологах Приамурского края — архимандрите Палладии (П. И. Кафарове), Ф. Ф. Буссе, князе Л. А. Кропоткине и В. П. Маргаритове. В 8 час. 45 мин. вечера председатель объявил собрание закрытым [10, л. 58].

6 января 1914 года журнал организационного собрания кружка был представлен приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти с просьбой «принять кружок под свое высокое покровительство и оказать ему Ваше мощное содействие в отношении развития его деятельности и облегчения возможности к проведению в жизнь выработанных им предначертаний». 20 января Николай Львович наложил на ходатайство кружка свою резолюцию: «Дело хорошее: вполне одобряю доброе начинание и буду оказывать всякое содействие. Гондатти» [20].

Сам В. К. Арсеньев в письме Л. Я. Штернбергу в феврале 1914 года так описал свою роль в создании кружка: «У нас (я агитировал, хлопотал и достиг цели) образовалось историко-археологическое отделение при Приам. отд. И. Р. Геогр. общ. Весьма живое общество с очень интересной программой. Пришлю Вам оттиски наших работ и протоколов!» [2].

Уже 15 апреля 1914 года в хабаровской газете «Приамурье» была опубликована статья М. К. Азадовского «Археологические древности по р. Амуру (Из путевых впечатлений)», написанная им в ходе своей зимней экспедиции от Хабаровска до Благовещенска [11, с. 124–127].

В конце апреля кружок уже именовался историко-археологическим отделением Приамурского отдела ИРГО. На его заседании 29 апреля член правления К. Г. Петров сообщил о результатах проведённого им осмотра камчатского архива, относящегося к 1743 году и представляющего серьёзный исторический интерес. Собрание постановило просить К. Г. Петрова, Н. Д. Глебова и Л. П. Матлушкевича приступить к составлению каталога архива. Затем была рассмотрена карта первой инструментальной съёмки Амура, произведённой топографами губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва в 1857 году, на которой были подробно обозначены все днёвки, места устройства укреплённых лагерей и заготовки дров флотилией Муравьёва, первых казачьих поселений и все инородческие стойбища, бывшие в то время по обоим берегам реки. Карта была доведена до поста Мариинска около озера Кизи. Следом демонстрировалась карта 1858 года первой съёмки низовьев Амура около устья. На этой карте было указано место, где были воздвигнуты первые русские поселения, в том числе село Николаевское на левом берегу реки Камара близ её устья. В заключение В. К. Арсеньев сообщил интересные подробности о тех трудностях, с которыми приходилось встречаться топографам при производстве съёмок в Приморской области в 1870-х годах, особо остановившись на рассказе о П. С. Гроссевиче [9, с. 31]. На этом же заседании секретарём отделения был избран А. Н. Свирин [22].

На собрании 13 мая 1914 года по предложению В. К. Арсеньева круг деятельности отделения был расширен введением этнографии «как науки, стоящей в близком соприкосновении с археологией и историей». Поэтому отделение стало именоваться отделением археологии, истории и этнографии. Общее собрание членов Приамурского отдела ИРГО, которое состоялось в июне, это преобразование одобрило [20; 9, с. 31].

На том же заседании В. К. Арсеньев указал географическое распределение инородцев в Приамурском крае, а также привёл историческую справку о низовьях Амура в начале XIX века и рассказал о двух крупных торговых маньчжурских пунктах в нижнем течении реки — «Дырен и Нуккуранкота». В 1807 году японское правительство послало исследователя Маммия Ринсо на Сахалин и Нижний Амур. В своём путешествии в 1808–1809 годах он подробно описывает Дырен и Нуккуранкот, говорит, что там шла оживлённая торговля, останавливается на некоторых обычаях и высказывает предположение, что в Нуккуранкоте был фарфоровый завод. Л. Н. Шренк, посетивший эти места во второй половине XIX века, «нашёл там только две гольдские юрты, много остатков черепов и костей, свидетельствующих о былой жизни. Шренк предполагает, что здесь была стычка инородцев с маньчжурами и оставшиеся кости принадлежат маньчжурам». В. К. Арсеньев, опираясь на сведения из карт Тихменева с точным указанием, где именно были расположены эти пункты, предложил произвести исследования этих мест [9, с. 31].

18 мая 1914 года В. К. Арсеньев в хабаровской газете «Приамурье» (№ 2317) опубликовал статью о задачах вновь организованного отделения [15].

Всего же в 1914 года в отделении состоялось 10 заседаний, на которых, помимо вышеприведённых, были сделаны следующие сообщения: «Обзор нумизматического кабинета Гродековского музея» (М. П. Красовский), «Путевые впечатления о местах нахождения археологических предметов по левому берегу р. Амура между Благовещенском и Хабаровском» (М. К. Азадовский), «Движение

русских на восток в XVII веке» (М. А. Варыгин). Остальные собрания были посвящены чтениям научной литературы, относящейся к задачам отделения, собеседованиям и разбору присылаемых и поступивших в Гродековский музей предметов археологии. В 1914 году, в основном вследствие обращения отделения к представителям администрации и частным лицам, проживающим в Приморской и Амурской областях, от них в музей поступило археологических предметов 29 единиц. Наибольший интерес представляли каменный бурхан, добытый корейцем Паком из сталактита в Макрушенской пещере около залива Св. Владимира, и полученные от сына губернатора Приморской области полковника Генерального штаба Тихменева первые карты рек Амур и Уссури, побережья Японского моря и Маньчжурии, относящиеся к 1857 году.

В результате работы в 1914 году «отделение установило тесную связь с лицами, интересующимися историей Края, живущими на местах нахождения краевых памятников старины, и затем, до некоторой степени, побудило интерес и вызвало сознательное отношение среди населения к предметам, не имеющим курсовой или рыночной цены и не заслуживающим внимания в обыденной жизни, но являющимися нередко очень интересными ценными и весьма важными для науки» [10, л. 62–63].

Сильно осложнила деятельность отделения начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война. В 1915 году из личного состава отделения выбыло шесть человек (М. А. Крынин, К. Г. Петров, Л. И. Звездин, М. Я. Росселевич, А. А. Горячковский и А. П. Лосев), в том числе и в действующую армию. В этом же году в отделение вступили В. В. Котов, К. А. Гомоюнов, С. К. Столица, Н. А. Михельсон, и к 1 декабря 1915 года членом отделения был 31 человек [12, с. 59].

В 1915 году, несмотря на крайне неблагоприятные условия, отделение продолжало функционировать и общалось с научными учреждениями и обществами Европейской России, рассылая им копии протоколов своих заседаний и отчёта за 1914 год с просьбой оказать содействие и поддержку вновь возникшему обществу.

Первой в 1915 году на обращение отделения откликнулась графиня П. С. Уварова, председатель Императорского Московского археологического общества. В своём письме от 22 июня она приветствовала возникновение отделения и попутно дала некоторые указания и советы.

7 июля о своей готовности оказать отделению всякое содействие с обещанием высылать свои издания заявил Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.

23 октября о намерении высылать свои издания известило Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете.

17 ноября Императорское Русское археологическое общество направило в отделение следующие книги:

1) «Историю Императорского Русского археологического общества»;

2) «Протокол общих собраний Императорского Русского археологического общества за 1899–1908 гг.»;

3) «Краткий каталог музея Императорского Русского археологического общества»;

4) «Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества», т. XI [12, с. 60].

Вице-председатель отделения В. К. Арсеньев во время командировки в Посьетском и Барабашском районах «установил связь с корреспондентами, живущими на местах, причем лесничий Гродецкий, землевладельцы Янковские и корейцы учители любезно изъявили согласие сообщать Отделению сведения, относящиеся к его задачам» [12, с. 61].

На заседании 8 декабря 1915 года членом отделения И. А. Лопатиным было сделано сообщение «Шаманство у гольдов». В 1916 году предполагалось издать первый выпуск «Записок отделения». Совет собрал для этого статьи В. К. Арсеньева «Классификация памятников старины», М. П. Красовского «Путевые впечатления 1914 г.», А. З. Фёдорова «Раскопки в окрестностях Никольска-Уссурийского» и «Деятельность Отделения за его двухлетнее существование (Протоколы Заседаний)» [12, с. 61].

В 1915 году через отделение археологии, истории и этнографии в Гродековский музей поступило 146 предметов от А. З. Фёдорова, найденных им во время производства археологических раскопок в окрестностях Никольска-Уссурийского, материалы с раскопок А. Н. Пелля (г. Владивосток), проведённых им около поста Св. Ольги, а также один «тесловый топорик» и четыре железных обломка от крестьянина Фёдора Силина из Ольгинского района [12, с. 61].

18 января 1916 года начальник съёмочного отделения Приамурского военно-топографического отдела М. П. Красовский был прикомандирован к съёмке Петроградской губернии и Финляндии [16, с. 287]. В результате 30 января 1916 года на заседании отделения археологии, истории и этнографии были проведены выборы вице-председателя и трёх членов совета. В конце заседания В. К. Арсеньев, напомнив собравшимся историю возникновения отделения, указал, что «одним из инициаторов и первым председателем является М. П. Красовский, к сожалению, покидающий Хабаровск, и принёс ему от лица отделения глубокую бла-

годарность» [6, с. 32–33]. Весной 1916 года из Хабаровска в Петроград уехал секретарь отделения археологии, истории и этнографии А. Н. Свирин [19].

С апреля по сентябрь 1916 года В. К. Арсеньев почти непрерывно находился в командировках и побывал во Владивостоке, бухте Фельдгаузена, в селе Полтавке, на оз. Ханка. В начале мая он поехал в Никольск-Уссурийский, где под его руководством член отделения А. З. Фёдоров начал раскопки на площади у гарнизонного сада, а в первых числах июня — на КВЖД (в Харбин, Дайрен (Далянь) и др.) и только 3 сентября вернулся в Хабаровск [6, с. 64; 7, с. 51; 18, с. 152].

Кроме исследований В. К. Арсеньева и А. З. Фёдорова, другой информации о деятельности отделения археологии, истории и этнографии Приамурского отдела ИРГО в феврале – декабре 1916 года у нас нет. Во многом это было связано, вероятно, не только с отъездом из края наиболее деятельных членов отделения, но и охлаждением отношений В. К. Арсеньева с Н. Л. Гондатти, закончившихся разрывом и уходом Владимира Клавдиевича с поста директора Гродековского музея в декабре 1916 года [3].

За годы своей деятельности (1913–1916 гг.) отделение археологии, истории и этнографии Приамурского отдела ИРГО накопило большой багаж информации, полученной от развёрнутой с помощью его членов корреспондентской базы, опыт которой потом использовался при развитии краеведческого изучения Дальневосточного края в 1920-х – 1930-х годах. Члены отделения принимали участие в археологических раскопках у Хабаровска, на Нижнем и Среднем Амуре, в Никольске-Уссурийском, Ольгинском районе и на полуострове Песчаном у Владивостока. Большая часть материалов с этих раскопок и коллекции жителей края, полученные в результате обращений археологического отделения на страницах дальневосточной прессы, поступили в фонды Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, возглавляемого в 1910–1916 годах одним из организаторов отдела — Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым.

Список использованных источников

1. *Арсеньев, В. К. Археологические раскопки на дубовой рёлке в 1913 году и памятники старины близ Хабаровска // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 3, кн. 2 : Научно-практические публикации, отчёты, доклады, 1906–1917 гг. / В. К. Арсеньев ; сост. Н. С. Воробьёв, А. В. Колесов. — 2-е изд., испр. и доп. — Владивосток : Рубеж, 2020. — 656 с., [16] л. ил.*
2. *Арсеньев, В. К. Письмо к Л. Я. Штернбергу, февраль 1914 г. (копия) // Хабаровский краевой музей, книга поступлений (ХКМ КП). 10868/219. Ф. 53. Оп. 11. Д. 45. Л. 9–13.*
3. *Арсеньев, В. К. Письмо к Л. Я. Штернбергу, 17 декабря 1916 г. (копия) // ХКМ КП. 10868/210. Ф. 53. Оп. 11. Д. 44. Л. 16.*
4. *Археологическая хроника (за 2-ю пол. 1912 года) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к вып. 48 (Хроника и библиография, вып. 23). — Санкт-Петербург : Тип. Главного Управления Уделов, 1913. — 227 с.*
5. *Археологическая хроника (за 1-ю пол. 1914 года) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к вып. 56 (Хроника и библиография, вып. 26). — Петроград, 1914 (Типография Главного Управления Уделов). — 197 с.*
6. *Археологическая хроника (за 1-ю пол. 1916 года) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к вып. 63 (Хроника и библиография, вып. 30). — Петроград : Тип. Главного Управления Уделов, 1916. — 79 с.*
7. *Археологическая хроника (за 2-ю пол. 1916 года) // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к вып. 63 (Хроника и библиография, вып. 30). — Петроград : Тип. Главного Управления Уделов, 1916. — 91 с.*
8. *Воспоминания о М. К. Азадовском / сост., предисл., прим. И. З. Ярневского. — Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996. — 208 с.*
9. *Деятельность учреждений и обществ // Известия Императорской Археологической Комиссии. Прибавление к вып. 56 (Хроника и библиография, вып. 26). — Петроград : Тип. Главного Управления Уделов, 1914. — 197 с.*
10. *Журнал организационного собрания учредителей кружка любителей истории и археологии при Приамурском Отделе Императорского Географического общества // ХКМ КП. 10868/130. Ф. 53. О. 11. Д. 48. Л. 57–63.*
11. *Лунин, Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). — Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1958. — 318 с.*
12. *Отчёт Отделения Археологии, Истории и этнографии Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества за 1915 год // Отчет о деятельности Совета Приамурского отдела Императорского Русского географического общества за 1915 год (с 1 дек. 1914 г. по 1 дек. 1915 г.). — Хабаровск, 1916. — С. 59–62.*
13. *Отчет Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества / С. Ванков, Л. Звездин // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. — Хабаровск, 1913. — Т. 9, вып. 1. — С. 2–9.*
14. *Памятная книжка Приморской области на 1913 год. — Владивосток : Примор. обл. стат. ком., 1913 г. — II, XXXIV, 210, 44, [1], 26 с.; [1] л. карт.*
15. *Примечания к вступительной статье // Арсеньев, В. К. Жизнь и приключения в тайге / В. К. Арсеньев ; [вступ. ст., подготовка текста и примеч. М. К. Азадовского]. — Москва, 1957. — С. 241.*
16. *Сергеев, С. В. Военные топографы русской армии / С. В. Сергеев, Е. И. Долгов. — Москва : СиДи-Пресс, 2001. — 592 с.*
17. *Список чинам корпуса военных топографов : испр. по 1-е янв. 1916 г. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1916. — XIV, 149 с.*
18. *Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. — Москва : Наука, 1985. — 344 с.*
19. *Тарасова, А. И. Выписки из воспоминаний А. Н. Свирина «Моя жизнь с искусством» / А. И. Тарасова // ХКМ КП. 10868/439. Ф. 53. Оп. 11. Д. 92. Л. 9.*
20. *Ходатайство первого собрания любителей истории и археологии приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти, 6 января 1914 г. // ХКМ КП. 10868/130. Ф. 53. Оп. 11. Д. 48. Л. 59.*
21. *Хроника // Приамурье. — Хабаровск, 1913. — 11 янв.*
22. *Хроника // Приамурье. — Хабаровск, 1914. — 4 мая.*

Материал поступил в редакцию 24.08.2022.

Сведения об авторе: Шестаков Алексей Вячеславович, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактная информация: e-mail a_shes@mail.ru.

ГАВРИЛОВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

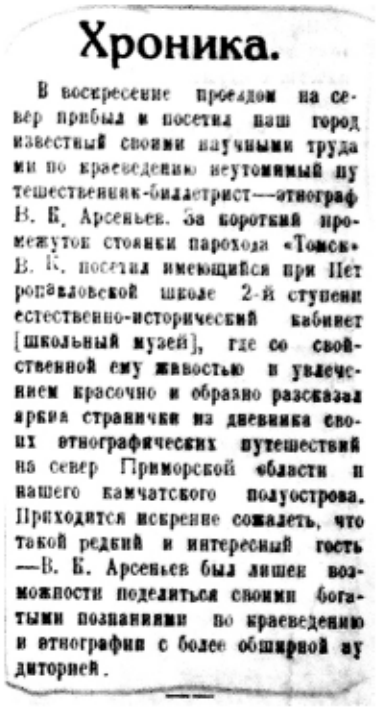
АРСЕНЬЕВ. КАМЧАТКА. 1923-Й

В статье прослежен эпизод из жизни В. К. Арсеньева, связанный с его пребыванием на Камчатке и Командорских островах летом 1923 года. Охарактеризована его просветительская и исследовательская деятельность во время этой поездки.

Ключевые слова: Арсеньев, Камчатка, Командорские острова, землетрясения, лекция, Беринг, Авачинский вулкан, Новограбленов.

Keywords: Arsenyev, Kamchatka, Komandorski Islands, earthquakes, lecture, Bering, Avacha Volcano, Novograblenov.

В воскресный день 8 июля 1923 года газета «Полярная звезда», выходившая в оторванном огромными расстояниями от материковой России городке Петропавловске-на-Камчатке, единственное на весь огромный Камчатский полуостров «средство массовой информации», известила, что в порт прибыл пароход Добровольного флота «Томск». Его ждали уже несколько дней, приход судна задерживали сильные штормы [2, № 75, с. 3].

Хроника.

В воскресенье проездом на север прибыл и посетил наш город известный своими научными трудами по краеведению неутомимый путешественник-беллетрист—этнограф В. К. Арсеньев. За короткий промежуток стоянки парохода «Томск» В. К. посетил имеющийся при Петропавловской школе 2-й ступени естественно-исторический кабинет [школьный музей], где со свойственной ему живостью и увлечением красочно и образно рассказал яркия странички из дневника своих этнографических путешествий на север Приморской области и нашего камчатского полуострова. Приходится искренне сожалеть, что такой редкий и интересный гость —В. К. Арсеньев был лишен возможности поделиться своими богатыми познаниями по краеведению и этнографии с более обширной аудиторией.

Сообщение о прибытии В. К. Арсеньева в Петропавловск. Газета «Полярная звезда», 11 июля 1923 года, № 75.

На пароходе «проездом на север» среди прочих пассажиров прибыл охарактеризованный как «известный своими научными трудами по краеведению неутомимый путешественник-беллетрист — этнограф В. К. Арсеньев». Но в столицу полуострова этого человека привела не только жажда странствий, а дела государственные — в феврале этого года он был назначен заведующим подотделом охраны и надзора отдела рыболовства по морским звериным промыслам Дальрыбохоты (Дальневосточное управление рыболовства и охоты, государственной рыбной и пушной промышленности, создано в 1922 г.). Его задача — доставить на Командорские острова топливо, продовольствие и снабжение, жалование служащим звериных промыслов, газеты и документы новой, недавно утвердившейся на северо-востоке страны власти — советской. Ещё одна задача — вывезти ценный валютный товар — пушнину, добытую на островах в течение сезона 1922/23 годов.

«Томск» покинул Авачинскую губу вечером этого же дня. Судно под командованием известного капитана К. А. Дублицкого направилось «в Усть-Камчатск и на Командорские острова». Ожидалось, что с «островов пароход зайдёт в Петропавловск», а отсюда направится в Большерецк и Шанхай. «О заходе “Томска” во Владивосток возбуждено ходатайство» [2, № 75, с. 3].

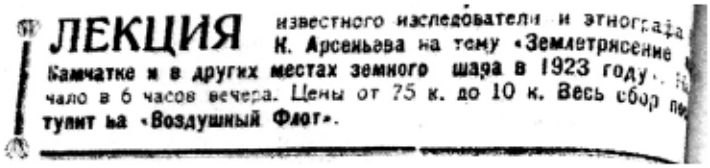
Несмотря на короткое время стоянки, деятельный В. К. Арсеньев успел посетить имевшийся при Петропавловской школе второй ступени естественно-исторический кабинет, иначе именовавшийся «школьным музеем». Им заведовал хорошо знакомый ему первый камчатский естествоиспытатель из местных уроженцев, учитель П. Т. Новограбленов. Здесь Арсеньев «со свойственной ему живостью и увлечением, красочно и образно, рассказал яркие странички из дневника своих этнографических путешествий на север Приморской области и нашего Камчатского полуострова». Далее газета писала: «Приходится сожалеть, что такой редкий и интересный гость был лишён возможности поделиться своими богатыми познаниями по краеведению и этнографии с более обширной аудиторией» [2, № 75, с. 3]. Впрочем, такая возможность ему ещё представится.

Прибыли на «Томске» и другие гости, вернее, хозяева, как они себя вскоре проявили, сотрудники губернского отдела Госполитуправления (ГПУ) во главе с начальником Барановым и командиром дивизиона Кобывским. Вскоре они, словно завоеватели, начали самовольное заселение в жилища местных обитателей, чем вызвали в городе настоящую панику. Однако вскоре эти визитёры были обезврежены местными властями и воинской силой и отправлены обратно во Владивосток. Какое-то время обязанности начальника местного ГПУ исполнял В. М. Кручина, комендантом при нём был некто Савицкий.

В Усть-Камчатск «Томск» пришёл 10 июля, здесь Арсеньев осмотрел местный рыбоконсервный завод, а на следующий день судно отправилось на Командоры. С 12 по 19 июля пароход посетил острова Беринга и Медный. Помимо выполнения служебных обязанностей, В. К. Арсеньев побывал на могилах В. Й. Беринга и своего хорошего знакомого, бывшего заведующего пушными промыслами на Командорских островах А. И. Черского (1879–1921 гг.). По одной из версий, тот, «преданный делу и знавший его в совершенстве, не выдержал тяжёлых условий существования и натянутых отношений с населением и отравился» [3].

С посещением могилы великого мореплавателя связан эпизод, известный как «шпага Беринга». Неподалёку от места захоронения капитана-командора был найден поржавевший морской палаш с прикреплённой табличкой с инициалами «В. Б.», стилизованными под латынь. Только спустя много лет окончательно выяснилось, что это морской палаш второй половины XIX века возложила на могилу команда охранной шхуны «Алеут» в 1892 году. Русские моряки так почтили память Беринга, открывшего острова 150 лет тому назад и скончавшегося здесь.

Впечатления о посещении Командорских островов, считается, что не вполне объективные, Арсеньев изложил в статье, опубликованной в сборнике «Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока». Приведённые здесь сведения, особенно впечатления от здешних жителей, расходятся с данными начальника Командорских островов П. М. Колтановского из отчёта за 1922 год. Отличаются они и от сообщённого в 1927 году Б. А. Редько, бывшего вначале «помначкомандором», а затем и самим начальником. Прав-

ЛЕКЦИЯ известного исследователя и этнографа К. Арсеньева на тему «Землетрясение Камчатке и в других местах земного шара в 1923 году... чало в 6 часов вечера. Цены от 75 к. до 10 к. Весь сбор по тупит на «Воздушный Флот».

Объявление о лекции В. К. Арсеньева в клубе имени Коминтерна. Газета «Полярная звезда», 29 июня 1923 года, № 82.

да, позже и В. К. Арсеньев отмечал, что статью написал наспех, всего за неделю. Похоже, что взаимопонимание и с П. М. Колтановским, и с местными обитателями у него в тот раз не сложилось…

Вечером 18 июля «Томск» в густом тумане малым ходом направился от островов в Петропавловск. Так пишут некоторые исследователи. А «Полярная звезда» сообщает, что пароход вернулся в порт рано утром 21 июля из Усть-Камчатска [2, № 79, с. 3]. Капитан К. А. Дублицкий предполагал пробыть в порту пару суток, но стоянка затянулась на три недели. Дело в том, что из Петропавловска предполагался заход на Большерецкие промыслы за лососем, заготовка которого ещё не завершилась.

29 июля «Полярная звезда» дала объявление: «Сегодня лекция известного исследователя и этнографа В. К. Арсеньева на тему “Землетрясения на Камчатке и в других местах земного шара в 1923 году”. Начало в шесть часов вечера. Цены от 75 к. до 10 к. Весь сбор поступит на “Воздушный флот”». Затем обещан иллюзион, то есть кинопоказ. «Будут демонстрироваться новые русские картины», в том числе историческая — «Самсон и Далила» [2, № 82, с. 4].

Лекция прошла в клубе имени Коминтерна. «Отчёт» о ней, составленный П. Т. Новограбленовым, опубликован 5 августа:

«За два часа голодная от отсутствия живого научного слова аудитория получила массу нового, свежего материала. Указав на существовавшие кольца действующих вулканов вокруг Великого океана, часть дуги которого проходит по Камчатке, лектор дал физическую характеристику Курильской гряды островов с её двадцатью двумя действующими вулканами и другими проявлениями подземной силы. Пульсация вулканов, вырывание газов, кипящие гейзеры, водопады кипящей воды, горячие ключи, подводные извержения, подводные толчки — вот что характерно для Курильской гряды, которая, как известно, прилегает к Камчатке.

Камчатка раньше была островом, а в недавнее сравнительно время соединилась с материком тундрой, называемой Парапольский дол. Это доказывается тем, что материковые животные изредка переходят на Камчатку (белка, лось) с материка, а если бы Камчатка была давно с материком связана, то они жили бы и на полуострове. Ламуты также недавно стали проникать на Камчатку, живя прежде в соседстве с нею. Многие материковые растения также недавно стали переходить и расселяться по Камчатке.

Вулканическая дуга проходит по восточному берегу, который наиболее подвержен влиянию вулканических и сейсмических явлений. Перед глазами путешественника по Камчатке проходит ряд вулканических конусов, разрушенных кратеров, области, залитые лавами и засыпанные вулканическим пеплом, песком, лапилли (мелкие кусочки застывшей лавы. — *С. Г.*); области вулканических провалов и опускания, ныне заполненные водой.

Нет ничего удивительного в явлениях землетрясений и извержений сопок; эти явления необходимы для жизни земли. Если во время извержений вулканов и опустошительных землетрясений гибнут тысячи человеческих жизней, то никто не знает, какие бедствия могли бы произойти, если бы время от времени предохранительные клапаны земли не открывались и не выпускали бы скопившиеся внутри земной коры пары. Быть может, тогда погибали бы сразу не тысячи, а миллионы людей.

Вулканы Курильских островов и Камчатки идут вдоль одной земной трещины, а вулканы Алеутской цепи — по второй трещине. У камчатского вулкана Шевелюч (современное написание Шивелуч. — *С. Г.*) обе трещины сходятся углом, причина, почему здесь и в окрестностях всегда больше землетрясений.

Апрельское землетрясение (13–14 апреля 1923 г., затронувшее Камчатку. — *С. Г.*) прошло вдоль всего вулканического кольца Тихого океана, вдоль Африканской дислокационной линии и многих мест земного шара, погубив тысячи человеческих жизней. Многие вулканы на земном шаре возобновили свою страшную деятельность в это же время.

СПРАВОЧНЫЙ
Отдел.

В редакцию нашей газеты поступило на Воздушный флот от гражданина:

В. М. Чекмарева—около 2 золотников золота, от устроителей лекции В. К. Арсеньева—61 р. 80 к., а всего с ранее поступившими 116 р. 35 к.

Сообщение о взносе средств в фонд Красного Воздушного флота, собранных от лекции В. К. Арсеньева. Газета «Полярная звезда», 1 августа 1923 года, № 83.

Объяснением причин, вызывающих землетрясения, и затем ответами на вопросы слушателей закончил лекцию. Весь сбор с лекции В. К. Арсеньева поступил на Воздушный флот» [2, № 85, с. 4].

Публики собралось много. 1 августа «Полярная звезда» сообщила, что в её редакцию поступило пожертвование на создание Красного Воздушного

флота от устроителей лекции в размере 61 рубля 80 копеек [2, № 83, с. 4]. (Если поделить эту сумму на стоимость самого дорогого билета в 75 коп., то выходит, что лекцию посетили не менее 82 человек, что для Петропавловска, населённого всего-то 1 193 жителями, действительно, много.)

Тема лекции была весьма чувствительна для камчатских обитателей в прямом смысле. В 1923 году полуостров уже «трясло». Например, 11 февраля в три часа ночи в районе посёлка Колыгирь. При этом в течение десяти минут обнажилось дно в прилегавшей бухте, морская вода отступила от берегов на две мили, затем вода пошла обратно и «со страшной силой и шумом бросилась на берег». Посёлок не был затоплен лишь потому, что «берег с лежавшим на нём снегом представлял собою берег высотою четыре сажени» [2, № 79, с. 3].

Уже упоминавшееся апрельское землетрясение в районе Усть-Камчатска унесло жизни 36 человек местных жителей и сотрудников рыбоконсервных заводов: японского и отечественного фирмы «Демби». Оба завода были разрушены, пострадали обывательские строения.

Лекции предшествовала «археологическая разведка», произведённая под руководством Арсеньева днём 29 июля на северо-западном берегу Култучного озера. Отчёт о ней так же подготовлен П. Т. Новограбленовым и опубликован спустя несколько дней, 3 августа:

«У разветвления дороги на ферму и в Сероглазку, вблизи школьного огорода, были обнаружены развалины древней камчадальской деревни. На съёмку было нанесено двадцать развалин юрт; их было гораздо более двадцати, но время и человек стёрли следы остальных. Например, дорога оказалась проложенной почти посредине этой древней деревни.

Селение состояло из земляных юрт четырёхугольной формы, юрты были две сажени в длину и полторы сажени в ширину каждая, довольно глубоко выкопаны в земле. Теперь своды их упали, стенки обсыпались, но характерная форма большой четырёхугольной ямы ясно видна. Кроме того, сорная растительность, идущая всюду за человеком и остающаяся на месте его жилищ долгое время спустя после гибели человека, покрывает обильно развалины юрт.

Раскопку очага одной из найденных юрт производили как сам В. К. Арсеньев, так и его товарищи по разведке: И. Т. Новограбленов, указавший это место, студентка Ю. Н. Кирилова и автор этой заметки.

В результате работ оказался богатый материал, как в виде записей хода разведки, так и фактического материала, как то: каменный топор, дротики, наконечники стрел, скребки, лямис, 12 обломков орудий каменного века и 175 различной величины сколков из халцедона, глинистого сланца и различно окрашенного вулканического стекла.

Найденная глиняная посуда свидетельствует о том, что авачинские камчадалы-интельмены (ныне принято написание "ительмен". — *С. Г.*) делали кухонную посуду из чистой глины, не примешивая к ней ничего для скрепления, без гончарного круга, обжигая её на костре; форма посуды — самая примитивная.

Кухонные остатки наглядно показали, чем питались столетия тому назад жители Камчатки, до времени прихода русских (в 1696 г.). Огромную роль в пище интельмена играла съедобная ракушка — *Mytilus edulis* (мидия. — *С. Г.*).

Весь найденный материал и записи после их детальной обработки автором будут переданы Камчатскому музею» [2, № 83, с. 3].

Время вынужденного простоя «Томска» в Петропавловске было использовано и для исследовательских целей. 4 августа началось в те времена нечастое восхождение на Авачинский вулкан. Вот что писал об этом сам Арсеньев:

«Экспедиция на Авачинский вулкан вышла экспромтом. Пароход Добровольного флота "Томск" прибыл в Петропавловск 21 июля 1923 г., имея намерение простоять в гавани лишь двое суток, но по независящим от него причинам, откладывая день ото дня свой выход в море, он пробыл в Авачинской бухте три недели.

Так как пароход мог сняться с якоря неожиданно, то уходить от него далеко было рискованно. Но вот 1 августа стало известно, что "Томск" простоит в Петропавловской гавани до 7-го числа включительно. Тотчас был составлен план экспедиции на Авачинскую сопку.

Главное задание заключалось в том, чтобы угадать погоду так, чтобы в день поднятия на вулкан не было дождя и тумана. Задача эта трудная, потому что при всех почти ветрах, кроме западного и юго-западного, высокие горы полуострова Камчатки покрыты густыми облаками, и тогда восхождение на них не только не интересно, но даже небезопасно…

В экспедиции на Авачинскую сопку приняли участие: автор настоящих записок Владимир Клавдиевич Арсеньев, местный исследователь, ботаник Прокопий Трифонович Новограбленов, уже совершивший дважды восхождение на тот же Авачинский вулкан и один раз на Вилючинскую сопку. Потом в состав маленького отряда вошли: председатель Камчатского губревкома Михаил Иванович Савченко, оказавшийся отличным альпинистом, военком Андрей Ильич Марков — надёжный товарищ во всякого рода опасных предприятиях и фотограф Леонид Елеазарович Колмаков. Кроме того, в экспедиции приняли участие ещё два лица: капитан парохода "Томск" Константин Александрович Дублицкий и Ю. Н. Кирилова, дочь известного (ныне покойного) краевого работника врача Н. В. Кирилова. Последняя не имела намерения совершить восхождение на Авачинскую сопку и пошла вместе со всеми с тем, чтобы остаться на биваке у подножья вулкана. Следуя советам П. Т. Новограблено-ва, с собой было взято три вьючных лошади, две палатки,

крепкая обувь, лёгкая тёплая одежда, один топор, компас, два фотографических аппарата и запас продовольствия на пять суток» [1, л. 1–2].

Экспедиция вышла к подножью вулкана. Цель — достижение кратера. Первым не выдержал тягот пути капитан Дублицкий. Он «почувствовал себя не совсем здоровым и решил возвратиться назад, опасаясь своим присутствием связать остальных товарищей». Подъём на вулкан занял пять часов, в кратерах пробыли более полутора часов.

Старый кратер был неглубок, «дно его покрыто обломками лавы величиной с конскую голову. Отовсюду поднимается бесчисленное множество мелких струй газа. Является впечатление, будто кратер недавно ещё был мокрым и не успел просохнуть, как следует, отчего со дна и поднимается пар. По всей внутренней поверхности кратера видны многочисленные белесовато-жёлтые пятна серы. Почва на дне его нагрета настолько сильно, что долго сидеть на одном месте нельзя. На глубине одного вершка под камнями рука не выдерживает температуру три-четыре секунды».

Новый же кратер представлял собой «зрелище, которое оставляет впечатление на всю жизнь… Обойдя кратер с другой стороны, нам всё же удалось подойти несколько ближе к главной фумаролле, из которой вырывались с необычайно сильным рёвом жёлто-зелёный газ и клубы пара, температура которого равнялась сто один градус по Цельсию. Неизвестно, следует ли считать эту температуру абсолютной или надо включать к ней поправку на высоту вулкана (2 660 метров). Здесь дно кратера было настолько накалено, что камни во многих местах растрескались от жара. Брошенный скомканный кусок бумаги тотчас обуглился и, вероятно, вспыхнул бы пламенем, если бы не угольная кислота…» [1, л. 8–10].

В. К. Арсеньев во время восхождения на Авачинский вулкан. Август 1923 года.

Отчёт об этой экспедиции, названный автором «Восхождение на Авачинский вулкан в 1923 году», был написан на борту «Томска» во время возвращения с Камчатки. Его большая часть сохранилась в фондах Государственного архива Камчатского края в машинописном виде. К отчёту приложена плохо сохранившаяся фотография, показывающая В. К. Арсеньева, сидящего на камне. Неподалеку стоит один из его спутников. Современными средствами обработки удалось немного «вытянуть» изображение, но мелких деталей на нём не просматривается.

9 августа «Томск» покинул Авачинскую губу и 1 сентября вернулся во Владивосток. В этот же день в Японии случилось катастрофическое землетрясение, сопровождавшееся сильным разрушением городов Иокогамы, Нагои и Токио и многочисленными жертвами [2, № 97, с. 2].

Интересно, что во время пребывания Арсеньева в Петропавловске начиная с 3 августа «Полярная звезда» три номера подряд публиковала довольно пространную статью «Прошлое и будущее Дальневосточной рыбопромышленности». Вместо фамилии автора части статьи помечены инициалами, причём разными — «К. Р.» и «К. З.» [2, № 84–86]. Имеет ли какое-либо отношение статья к представителю Дальрыбохоты В. К. Арсеньеву, мы не знаем, но, кроме него и лиц промыслового надзора, впервые прибывших к камчатским берегам под советским флагом на сторожевике «Красный вымпел», в Петропавловске в тот год никого другого из «рыбных властей» не было…

Список использованных источников

1. *Арсеньев, В. К. О восхождении на Авачинский вулкан в 1923 г. / В. К. Арсеньев // Государственный архив Камчатского края. Ф. Р-555. Оп. 3. Д. 69.*
2. *Полярная звезда. Комплект за 1923 г.*
3. *Редько, Б. А. Алеуты Командорских островов / Б. А. Редько // Производительные силы Дальнего Востока. — Хабаровск ; Владивосток, 1927. — Вып. 5 : Человек. — С. 69–112.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 25.03.2022.

Сведения об авторе: Гаврилов Сергей Витальевич, старший научный сотрудник отдела научно-фондовой работы Камчатского краевого объединённого музея, доцент Камчатского государственного технического университета, член Союза писателей России, Российского военно-исторического общества, лауреат литературных и краеведческих премий, почётный работник рыбного хозяйства России (г. Петропавловск-Камчатский).
Контактные данные: e-mail: gavrilov_sv@kamchatgtu.ru; тел.: (4152) 42-54-12, 8-909-831-93-96.

КОНДРАТЕНКО АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

ПРОДОЛЖАТЕЛЬ ДЕЛА В. К. АРСЕНЬЕВА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЕГО НАСЛЕДИЯ ДОКТОР БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК А. И. КУРЕНЦОВ

Статья посвящена жизни и деятельности Алексея Ивановича Куренцова (1896–1975 гг.) — выдающегося исследователя природы Дальнего Востока, замечательного биогеографа, энтомолога, популяризатора науки. С именем Куренцова связаны многие этапы развития биологии на Дальнем Востоке. Основатель дальневосточной школы энтомологов, он стал также одним из основателей исторического и динамического направления в биогеографии XX века. Куренцов по праву считал В. К. Арсеньева своим учителем, посвятил его наследию ряд научных работ.

Ключевые слова: А. И. Куренцов, В. К. Арсеньев, Дальний Восток, Орловская губерния/область, биология.

Keywords: A. I. Kurentsov, V. K. Arsenyev, Far East, Oryol Governorate, biology.

«Имя Алексея Ивановича Куренцова по праву стоит в одном ряду с именами прославленных исследователей Дальнего Востока — Н. М. Пржевальского, В. Л. Комарова, В. К. Арсеньева. Неутомимый исследователь-путешественник А. И. Куренцов за сорок с лишним лет работы на Дальнем Востоке обошёл и объехал его весь… лично добыл для науки и обработал массу новых уникальных сведений о животном мире Дальнего Востока, что послужило прочным фундаментом его теоретических зоогеографических исследований», — писал в предисловии к книге «Учёный А. И. Куренцов» (Тула, 1978 г.) член-корреспондент АН СССР А. П. Капица [7, с. 8].

Алексей Иванович Куренцов (1896–1975 гг.) — выдающийся исследователь природы Дальнего Востока, замечательный биогеограф, энтомолог и писатель. С его именем связаны многие этапы развития биологии на Дальнем Востоке. Он стал одним из основателей исторического и динамического направлений в биогеографии.

Начать рассказ об этом незаурядном человеке хотелось бы с установления точной даты его рождения. Так, организуемые Дальневосточным отделением РАН чтения памяти Куренцова проводятся в начале марта и приурочены ко дню его рождения. В «Википедии» указано, что он родился 20 февраля (3 марта) 1896 года. Та же дата (3 марта) указана во множестве источников без упоминания нового или старого стиля, в частности, в очерке Н. Н. Воронцова «Алексей Иванович Куренцов (страницы из истории биологии на Дальнем Востоке)» [1, с. 149], а в книге «Учёный А. И. Куренцов» — 3 марта по новому стилю [7, с. 14]. Вполне возможно, что сам он не придавал значения, по какому стилю указывает в анкетах дату рождения. В хранящихся в Государственном архиве Орловской области метрических книгах церкви Николая Чудотворца в селе Апальково Кромского уезда Орловской губернии имеются записи о рождении в семье Куренцовых детей. Там, в частности, указано, что у военного фельдшера при Апальковской земской больнице Ивана Алексеевича Куренцова и его законной жены Елены Михайловны (урождённой Новобрановой) родился сын Алексей 3 марта (крещён 7 марта) 1896 года [6, л. 4 (об.) – 5].

И потому ныне можно однозначно утверждать: Алексей Куренцов родился 3 марта (15 марта по новому стилю) 1896 года в селе Алексеевском.

Отец многодетного семейства крестьянский сын Иван Алексеевич Куренцов в молодости участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, при увольнении со службы получил звание военного фельдшера, однако первое время (как и его братья) занимался привычным земледельческим трудом и только спустя несколько лет стал фельдшером земской больницы.

Начальное и среднее образование Алексей получил в уездном городе Кромы. По воспоминаниям Алексея Ивановича, интерес к окружающему миру пробудился у него ещё в детстве благодаря книгам Н. М. Пржевальского, В. К. Арсеньева, Р. К. Маака и был поддержан отцом и дядей, которые живо интересовались родной природой. Школьный учитель, энтомолог-любитель, научил Алексея правильному сбору насекомых. На всю жизнь в душу подростка запала первая его самостоятельная экскурсия, совершённая с племянником Сашей к истокам реки Оки. Мальчики хотели убедиться, действительно ли река берёт начало в двух источниках, похожих на человеческое око.

Также Куренцов признавал, что его ранние натуралистические работы в значительной степени были стимулированы письмом А. А. Браунера — маститого зоолога, который, приветствуя открытие Общества изучения природы в Орле (1913 г.), писал, что природа Орловской губернии исследована хуже, чем Центральная Африка.

Жизнь Куренцовых складывалась трудно, даже на фоне суровых обстоятельств военной и революционной поры. Утонули во время троицкого купания две сестры Куренцова, в 1904 году умерла мать, а спустя несколько лет ушёл из жизни отец. Но велика была жажда знаний, стремление занять достойное место в жизни. Так, младшая сестра Агафья окончила Кромскую женскую гимназию и педагогический класс при ней, в 1918 году стала учителем начальных классов в сельской школе. Поступила в Воронежский университет на медицинский факультет, где в числе её учителей были знаменитый Н. Н. Бурденко (когда в 1923 г. он уезжал из Воронежа в Москву, студенты несли своего кумира до вокзала на руках), В. И. Бобров, А. И. Ермоленко, Н. В. Словцов и другие преподаватели…

Оставшийся без родителей Алексей Куренцов в предреволюционные годы работал статистиком в уездной земской управе, затем в земельном управлении в Кромах. Увлечённый книгами В. К. Арсеньева, Н. М. Пржевальского, трудами Л. Шренка, он мечтал попасть на Дальний Восток. В 1920 году Зоологический музей Академии наук в Петрограде выделил ему небольшие средства для коллектирования (собирания) насекомых на Дальнем Востоке. Он приехал в Никольск-Уссурийский (ныне Уссурийск), где по инициативе тогда ещё члена-корреспондента Академии наук В. Л. Комарова в 1916 году было организовано Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества и где в то время работала ученица Комарова Е. Н. Клобукова-Алисова. Вместе с ботаником И. К. Шишкиным Куренцов в 1920–1923 годах изучал горные районы

юга Приморья. Было зарегистрировано около тысячи видов растений [7, с. 25].

Когда Куренцов прочёл книгу Арсеньева «По Уссурийскому краю. Путешествие в горную область Сихотэ-Алинь» (Владивосток, 1921 г.), он написал автору восторженное письмо и получил приглашение приехать во Владивосток и принять участие в научной экспедиции. По совету Арсеньева Куренцов отправился на реку Сучан, где впервые нашёл «редчайшую голубую лилию».

В 1922 году вышла первая научная работа Куренцова — по фауне чешуекрылых окрестностей Уссурийска (опубликована в сборнике в Никольске-Уссурийском), в 1923 году во Владивостоке вышла брошюра Куренцова (в соавторстве) [Подробнее см.: 2].

Собрав богатые коллекции для Зоологического музея Академии наук, Алексей Иванович в 1923 году вернулся в Кромы. Переписка с Арсеньевым продолжалась, впоследствии в память о нём Куренцов назвал его именем новый вид бабочки — эребия, пойманной в Приморье. «Это скромная признательность ученика учителю», — говорил Куренцов.

В Орловской губернии он преподавал биологию в школе, исследовал энтомофауну и флору лесостепья и степей, островки степей в верховьях Оки. В это время пришлось пережить тяжёлое испытание — он заболел брюшным тифом, и этот недуг спровоцировал обострение после перенесённого на ногах на Дальнем Востоке энцефалита. В итоге значительно хуже стала работать правая рука, и это последствие болезни осталось неизменным на всю жизнь. Однако работа не останавливалась. Куренцов вспоминал: «В 1925–1927 гг. я был близок к той кипучей научной деятельности В. Н. Хитрово, которая оживляла всю краеведческую работу Орла, но и в разных районах нашей области» [7, с. 65]. Профессор Владимир Николаевич Хитрово (1878–1949 гг.) был одним из создателей Общества для исследования природы Орловской губернии, Орловского университета (1919 г.), составителем фундаментальной книги «Природа Орловского края» (1925 г.). Впоследствии репрессирован, жил и работал в Омске.

Молодой исследователь Куренцов стал одним из первых членов Русского ботанического общества, на Всесоюзном ботаническом съезде (Москва, 1926 г.) он выступил с докладом «Борьба леса со степью в Орловской губернии». Интерес к природе степей Куренцов сохранил на всю жизнь. Потом, работая по преимуществу в зоне лесов, с особым интересом исследовал крайний восточный предел степей близ озера Ханка, изучал зоогеографические связи степных элементов фаун Азии и Северной Америки.

В 1928 году Куренцов вновь был командирован от Зоологического музея АН СССР (г. Ленинград) в Уссурийский край. В 1929 году он переезжает в Ленинград, где работает лаборантом, а затем научным сотрудником Института защиты растений ВАСХНИЛ; одновременно поступает в Ленинградский университет. К тому времени это был уже сложившийся натуралист. Он исследовал саранчу в Закавказье (1930 г.), вредителей хвойных в лесах Ленинградской области (1932 г.). В 1931 году вновь посетил Дальний Восток, где изучал короедов и вредных бабочек Южного Сихотэ-Алиня.

Окончив в 1932 году Ленинградский университет, Алексей Иванович встал перед непростым выбором: идти в аспирантуру или отправиться на Дальний Восток? Смерть Арсеньева в сентябре 1930 года была своего рода вызовом для Куренцова: как продолжить исследовательское дело своего учителя?

Так совпало, что в феврале 1932 года было создано Дальневосточное отделение АН СССР (с 1933 г. — Дальневосточный филиал АН СССР). Открывались заманчивые перспективы научной работы на восточных рубежах страны. Так, Горно-таёжная станция (ГТС) получила статус самостоятельного учреждения при филиале. Сюда по предложению давней коллеги Е. Н. Клобуковой-Алисовой (с ней Куренцов случайно встретился в северной столице) и был приглашён на работу. Были недолгие сомнения, но перед принятием окончательного решения Куренцов был приглашён на беседу с президентом Академии наук В. Л. Комаровым, который поддержал планы его работ по фауне и зоогеографии насекомых Дальнего Востока. На станции Алексей Иванович стал заведующим зоологическим кабинетом и проработал там с 1933 по 1943 год.

В 1934–1935 годы была организована годовая Восточно-сибирская экспедиция геоботаников для изучения пастбищ Забайкалья и Бурятии. На Чукотке работали Б. Н. Городков и Б. А. Тихомиров, на Сихотэ-Алине с Куренцовым трудились Б. П. Колесников, К. К. Флёров, Г. Н. Золотарёв. Наряду с Приморьем Куренцов исследовал северную часть Сахалина.

Дальневосточные биологи в те годы работали в тесном контакте с москвичами и ленинградцами. Штат ГТС уже к 1936 году возрос до 80 человек, в её состав входили Супутинский (затем — Уссурийский) заповедник (здесь работали З. И. Лучник, Я. Я. Васильев, жена Куренцова Галина Эразмовна, З. И. Гутникова, Т. В. Самойлова), ботанический кабинет, сектор освоения горных склонов, метеостанция.

В 1930-е годы Куренцов исследовал вредителей леса, за 10 лет вышло четыре десятка его публикаций (это были этапы подготовки фундаментальной монографии по короедам Дальнего Востока). Уже в 1936 году Президиум АН СССР присудил Алексею Ивановичу учёную степень кандидата биологических наук без защиты диссертации (он стал первым обладателем такой степени на Дальнем

Востоке), в 1938 году был утверждён в звании старшего научного сотрудника.

К несчастью, в 1938–1940 годах были ликвидированы и филиал Академии наук, и университет, что болезненно сказалось на развитии научной среды обширного региона. Многие перспективные учёные уехали. Из академических учреждений уцелели лишь ГТС и заповедники. Куренцов оказался в довольно ограниченном кругу оставшихся учёных-энтузиастов. С тем большей энергией он продолжал начатую работу. В 1940 году завершил монографию «Короеды Дальнего Востока», опубликованную издательством АН СССР в 1941 году. Эта работа была защищена им 29 марта того же года в Зоологическом институте АН СССР как докторская диссертация (и снова Куренцов стал первым на Дальнем Востоке — теперь уже доктором наук!).

В годы Великой Отечественной войны Куренцов уделял большое внимание прикладным исследованиям (в 1942 г. он совершил экспедицию в верховья Уссури, на следующий год — на водораздел рек Бикина и Имана). В 1943 году в Уссурийске была организована Дальневосточная база АН СССР (началось восстановление неразумно упразднённой научной инфраструктуры), и Алексей Иванович вместе с семьёй переехал в этот город, где возглавил зоологический сектор (затем отдел) указанной базы. Расширилась тематика исследований, появились новые кадры.

Великая Отечественная война оставила горький след в истории семьи Куренцовых, однако они достойно вынесли все испытания. Геройски проявила себя сестра учёного Агафья Ивановна, работавшая главврачом сельской больницы. Военные обстоятельства сложились так, что несколько советских армий под Орлом и Брянском попали в окружение, уже в начале октября 1941 года возглавляемая ею больница оказалась на оккупированной территории. Из лесов сюда тайком потянулись окруженцы. Куренцова организовала подпольную сеть выхаживания: сама делала операции (около трёх сотен), наиболее тяжелораненых оставляла в больнице, легкораненых (особенно если это были командиры и комиссары, за которыми рьяно охотились фашисты) распределяла по крестьянским домам и вместе с медсёстрами и нянечками дохаживала их там.

Так были спасены четыреста (!) красноармейцев и командиров — большинство из них потом ушло за линию фронта или в партизанские отряды. Куренцова лечила партизан, передавала в отряды лекарства. Спасала Агафья Ивановна и мирных жителей от угона в Германию — выдавала справки о неизлечимых болезнях. В больнице собрали самодельный радиоприёмник, по которому ещё с февраля 1942 года получали сводки Советского информбюро. Был готов план уйти всем коллективом к партизанам в Брянские леса, унеся с собой необходимое для организации там нового госпиталя.

Доносы предателей сделали своё дело — в конце августа 1942 года ночью нагрянули немцы, несколько часов вели обыск, персонал арестовали, больных и раненых расстреляли, разгромленное здание сожгли. Медсестёр и санитарок допросили и отправили сначала в Орёл, потом в рабство в Германию. Агафью Ивановну поместили в одиночную камеру в тюрьме в Кромах, зверски пытали, били. Через месяц увезли в тюрьму в Карачев. Снова пытали, но она терпела допрос за допросом, ни в чём не сознавалась. Агафья Ивановна Куренцова погибла в фашистских застенках, место её захоронения осталось неизвестно. Её подвиг стал легендой.

Конечно же, о пропавшей без вести сестре, о земляках-орловцах, переживших оккупацию и грандиозную битву лета 1943 года, думал Алексей Иванович, когда в числе почётных гостей находился в Москве на трибунах Красной площади во время Парада Победы 24 июня 1945 года. Это был праздник со слезами на глазах…

В 1946 году Дальневосточная база была переведена во Владивосток, туда переехал и Алексей Иванович с семьёй. С той поры Владивосток стал местом его постоянного жительства, хотя весьма значительное время он по-прежнему проводил в экспедициях и даже в период летних отпусков уезжал не в санаторий или дом отдыха, а в родную Орловскую область, чтобы заниматься любимым ещё с 1920-х годов делом — изучением лесостепей. Эти отпуска-экспедиции продолжались около двух десятилетий.

В 1949 году Дальневосточная база была преобразована в Дальневосточный филиал АН СССР. Куренцов привлёк к работе множество перспективных сотрудников. После организации Сибирского отделения АН СССР, куда в 1957 году вошёл и Дальневосточный филиал, условия работы во Владивостоке стали заметно улучшаться. В 1962 году биологические лаборатории филиала были объединены в Биолого-почвенном институте, куда влилась и руководимая Куренцовым энтомологическая лаборатория.

Ряд лет он читал лекции в Дальневосточном университете (заново открыт в 1956 г.), примечая будущих соратников ещё на студенческой скамье. Так вокруг него образовался коллектив энтомологов-энтузиастов. Под руководством Куренцова были защищены одна докторская и 16 кандидатских диссертаций. В течение многих лет он был бессменным руководителем Дальневосточного отделения Географического общества. В 1958 году организовал Дальневосточное отделение Всесоюзного энтомологического общества, которым также руководил до конца жизни.

Огромное внимание Алексей Иванович уделял популяризации науки, продолжая лучшие традиции Арсеньева

и других русских учёных-путешественников. Когда сразу после Великой Отечественной войны приморской научной общественностью была предпринята попытка издания Полного собрания сочинений В. К. Арсеньева, в эту работу включился и Куренцов. В результате в 1947–1949 годах во Владивостоке в свет вышел шеститомник, впервые собравший наиболее значимые произведения Арсеньева. Открывалось издание вступительной статьёй Куренцова «Научное значение исследований В. К. Арсеньева». Пожалуй, это было одно из первых объективных осмыслений масштаба деятельности могучего исследователя — после многолетней идеологической травли (вплоть до расстрела вдовы В. К. Арсеньева Маргариты Николаевны).

По полному праву ученика и продолжателя дела Алексей Иванович представлял читателю первый столь весомый свод трудов своего предшественника. В частности, подчёркивал: «Совершенно исключительную работу он [Арсеньев] проделал в отношении исследования уссурийских рек. Можно с большим основанием говорить, что большинство истоков рек в крае, как и многих притоков их, мы до него совершенно не знали. <…> Величайшая заслуга В. К. [Арсеньева] заключается в том, что, следуя во время путешествий преимущественно по долинам рек, он не только первым далеко проник по этим водным артериям и для описания их верховьев, но, пользуясь полуинструментальной съёмкой, даже нанёс их и на карту» [5, с. VII].

По мнению Куренцова, «в области геоморфологии и динамической геологии В. К. [Арсеньев] в своих книгах развернул широкое многообразие форм и изменений нашего рельефа, которые при последующих специальных исследованиях были учтены и будут ещё учитываться при расшифровке всех особенностей и происхождения орографии Сихотэ-Алиня» [5, с. VIII]. И далее: «Если учесть, что до Арсеньева мы совершенно не имели местной геоботаники и ничего не знали по футо- и зоогеографии Сихотэ-Алиня, то можно оценить, насколько проникновенным географическим умом обладал он, ища обобщений и закономерностей в явлениях природы, и мог подметить основные черты распространения в крае растительности и животного мира» [5, с. VIII].

Вступительная статья Куренцова была насыщена массой экспрессивных оценок деятельности Арсеньева: «чрезвычайно интересные данные»; «поражаешься, каким богатейшим арсеналом знаний по местной флоре и фауне владел наш великой предшественник»; «много чрезвычайно интересного»; «принадлежит честь открытия и наименования многих перевалов и вершин хребтов»; «особенно большими заслугами В. К. являются для Дальнего Востока его работы в области местной этнографии» и т. д.

Куренцов показал читателю, какие идеи Арсеньева он сумел продолжить и в своих исследованиях. Подытоживая, высказал обобщающую мысль о значении неустанных трудов великого патриота и труженика: «…во всех разделах местной географии мы находим в той или иной степени влияние путешествий В. К. Арсеньева. Оно благотворно будет отражаться и на дальнейшем, более глубоком развитии этой науки в крае. <…> книги [Арсеньева] не только порождают у многих читателей желание попасть в чудесную страну на берега Уссури и в манящие горы Сихотэ-Алиня, но они и не одного натуралиста уже реально вдохновили и продолжают вдохновлять на новые и плодотворные исследования природы и населения Дальнего Востока» [5, с. XI].

К теме наследия Арсеньева Куренцов обращался ещё не раз, свидетельством чему его публикации «Линия Арсеньева в биогеографии Сихотэ-Алиня» (1965 г.) [3], «Мои встречи с Арсеньевым» (1972 г.) [4]. По примеру старшего коллеги Куренцов пробует свои силы в жанре научно-популярной литературы. Делавшиеся во время экспедиций дневниковые записи послужили ему не только для научных исследований, но и для создания серии книг: «В горах Тачин-Гуана» (1951 г.), «К неведомым вершинам Сихотэ-Алиня» (1952 г.), «Животный мир Приамурья и Приморья» (1959 г.), «В убежищах уссурийских реликтов» (1961 г.).

В послевоенное время Куренцов, наряду с изучением Сихотэ-Алиня (1948, 1949, 1951 гг.), Среднего Приамурья и Зейско-Амурского плато (1946, 1949, 1950 гг.), посещал Сахалин (1947 г.) и Курилы (1962 г.), в 1958–1960 годах принял участие в Камчатско-Чукотской экспедиции. В 1961–1965 годы Куренцов и его последователи организовали пять экспедиций по северу Хабаровского края и югу Колымского нагорья.

В целом ни один год не прошёл без масштабной научной экспедиции, и эта деятельность продолжалась до конца жизни Куренцова. Это была отличная школа для его многочисленных учеников.

Полевой опыт, знание всей природы, а не только энтомофауны позволили Алексею Ивановичу подготовить серию работ: «О зоогеографических округах Приморского края» (1947 г.), «К зоогеографии острова Сахалина» (1948 г.), «О зоогеографическом районировании Приамурья» (1949 г.), «Западная граница маньчжурской фауны на Амуре» (1950 г.), «Что такое маньчжурская фауна?» (1952 г.), «О зоогеографических взаимоотношениях в нижнем Приамурье» (1955 г.), «Историческая зоогеография и видообразование» (1957 г.), «К зоогеографическому районированию Приамурья» (1958 г.), «О зоогеографическом районировании Дальнего Востока» (1959 г.), «Вопросы зоогеографии южных частей Дальнего Востока» (1959 г.), «Животный мир Приморья и Приамурья» (1959 г.), «Животный мир Дальнего Востока» (1961 г.), «О происхождении фауны Камчатки» (1962 г.), «Проблемы Берингии в зоогеографии» (1963 г.),

«Зоогеография Камчатки» (1963 г.), «Энтомофауна горных областей Дальнего Востока» (1974 г.).

Часть работ, посвящённых бассейну Амура, была обобщена в фундаментальной монографии «Зоогеография Приамурья» (1965 г.). Широкий географический охват был характерен для статей о связях фаун Дальнего Востока СССР и Японии (1966 г.), работ о берингийских связях энтомофаун северо-востока Азии и северо-запада Америки (1968, 1971 гг.).

Большое внимание Алексей Иванович уделял защите растений и лесной энтомологии, чему посвящено 45 работ, в том числе несколько брошюр. Его работы по лесной энтомологии в 1952 году были отмечены Сталинской премией III степени.

Наибольший интерес исследователь проявлял к такой живописной группе насекомых, как чешуекрылые. В 1949 году он выпустил определитель «Дневные бабочки Приморского края», спустя два десятилетия была издана книга «Булавоусые чешуекрылые Дальнего Востока СССР» (Ленинград, 1970 г.). Фолиант сразу же после выхода в свет стал библиографической редкостью, был переиздан в Париже. Сам Куренцов неоднократно участвовал в международных встречах учёных, выступал с докладами в КНР, Польше, Чехословакии, Болгарии, Австрии.

В последние годы жизни Алексей Иванович работал над рукописями трёх будущих научно-популярных и мемуарных книг под общим названием «Мои путешествия», первая книга была опубликована в 1973 году. А. П. Капица отмечал: «Алексей Иванович был удивительно добрый человек, внимательный к другим… Он был чрезвычайно скромным человеком в быту и в жизни. У всех, кто с ним встречался, навсегда оставалось чувство глубокой симпатии к нему» [7, с. 10].

Алексей Иванович собрал поражающие своей полнотой коллекции насекомых, причём обнаружил более ста новых для науки видов, большую часть из которых сам же и описал. Он, автор более 220 научных работ, был избран почётным членом Всесоюзного энтомологического общества, Географического общества СССР, Всероссийского общества охраны природы, Французского биогеографического общества. Куренцов был награждён орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почёта». В 1960 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. В течение долгих лет он состоял членом Московского общества испытателей природы, был членом президиума Дальневосточного научного центра АН СССР.

Вернувшись с полевых работ осенью 1974 года, неутомимый труженик заболел. Алексей Иванович умер во Владивостоке 17 января 1975 года. Похоронили его на Морском кладбище рядом с могилой В. К. Арсеньева.

В знак признания выдающихся заслуг и с целью увековечивания имени замечательного учёного-энтомолога и биогеографа и утверждения преемственности в развитии различных направлений региональной энтомологии и биогеографии президиум Дальневосточного отделения АН СССР распоряжением № 128 от 25 октября 1989 года учредил ежегодные чтения памяти А. И. Куренцова. В 1992 году научно-исследовательское судно было названо «Профессор Куренцов» (приписано к Морской арктической геологоразведочной экспедиции в Мурманске).

На малой родине в честь Алексея и Агафьи Куренцовых земляки поставили обелиск, рядом положили кусок гранитной скалы из Антарктиды, который привезла в орловскую глубинку Наталья Куренцова — дочь Алексея Ивановича. Антарктический камень водрузили у школы в селе с необычным названием Алмазово, в шести километрах от того места, где когда-то была больница Куренцовой.

У Кромской средней школы по инициативе друга семьи Куренцовых учительницы Н. М. Рождественской (и большей частью на её средства) был открыт памятный знак Агафье Ивановне и её брату, бывшему учителю этой школы. Администрация Сосковского района учредила премию имени Агафьи Куренцовой лучшему медицинскому работнику. В райцентре Сосково одна из улиц носит её имя, а в соседнем райцентре, Кромы, в честь её брата назван переулок.

В краеведческом музее города Арсеньева есть большая экспозиция, рассказывающая о жизни, научной и педагогической деятельности А. И. Куренцова. В 1981 году в его честь был назван вид тараканосверчков — галлоизиана Куренцова, а всего с 1966 по 2001 год в честь Куренцова разными учёными было названо 13 видов бабочек десяти семейств, обитающих в России на территории Приамурья и Приморья.

«Значит, нужные книги ты в детстве читал!» — сказал когда-то поэт, размышляя о выборе пути. Книги В. К. Арсеньева определили судьбу будущего профессора А. И. Куренцова. Уроженец среднерусской глубинки, истинный народный интеллигент, он посвятил свою жизнь изучению дальневосточной природы. Работая на благо Родины, Куренцов всегда помнил, что является продолжателем великого и благородного дела своего Учителя. И стремился воспитать достойных учеников не только на собственном примере, но и на примере жизни и трудов Арсеньева.

Список использованных источников

1. *Воронцов, Н. Н. Алексей Иванович Куренцов (страницы из истории биологии на Дальнем Востоке) / Н. Н. Воронцов // Вестн. ДВО РАН. — 2010. — № 4. — С. 149–153.*
2. *Купянская, А. Н. Полная библиография А. И. Куренцова / А. Н. Купянская // Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. — Владивосток, 2009. — Вып. 20. — С. 5–23.*
3. *Куренцов, А. И. Линия Арсеньева в биогеографии Сихотэ-Алиня / А. И. Куренцов // Записки Приморского филиала Географического общества СССР. — Владивосток, 1965. — № 1(XXIV). — С. 101–106.*
4. *Куренцов, А. И. Мои встречи с Арсеньевым / А. И. Куренцов // Дальневосточные путешествия и приключения. — Хабаровск, 1972. — Вып. 3. — С. 253–255.*
5. *Куренцов, А. И. Научное значение исследований В. К. Арсеньева / А. И. Куренцов // Арсеньев, В. К. Сочинения. Т. 1. — Владивосток, 1947. — С. V–XI.*
6. *Метрическая книга церкви Николая Чудотворца в селе Апальково Кромского уезда Орловской губернии (1896) // Государственный архив Орловской области. Ф. 101. Оп. 2. Д. 1576.*
7. *Учёный А. И. Куренцов / Аммосов Ю. Н., Беляев В. А., Бромлей Г. Ф., Криволуцкая Г. О., Купянская А. Н., Куренцова Г. Э., Нечаев В. А. ; (под общ. ред. В. А. Беляева, с предисл. А. П. Капицы). — Тула : Приокское кн. изд-во, 1978. — 127 с.*

Материал поступил в редакцию 03.06.2022.

Сведения об авторе: Кондратенко Алексей Иванович, заведующий методическим отделом Орловского Дома литераторов, доктор филологических наук (г. Орёл).
Контактные данные: e-mail: istorik57@yandex.ru.

МАТВЕЕВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

В. К. АРСЕНЬЕВ И БИБЛИОТЕКА [1]

Статья посвящена периоду работы Владимира Клавдиевича Арсеньева на посту руководителя Хабаровского краеведческого музея и вошедшей в его состав бывшей Николаевской публичной библиотеки — 1924–1925 годы; упор сделан именно на деятельности известного учёного и исследователя, направленной на благо библиотеки, на пополнение её фондов в это время. Именно это наследие с гордостью бережёт Дальневосточная государственная научная библиотека.

Ключевые слова: Арсеньев, Николаевская публичная библиотека, Хабаровский областной музей, Хабаровск, книги, фонд библиотеки.

Keywords: V. K. Arsenyev, Nikolaev Public Library, Khabarovsk Regional Museum, Khabarovsk, books, library fund.

1 Впервые эта статья была опубликована в ежеквартальном журнале по вопросам теории и практики библиотековедения, библиографоведения и книговедения «Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки», 1999 г., № 2, с. 71–75.

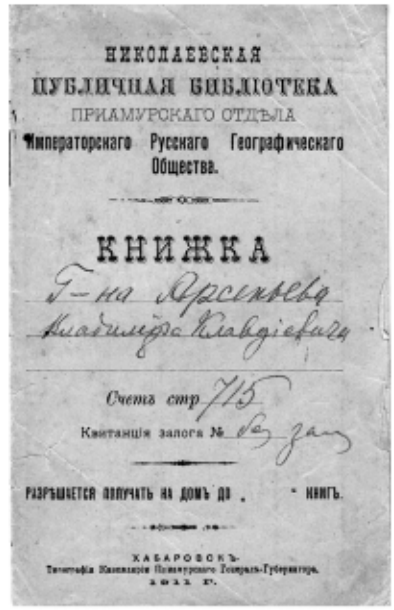
В многогранной деятельности В. К. Арсеньева заметное место занимает период его руководства Хабаровским краеведческим музеем и бывшей Николаевской публичной библиотекой Приамурского отдела Русского географического общества (НПБ ПО РГО), которая в 1921 году вошла в состав музея как научное подразделение и стала именоваться библиотекой при Хабаровском областном музее[2].

Какую же роль играла библиотека в жизни В. К. Арсеньева? Этой странице его биографии практически не уделили внимания ни биографы, ни современники. Лишь в книге Ф. Аристова «В. К. Арсеньев» (1930 г.) находим упоминание о Николаевской публичной библиотеке в период пребывания В. К. Арсеньева в Хабаровске.

Известно, что книга занимала большое место в самообразовании и научной работе Арсеньева и, по его собственному признанию, во многом определила выбор им жизненного пути.

Владимир Клавдиевич Арсеньев много лет прожил в Хабаровске. Впервые он приехал сюда в 1905 году, а в 1911–1918 годы возглавлял музей ПО ИРГО. Это был напряжённый период обработки экспедиционных материалов, работы над статьями, подготовки докладов, и он, по собственному признанию, «только за семь лет прочитал книг больше, чем за всю остальную жизнь» [1, с. 229].

В эти годы он активно пользовался фондом НПБ, располагавшей обширным собранием научной литературы, ценными книгами по краеведению и этнографии, богатым фондом периодики, изданиями научных обществ. Одно время он даже совмещал (1911 г.) заведование музеем и библиотекой, о чём известно из «Памятной книжки Приморской области» на 1911 год. В Собрании сочинений В. К. Арсеньева (1947 г.), в примечаниях к каждому тому, упомянуто немало изданий, хранящихся и ныне в фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ). На некоторых из них — пометы и дарственные надписи Владимира Клавдиевича. Арсеньев считал своим долгом дарить библиотеке собственные книги, и неоднократно в списках дарителей НПБ, публиковавшихся в газете «Приамурские ведомости», упоминалось его имя. В числе работ учёного, сопровождённых надписью «Николаевской публичной библиотеке Географического общества. В. К. Арсеньев», были «Вымирание инородцев Амурского края» (Хабаровск, 1914 г.), «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края. 1901–1911 гг.» (Хабаровск, 1912 г.), «Этнологические проблемы на востоке Сибири» (Харбин, 1916 г.) и другие.

НИКОЛАЕВСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

КНИЖКА

Г-на Арсеньева
Владимира Клавдіевича

Счетъ стр. 715

Квитанція залога №

РАЗРѢШАЕТСЯ ПОЛУЧАТЬ НА ДОМЪ ДО . КНИГЪ.

ХАБАРОВСКЪ.

Читательская книжка В. К. Арсеньева. Из архива ДВГНБ.

В архиве ДВГНБ хранится читательский формуляр В. К. Арсеньева за 1914 год. Записи в нём трудно «расшифровать», но одну всё же удалось — это книга А. Иностранцева «Самородный чугун с Русского острова у Владивостока». Как член ПО ИРГО, Арсеньев получал все выпуски печатных каталогов НПБ ПО ИРГО.

В 1918 году Арсеньев уезжает во Владивосток, где занимается педагогической деятельностью, и лишь в октябре 1924 года возвращается в Хабаровск, чтобы вновь возглавить музей, а с ним и библиотеку, находившиеся в тяжёлом состоянии после интервенции и Гражданской войны.

Владимир Клавдиевич с большим вниманием отнёсся не только к проблемам библиотеки, но и определил необходимость её реорганизации. Он видел в ней прежде всего научное учреждение, фонд которого должен отвечать интересам научных работников и специалистов. Арсеньев считал необходимым восстановить регулярное комплектование фонда литературой по географии, этнографии, геологии, природным ресурсам, экономическим вопросам. 17 декабря 1924 года он направляет в Академию наук следующее письмо:

«В Российскую Академию Наук

Озабочиваясь приведением библиотеки в порядок и пополнением ее, настоящим обращаюсь в Академию Наук с покорнейшей просьбой по примеру прежних лет выслать печатные труды Академии, список коим на обороте сего.

Нормальная жизнь библиотеки и обмен изданиями прекратились с 1917 года. За время революции из библиотеки пропали книги главным образом беллетристического содержания; все же научные книги, не исключая библиографических редкостей, сохранились. В Хабаровске вновь организован Дальне-Восточный Краевой Отдел Русского Географического Общества, Устав коего зарегистрирован в Отделе Управления Дальревкома.

Приказом по ДальОНО на меня возложено заведывание Хабаровским Музеем и библиотекой. Отдел ставит себе задачей восстановить связь со всеми научными организациями СССР. Ежели просимые книги не могут быть предоставлены в библиотеку Хабаровского Краевого Музея бесплатно, то просим уступить их нам по минимальной расценке. Директор Хабаровского Краевого Музея В. Арсеньев» [2].

2 Гродековский музей был переименован в Хабаровский областной музей 7 января 1921 г.

В отчёте о состоянии и деятельности библиотеки Хабаровского краевого музея за 1924–1925 годы, подписанном Арсеньевым, сообщается, что за короткий срок библиотека пополнилась на 1 167 томов, в том числе изданиями РАН (32 т.), «Трудами Геологического музея Петра Великого» (18 т.), «Сборниками Музея антропологии и этнографии» (18 т.), «Известиями Геологического комитета» (121 т.), изданиями Дальгеолкома (до 1923 г.) и другими. Стали регулярными поступления от Дальневосточного отделения Русского географического общества[2] и Дальневосточного отделения книжной палаты. В отчёте с удовлетворением констатируется, что возрождена былая традиция дарения книг библиотеке, причём сам Владимир Клавдиевич — среди первых дарителей: библиотека пополнилась десятью книгами с дарственными надписями. Сохранилось письмо Арсеньева в издательство Артура Шерля (г. Берлин), где вышла из печати его книга «В дебрях Восточной Сибири» — перевод на немецкий язык книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

«Г. Берлин

Книгоиздательству Артур Шерль.

Настоящим Хабаровский Краевой Музей уведомляет, что книга В. К. Арсеньева "In der Vildeüs ost Sibiries" получена и передана в книгохранилище Музея, вмещающее свыше 60 000 томов.

Хабаровский Краевой Музей приносит благодарность и просит не отказать выслать вторую книгу того же автора.

Директор Хабаровского Краевого Музея

В. Арсеньев».

Обе книги с надписью «В библиотеку Хабаровского краевого музея от автора» находятся в редком фонде библиотеки, как и многие другие, подаренные В. К. Арсеньевым в разные годы. Всего в ДВГНБ хранится 16 прижизненных изданий В. К. Арсеньева.

В годовом отчёте в Главнауку Арсеньев пишет о плачевном состоянии зданий музея и библиотеки, об отсутствии помещений под хозяйственные постройки, о том, что значительную часть фонда библиотеки приходится размещать «на хорах центрального зала... в маленькой комнатке, прилегающей к этим хорам», в прихожей. Он представляет в Дальревком «Смету на ремонт зданий музея и библиотеки» с целью «испрашивания кредита», а копию направляет в Главнауку, хлопочет об изыскании средств на достройку здания.

Арсеньев предпринял и ряд организационных мер по упорядочению работы библиотеки. Он определил порядок выдачи зарплаты сотрудникам библиотеки, хозяйственные и канцелярские работы передал специальному сотруднику музея, решил проблему печатания каталожных карточек и переплёта книг. Особое внимание Арсеньев уделил руководству работой библиотеки. Предшественники его практически не вникали в нужды последней. Арсеньев же понимал, что без постоянной заботы о библиотеке радикальных изменений в её работе не произойдёт. В свои обязанности директора музея он включил следующий пункт: «Ежедневно, не менее полутора часов руководство текущей работой библиотеки и музея; кроме того, раз в неделю будут устраиваться совещания работников музея, библиотеки и книжной палаты для заслушивания сообщений о проделанной работе и выработки плана на ближайшее время».

Арсеньев поддержал начинания своего молодого библиотечного помощника А. Н. Толпегина, принявшего дела немногим более года назад. Он с удовлетворением отмечал, что в результате начавшейся реорганизации библиотеки, внедрения плановых начал в её работу был приведён в порядок фонд, «основное его ядро, состоящее из 30 тыс. томов, систематизировано по международной классификации, на него написаны каталожные карточки... богатый отдел альбомов... размещен в шкафах по принципу форматной расстановки». Особой заботой Арсеньева был фонд иностранной литературы (около 10 тыс. т.), для обработки которого он подыскал и сотрудницу Н. Н. Языкову. «Организован отдел библиографических указателей и справочников, благодаря чему в библиотеке имеется возможность вести библиографическую работу... Составлены библиографические списки (правда, не исчерпывающие литературу вопросов) по истории края, его колонизации, по этнографии и др.» И оптимистичный вывод В. К. Арсеньева: «Очевидно, что вслед за организационной работой... имеется много данных, что библиотечная работа будет расти вширь и вглубь, способствуя научно-исследовательской и общественной работе своих посетителей».

Список использованных источников

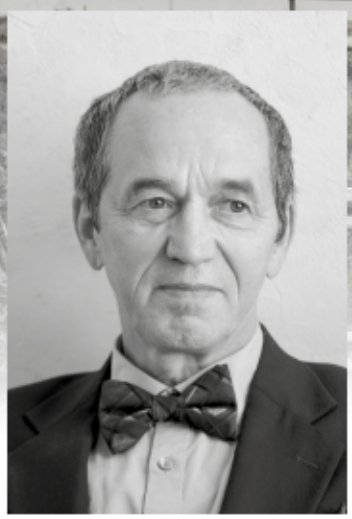
1. *Аристов, Ф. Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский) / Ф. Аристов // Землеведение. — 1930. — Т. 32, вып. 3/4. — С. 208–243.*

2. *Письмо В. К. Арсеньева [в Российскую Академию наук] // Хабаровский краеведческий музей. Книга поступлений. 7033/(80).*

Сведения об авторе: Матвеева Татьяна Александровна (1929–2010 гг.), в 1980–1984 гг. — директор Хабаровской краевой научной библиотеки.

2 С 1925 г. — Государственное географическое общество.

НОВОМОДНЫЙ ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ БИОГРАФИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ, ВРАЧА И НАТУРАЛИСТА ФЁДОРА АЛЬБЕРТОВИЧА ДЁРБЕКА (1871–1957 гг.)

На основе новых источников информации авторы статьи делают попытку более полно, чем было сделано ранее, проследить жизненный путь, дела и научные устремления русского военно-морского врача, а по духу — учёного-естествоиспытателя Фёдора Альбертовича (Фридриха Альберта) Дёрбека.

Ключевые слова: Фёдор Альбертович Дёрбек, зоологические сборы, музей Общества изучения Амурского края, Зоологический музей Академии наук.

Keywords: Fedor Albertovich Derbek, zoological collectiones, Museum of the Society for the Study of the Amur Territory, Zoological Museum of the Russian Academy of Sciences.

В ревнивом соперничестве Владивостока и Хабаровска заметное место занимает негласное соревнование между публичными музеями этих городов, созданных Обществом изучения Амурского края (ОИАК, основано в 1884 г.) и Приамурским отделом Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО, учреждён в 1894 г.). Сначала руководящие должности, именовавшиеся в первом и втором учреждениях соответственно «заведующий музеем» или «директор музея», являлись хлопотными и почётными, но... неоплачиваемыми. Не удивительно поэтому, что даже среди увлечённых, бескорыстных и идейных людей желающих долго тянуть лямку большой общественной нагрузки не находилось, их хватало на один-два года такой работы, что, безусловно, вредило делу. Но, в конце концов, подобрались две достойные личности. С 1902 по 1914 год владивостокским музеем заведовал флотский врач Ф. А. Дёрбек, а в Хабаровске директорствовал в 1910–1919 годах В. К. Арсеньев, армейский офицер. При них, в том числе буквально их руками, были созданы коллекции, составлявшие — во всяком случае до революции — гордость, лицо вверенных им учреждений: зоологическая и этнографическая соответственно. По большому счёту за выдающиеся заслуги в музейном строительстве они оба в равной степени достойны благодарной памяти. Тем не менее Ф. А. Дёрбек не удостоился на родине, в России, хотя бы развёрнутого биографического очерка, тогда как В. К. Арсеньев сегодня представляет «наше всё». К тому же налицо исторический парадокс: музей, которому первый отдал много лет и сил, в 1945 году назвали в честь второго, того, кто при всём уважении работал в нём лишь эпизодически.

Прежде всего отметим, что сегодня мы пишем и произносим немецкую фамилию героя статьи Dörbeck в соответствии с современными правилами русского языка (через «ё»), но в царской России он был зафиксирован в документах только как Дербек, Derbeck или Derbek, поэтому все варианты необходимо признать равноценными. Один из нас был в числе тех историков, которые первыми обратили внимание на его персону.

Фёдор Альбертович (Фридрих Альберт) Дёрбек.

К сожалению, сбор биографической информации в то время дал скудные результаты. По материалам «Российских медицинских списков» за 1901, 1905, 1908–1910, 1916 годы и некоторых других источников удалось наметить лишь канву биографии:

«Дёрбек Фёдор (Фридрих-Альберт) Альбертович (23.01.1871 – ?). Врач. В 1894 г. окончил [естественное отделение] физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, а в 1898 г. — Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. В 1901 г. он — младший врач 27-го пехотного полка в [уездном городе] Конске Радомской губернии (ныне Польша. — *Е. Н., А. Х.)*. Младший и старший врач Сибирского флотского экипажа во Владивостоке, служил корабельным врачом на транспортах “Алеут”, “Тунгус” и во Владивостокском морском госпитале. Через Шанхай эмигрировал в Германию» [52; 28; 29].

Впоследствии специалистами других наук ему было посвящено несколько научных публикаций, раскрывающих его деятельность как биолога и этнографа, но к жизнеописанию они почти ничего не добавили [см., например: 3; 4; 5; 23; 24]. Исключением, пожалуй, является энциклопедическая сводка А. Н. Челомбитко, основанная на данных архивов военно-морского ведомства и позволяющая отследить продвижение по службе:

«Дербек Фридрих-Альберт (Фёдор) Альбертович, [родился] 23.01.1871, лекарь (1898), коллежский асессор (29.11.1901). Младший врач Сибирского флотского экипажа (с 24.11.1901). Прикомандирован к Владивостокскому морскому госпиталю в качестве младшего ординатора (1905). Награды: Орден Святого Станислава 3-й степени (17.04.1905), Орден Святой Анны 3-й степени (06.12.1908). Коллежский советник (29.11.1909). Корреспондент Зоологического музея Академии наук (1911). Старший врач Сибирского флотского экипажа (1916). В Белых войсках Восточного фронта. На Сибирской флотилии (05.11.1918 – август 1919). Остался в СССР. Врач судостроительного завода в г. Владивосток (на 1924 г.). В 1930 г. выехал из СССР в Германию. Умер после 1956 г.» [30, с. 114].

Дело сдвинулось с мёртвой точки только недавно, когда нам удалось узнать, что его жизнь и научную деятельность 20 лет назад изучал известный австрийский антрополог, журналист и писатель, с 2015 года — доктор философии Игорь Эберхард (Eberhard, Igor; 1973 г. р.). Во время учёбы в вузе он работал в архивном отделе Института этнологии, культурной и социальной антропологии Венского университета. Его исследованию дала толчок находка редкой коллекции фотографий Ф. А. Дёрбека с дальневосточной тематикой. Сохранилось около 60 шт., все профессионально аннотированы, и это обстоятельство возбудило интерес начинающего учёного к изучению трудов и биографии малоизвестного

Игорь Эберхард.

коллеги-этнографа из прошлого. Разработка темы была долгой и, по его свидетельству, потребовала от него немалых усилий. Личного архива Дёрбека обнаружить не удалось, но в архивах сохранились письма к венским коллегам-антропологам, нашлись научные статьи, опубликованные им в довоенное, военное и послевоенное время в Австрии и Германии, посчастливилось найти семейных летописцев среди родственников со стороны его жены, сына и даже здравствующую внучку. Свою дипломную работу для получения степени магистра философии И. Эберхард назвал так (в переводе с немецкого): «Фридрих Дёрбек: забытый в Вене и в других местах? Этноисторический и биографический вклад в этнологию и научную историю Дальнего Востока России» [51]. В 2017 году нам удалось с ним связаться и попросить копию его труда. Автор без промедления любезно предоставил её нам. Поэтому здесь, прежде всего, мы должны от всех, кому не безразлична судьба нашего героя, выразить ему глубокую признательность за ценный труд по изучению биографии и наследия Ф. А. Дёрбека, а также желание сделать его результаты известными в России. Сервис электронного перевода позволил нам вчерне перевести весь текст с немецкого языка, а избранные места мы отредактировали со словарём. В данной статье приводятся не отражённые пока в отечественной литературе материалы из указанной монографии доктора И. Эберхарда. К ним мы присоединили то, что самим удалось выяснить о Дёрбеке за последнее время.

Фридрих Дёрбек родился в семье немецких протестантов, исповедовавших евангелическо-лютеранское учение. Его отец, Иоганн Альберт Дёрбек (Dörbeck (Doerbeck) Johann Albert, 1835–1887 гг.), родившийся в г. Феллин (Fellin, ныне Вильянди (Viljandi), Эстония), был бухгалтером. В Санкт-Петербурге 25 апреля 1865 года он женился на Анне Катарине Шлодгауэр (Anna Catharina Dörbeck (Schlodhauer), 1834 – ? гг.), которая профессионально занималась репетиторством, нанимаясь на службу в качестве домашнего учителя [33, с. 75]. У супругов было трое детей: Франц Фридрих, Вольдемар (Владимир) Генрих, Фридрих Альберт (по-немецки: D., Franz Friedrich, 1866 – после 1939 гг.; D., Woldemar Heinrich, 1868 – после 1940 гг.; D., Friedrich Albert, 1871–1957 гг.). После того как от болезни печени умер отец, матери пришлось самостоятельно вести хозяйство и выводить сыновей в люди.

По-видимому, кроме домашнего образования Фридрих Альберт, как и его старшие братья, получил аттестат зрелости, окончив в 1890 году гимназию при училище Святой Анны (Анненшуле, нем. Annenschule; братья — в 1884 и 1886 гг. [53, с. 78–79]). Обучение велось на немецком языке, и у выпускников была привилегия при поступлении в Императорский Санкт-Петербургский университет. Окончившему этот вуз с дипломом 1-й степени можно было рассчитывать на подготовку к профессорскому званию или научной карьере, но он предпочёл получить второе высшее образование в Императорской Военно-медицинской академии (ИВМА) в 1894–1898 годах. И хотя тут явно имеет место семейная традиция (см. ниже), из воспоминаний родственников И. Эберхард узнал, что дипломированного биолога не столько прельщала карьера военного медика, сколько тянуло в путешествия, в неизведанные земли, хотелось совершать научные открытия, а собственных средств не имелось [51, с. 28–29].

Исследователи часто путают Фридриха Альберта со старшим братом, ведь одно из имён у них одинаковое. Франц Фридрих специализировался на изучении эпидемических заболеваний. В ИВМА он учился только в 1885–1887 годах, а далее, в 1887–1892 годах, — на медицинском факультете Дерптского университета. Врачом (лекарем) стал в мае 1892 года. Был женат на Марии-Йозефе, урождённой Морис [33, с. 75]. Служил старшим врачом больницы святой Марии Магдалины на Васильевском острове (для нуждающихся французов). Лечебное заведение являлось клинической базой ИВМА, а во время пандемий становилось инфекционной больницей. Его диссертация «История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени» (1905 г., немецкое издание — в 1906 г.), выполненная на большом архивном материале, до наших дней весьма востребованный источник по этой теме [9; 34]. После 1918 года статский советник оказался жителем Берлина, работал врачом и активно публиковался на соответствующие темы, в том числе критикуя российскую военно-медицинскую службу [см., например: 35; 36]. Можно предположить, что он покинул Россию во время Первой мировой войны. Кстати, попутно заметим, что, хотя некоторые источники указывают на медицинские статьи Дёрбека-младшего [51, с. 32; 25, с. 179], нам такие в натуре не известны.

Средний брат, Владимир, по-видимому, учился лишь в ИВМА (окончил в 1893 г.). Служил военным врачом в Приамурском военном округе (1900–1901 гг.). С 1902 года работал ординатором на кафедре горловых, ушных и носовых болезней в своей alma mater, где в том же году защитил

докторскую диссертацию на тему «К вопросу о перихондритах при бугорчатке гортани» [6]. В 1907 году он — коллежский советник, младший врач Вольской военной школы в Поволжье. С 13 ноября 1913 года — младший врач Первого Московского кадетского корпуса (далее — к. к.). С 7 января 1914 года — старший врач Полтавского к. к. С 1919 года — Владикавказского к. к., с 1 сентября 1920 по 1 сентября 1929 года — врач Крымского к. к. Дослужился до чина статского советника. Эмигрировал в Сербию. Умер в Белграде в 1937 году. Жена — Ядвига (ум. до 1965 г.) [1, с. 228].

Фридрих Дёрбек, будущий дальневосточный исследователь, начал службу в Царстве Польском в звании лекаря (таково было официальное звание (степень) дипломированного врача в России по окончании вуза), недалеко от Лодзи, в то время промышленного центра Польши. Там он встретил свою любовь — Франциску (Фанни) Юстину Добровольны (Franziska Justina Dobrowolny, ? – 1938 гг.), отец которой был управляющим ткацкой фабрикой. В Томашове (ныне Tomaszów Mazowiecki), небольшом городке неподалеку от Лодзи, 24 февраля 1901 года они сыграли свадьбу. В том же году Дёрбека, по-видимому, согласно его прошению, перевели служить в Военно-морской флот, и семья переехала в г. Кронштадт. Здесь 1 декабря 1901 года родился их первый ребёнок, дочь Фрида (Dörbeck, Frieda). Однако уже в 1902 году семья переехала во Владивосток. Фридриха назначили в дерматологическое отделение Морского госпиталя. Польские родственники звали его «дядя Федя», сослуживцы — Фёдор Альбертович [51, с. 31–32].

Нам было непонятно, почему до революции его в документах часто именовали «доктор», а не «лекарь», как должно быть. Ведь, в отличие от своих старших братьев, диссертацию он не защищал, и, согласно «Российскому медицинскому списку» за 1916 год, указан там лекарем. Возможный ответ мы нашли у Ф. М. Достоевского в «Братьях Карамазовых»: «Слово же “лекарь”, вместо доктор, он сказал нарочно и, как сам объявил потом, для оскорбления сказал». По-видимому, здесь мы имеем дело с народным менталитетом того времени.

Как известно, именно врачи первыми в городе организовали собственное общественное собрание. Часто заседания проходили в арендованном зале музея ОИАК, среди членов которого их тоже было немало. Вот и тогда, когда Ф. А. Дёрбек впервые пришёл в ОИАК, председателем его являлся врач В. Н. Ланковский. Уплатив взносы, он вполне осознанно стал его членом 16 октября 1902 года. Но даже такому высокообразованному неофиту, увлечённому натуралисту-естественнику нужны были единомышленники. Неудивительно, что за время первого плавания в Японском и Охотском морях на военном транспорте «Алеут» (винтовой паровой шхуне) он по собственной инициативе собрал богатую зоологическую коллекцию и с гордостью продемонстрировал её на общем собрании, состоявшемся 22 декабря 1902 года. И это был тот счастливый случай, когда «инициатива наказуема исполнением». Распорядительный комитет ОИАК был очень доволен: нашёлся нужный для дела человек, и тут же предложил утвердить его кандидатуру на должность заведующего музеем [18, с. 7, 14].

Вот отрывок из отчёта за 1903 год: «Настоящий год является началом методической работы Общества по обогащению своего музея, так как вновь приглашённому консерватору и препаратору музея С. В. Дюкину поручена эта часть деятельности Общества. Она ведётся под руководством Заведующего Музеем доктора Ф. А. Дербека» [19, с. 2]. Но развернуться по-настоящему за один сезон не получилось, хотя именно в этом году в Зоологический музей Императорской Академии наук (СПб.) поступили «в дар» первые материалы от Ф. А. Дёрбека — сборы по основным классам позвоночных и беспозвоночных морских животных: «Mammalia, Aves, Pisces, Tunicata, Mollusca, Insecta, Arachnida, Crustacea, Vermes, Bryosoa, Echinidermata, Coelenterata с русского побережья Тихого океана» (по-русски: млекопитающие, птицы, оболочники, моллюски, насекомые, паукообразные, ракообразные, черви, мшанки, иглокожие, кишечнополостные) [22, с. 51]. Места взятия этих образцов нам неизвестны, кроме того, что в том году он побывал в составе экипажа у о. Тюлений близ восточного берега Сахалина, куда, видимо, для защиты лежбищ морского зверя от браконьеров ходила его шхуна [51, с. 35].

В 1904–1905 годах разразилась Русско-японская война, и минные транспорты (тральщики) «Алеут» и «Тунгус», на которых он выходил в море, были заняты выполнением оборонных задач. Фридрих на время отправил семью к родственникам в Лодзь. Получив отпуск, в конце 1905 года он съездил за женой и детьми; но не позднее 1906 года они вернулись во Владивосток, так как 8 сентября 1906 года здесь родилась вторая дочь, Сигрид (Dörbeck, Sigrid). Ранее, 27 июня 1903 года, тоже в этом городе родился единственный сын Дёрбеков, которого назвали Фридрих Франц Йозеф (Dörbeck, Friedrich Franz Josef, 1903–1982 гг.) [51, с. 47–48].

Необходимо учитывать, что основной деятельностью госпитального врача являются рутинная работа по организации лечения пациентов, ночные дежурства, контроль действий младшего медицинского персонала и многое другое. А Фридриху нужно было ещё находить время для общественно-полезных занятий в музее. Но после войны работа по сбору коллекций закипела вновь. «В отчётном [1906] году музей обогатился замечательно полной и интересной коллекцией по этнографии гольдов, собранной Б. О. Пилсудским. Коллекцию разобрал, снабдил ярлыками, пользуясь данными г. Пилсудского, и разместил на

щитах по стенам 1-го зала Музея д-р Ф. А. Дербек. Он же составил подробный каталог из свыше 500 номеров этой коллекции» [20, с. 167–168]. В этом же отчёте сказано, что именно Дёрбек добился выделения дополнительных средств, чтобы Пилсудский приобрёл максимально возможное число бытовавших у нанайцев предметов.

В качестве яркого свидетельства методических и личных трудовых усилий биолога Ф. А. Дёрбека в обустройстве экспозиции музея даём здесь длинную цитату из отчёта за 1907 год: «Начаты работы по приведению в порядок зоологических коллекций музея. Решено было, насколько позволяет обстановка, разместить зоологический материал в систематическом порядке. Все экземпляры были пересмотрены, пришедшие в негодность уничтожены, многие перемещены в другую посуду, в некоторых пришлось переменить спирт или формалин, и, наконец, заново размещены в шкафах, вновь приспособленных для большей наглядности экспонатов таким образом, что задняя стенка их была оббита белой бумагой, а полки расположены лестницеобразно, т. е. нижняя полка шире верхней, над ней расположенной; крупные экземпляры не всегда можно было разместить по порядку в системе, приходилось применяться к полке. Одновременно с этим был составлен впервые исчерпывающий инвентарный каталог тех коллекций, которые успели пересмотреть в прошлом году; и занесены в каталог все данные, которые только можно было найти в архивах музея. К сожалению, оказалось, что происхождение некоторых экземпляров неизвестно. При препаратах были прикреплены названия классов, отрядов и иногда семейств, насколько позволяло это сделать грубое предварительное определение коллекций, а также и таблицы, указывающие систематический порядок выставленных экземпляров. Особенно много времени ушло на приведение в порядок коллекций бабочек, большей частью сильно запущенных и содержащих много негодных экземпляров. Полное определение зоологической коллекции — дело будущего. Для облегчения будущих работ по определению решено напечатать при отчёте инвентарный каталог зоологического музея, на который нужно смотреть, как на материал для будущего каталога. Работы по зоологическому отделу выполнены Ф. А. Дербеком. А каталог составлен В. Е. Глуздовским и Ф. А. Дербеком» [21, с. 38–39]. К сожалению, насколько нам известно, ни один зоологический каталог музея не был опубликован.

Главная научная заслуга Ф. А. Дёрбека в период службы на Дальнем Востоке — его активная роль в деле организации и проведении работ по сбору естественно-исторических коллекций во время плаваний на пароходе «Охотск» Гидрографической экспедиции Восточного океана (ГЭВО) в 1908–1910 и 1912 годах, которая подробно освещена в

Ф. А. Дёрбек. В избе нивхов, 1910 год.

Ф. А. Дёрбек. Два гиляка (отец и сын) из Чайво, Сахалин, 1910 год.

Ф. А. Дёрбек. Нивхи перед деревянным зимовьём. Чайво, Сахалин, 1910 год.

статье В. Г. Смирнова [26]. Дело в том, что одной из форм содействия Российской академии наук со стороны морского ведомства были время от времени доставляемые туда образцы животного и растительного мира дальних стран и

Ф. А. Дёрбек. Собачья упряжка, 1910 год.

окраин империи. Но это не были целенаправленные сборы. Лишь в начале XX века, благодаря деловому сотрудничеству и уважительным личным отношениям между руководителями Зоологического музея Академии наук (академиком Н. В. Насоновым) и Главного гидрографического управления Морского министерства (генералами А. И. Вилькицким и М. Е. Жданко), зоологические исследования в океанах и морях, главным образом в территориальных водах Российской империи, и на прилежащих берегах стали проводиться регулярно. Как правило, они выполнялись морскими врачами экипажей военных судов. Снаряжением и материальным обеспечением занимались оба ведомства. Исследования тех лет значительно пополнили коллекции представителей отечественной морской фауны, особенно глубоководной. Сборы были качественными, массовыми, поддавались статистическому анализу. Мокрые препараты животных в стеклянной таре, зафиксированные в спирте и формалине, в то время только на судах и можно было перевозить так далеко. Согласно уставу музея, по ходатайству его директора особо отличившиеся сборщики получали почётное звание «Корреспондент Зоологического Музея, утверждённый в этом звании Императорской Академией наук как лицо, принёсшее особую пользу музею». После выхода на государственную пенсию за это к ней полагалась прибавка от казны. В числе прочих в 1911 году такие звания получили и люди, проживавшие в то время во Владивостоке: Ф. А. Дёрбек, В. К. Солдатов, П. Ю. Шмидт, а в 1913 году — А. И. Черский [17, с. 06–07].

В. Г. Смирнов сделал интереснейший вывод, с которым мы согласны: «...очевидно, именно Ф. А. Дербек был инициатором проведения фаунистических исследований в дальневосточных морях, сообщая Н. В. Насонову об их возможном проведении силами и средствами ГЭВО (без сомнения, согласовав всё предварительно с М. Е. Жданко, своим сотоварищем по ОИАК! — *Е. Н., А. Х.*). В период с 1 августа до 6 октября 1908 года Дербеку с борта гидрографического судна "Охотск" удалось произвести работы в 46 пунктах (27 из них — на восточном берегу Камчатки, главным образом в Авачинской губе, 12 — в различных частях Охотского моря, 2 — в Татарском проливе, 5 — в северной части Японского моря). Глубина станций в Охотском море составляла до 100 саженей. В собранной коллекции находились представители всех главных групп морских животных» [26, с. 22]. Извлечения из его отчётов за 1909, 1910 и 1912 годы публиковались в полнотиражных академических «Ежегодниках Зоологического музея» [12; 13; 14] и в ведомственных изданиях Гидрографического управления в Адмиралтействе [7; 8]. Конечно, нельзя считать, что Ф. А. Дёрбек работал в одиночку. Во владивостокском музее по его указанию были обучены два препаратора: известный дальневосточный таксидермист А. Г. Кузнецов, работавший впоследствии во многих местных организациях, и сметливый матрос В. А. Белоусов. Благодаря этому обстоятельству сборы сделались не только качественными, но и массовыми. Об их масштабах, к примеру, говорят такие данные: «…только в [одно лишь] 3-е отделение [морских] беспозвоночных Зоологического музея поступили от Ф. А. Дербека — 301 моллюск, 442 иглокожих и 12 плеченогих» [26, с. 19].

По составу предметов коллекционирования видно, что врач-исследователь был закоренелым морским зоологом, поэтому особняком смотрится большой гербарий, собранный им и его помощником, фельдшером Холодным, в 1909 году на берегах Амурского лимана, заливов Де-Кастри на материке и Виахту на Сахалине. Его обработал и опубликовал консерватор Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада В. Л. Комаров, будущий президент АН СССР [15]. Мы уверены, что это был спецзаказ ботаника, ведь они были однокашниками, выпускниками 1894 года естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, причём оба удостоенными дипломов 1-й степени. Работать в науке, как Комаров, Дёрбек не стал, но помогать учёным старался. Заслуги врача были высоко оценены специалистами-систематиками, посчитавшими нужным увековечить его фамилию в названиях собранных им животных и растений. Так, по данным биологических сайтов Интернета, в Охотском море ныне живут: морская звезда Дербека *Leptasterias (Eoleptasterias) derbeki* (Djakonov, 1938) и медуза *Abietinaria derbeki* (Kudelin, 1913); на берегах произрастают соссюрея Дербека *Saussurea derbecki* (Komarov, 1909) и камнеломка *Saxifraga derbekii* (Siplivinskii, 1971).

По материалам, добытым в экспедициях ГЭВО, помимо извлечений из академических «Отчётов», где он сообщал о наблюдениях за дельфинами-белухами, о методике добывания и консервирования материала, специальном обо-

рудовании, давал описание станций (места стоянки судна, характера донного грунта, вида проведённых работ и коротко их результаты), Дёрбек опубликовал ещё ряд статей, посвящённых наблюдавшимся им природным объектам и явлениям: свечению морских организмов в Охотском море и своеобразному сообществу живых существ на острове Спафарьева (Коровьем); медвежьему празднику у нивхов, живших на берегах Амурского лимана [7; 10; 11; 13]. Последняя была написана на основе данных, сообщённых Дёрбеку лоцмейстером Амурского лимана М. Е. Чепелевым, и его собственных наблюдений, сделанных в экспедициях. Так как вклад каждого из них никак не обозначен, эту статью по справедливости следовало бы считать соавторской.

Мы не смогли установить также, кто является настоящим автором заметки «Знаменитая Макрушинская пещера», помещённой за подписью «Ф. Д.» в выходившем во Владивостоке «Приморском календаре» за 1910 год (с. 22–23) [27, с. 56]. Ф. Д. — это Фёдор Дёрбек? Ведь известно, что он делал её опись: в извлечении из более обширного рукописного «Отчёта» о своих работах в 1909 году, напечатанном в «Ежегоднике Зоологического музея» (1910 г.), Дёрбек сообщал, что «в конце плавания была посещена сталактитовая пещера близ залива Св. Владимира, описание которой представлено в этом отчёте» [13, с. XX]. Но тогда почему в «Записках ОИАК» (1913 г.) был «опубликован точно такой же [как в календаре] текст с небольшими исправлениями, но с другим названием: “Макрушинская пещера близ залива Св. Владимира. Доклад, читанный 20-го октября 1909 года в Обществе изучения Амурского края С. В. Дюкиным” [27, с. 56]? Означает ли это, что автор текста и докладчик — одно лицо? В биографо-библиографическом словаре С. Ю. Липшица «Русские ботаники» (1950 г.) автором публикации 1913 года указан уже не Дюкин, а Дёрбек! Где историческая правда?

В конце 1912 года на шесть месяцев Ф. А. Дёрбек присоединился к европейскому турне своей жены и детей. В первую половину отпуска они жили в Вене, где врач повышал свой «профессиональный уровень в университетской дерматологической клинике». Во вторую они просто отдыхали под ласковым небом Италии. Назад, во Владивосток, все вернулись в 1913 году. Франциска Дёрбек взяла с собой на Дальний Восток младшую сестру Фриду [51, с. 47–48]. С началом Первой мировой войны Фридрих Дёрбек сложил с себя полномочия заведующего музеем ОИАК, но остался в составе Распорядительного комитета. (Примечательно, что в письме этнографу Вальтеру Экснеру в 1948 г. Ф. А. Дёрбек отмечал, что фактически руководил музеем с 1903 по 1926 г. [51, с. 163].) Постепенно на Дальнем Востоке ухудшалось снабжение, появились лагеря для военнопленных, в массе своей этнических немцев. Дальше были революция, интервенция, восстание чешских легионеров, частая смена властей. Как жили Дёрбеки в это время, известно мало. Биограф пишет, что завели свою корову, делали и продавали детские игрушки американским солдатам. Фридрих продолжал служить и лечить — всех людей, без выбора, как и положено врачу. В 1917 году ему якобы даже было присвоено звание генерал-майора Военно-морского флота [51, с. 49]. Но в российских архивах это не отражено.

С приходом советской власти его демобилизовали, но не тронули, хотя он был и «царским», и «белым» офицером. По данным справочников «Весь Владивосток» (1924 г., 1926 г.), Дёрбек продолжал работать дерматовенерологом (выявление, профилактика и лечение кожных и венерических заболеваний). Это очень востребованная для международного морского порта медицинская специальность. В 1923 году он врач судостроительного завода, в 1924-м — преподаватель владивостокских соединённых техникумов водного транспорта. В 1925–1926 годы руководил Владивостокским венерологическим диспансером. В конце 1926 года получил отпуск с разрешением на выезд в Европу под предлогом изучения западного опыта медицинского страхования. Представился случай навестить детей: дочь Фриду, жившую в Вене, и сына Фрица, учившегося в Берлине. «Франциске Дёрбек ехать не разрешили, пришлось остаться во Владивостоке, как бы в заложниках» [51, с. 57–58].

Муж пробыл за границей почти год. Вернувшись, он снова работал практикующим врачом. За 1933–1934 годы у Франциски случились два инсульта. К этому времени Фридрих уже выслужил положенный для назначения пенсии срок. Поэтому им разрешили выехать за границу для лечения. От советского гражданства они не отказывались, паспорта сохранили. Вот почему в 1934 году они оказались в китайском Тяньцзине у родственников жены, уехавших в Китай: поехали к её сестре Фриде, которая ещё во Владивостоке вышла замуж за коммерсанта Карла Клее (Kleye, Carl). Известно, что мужчины не очень ладили между собой. Врачу Дёрбеку, который всю жизнь был на государственной службе, хотелось работать, лечить людей, но было противно сверх всякой меры драть деньги с пациентов, ведь во Владивостоке он часто даже еду сам приносил им домой. Так продолжалось два года, пока, наконец, 21 марта 1936 года супруги с младшей дочерью Сигрид Якобсен перебрались в Вену к старшей дочери — Фриде Кальс (урожд. Дёрбек). Фридриху приходилось самому ухаживать за больной женой, которая, несмотря на проводимое лечение, всё-таки умерла от последствий очередного инсульта 6 декабря 1938 года. После этого он переехал жить к другой дочери — Сигрид, но там же, в Вене [51, с. 59–61].

С 1939 года Фридрих установил деловые контакты с этнографами из Венского музея этнологии и, по-видимо-

Ф. А. Дёрбек. Нивхи на Нижнем Амуре, 1910 год.

Ф. А. Дёрбек. Нивхские дети на берегу реки. Маго, 1910 год.

Ф. А. Дёрбек. Нивхинка на берегу реки. Маго, 1910 год.

му, начал готовить к изданию свой труд об орочах-удэхе. Во всяком случае, он выпустил целую серию статей, каждая из которых освещала какой-либо важный момент из жизни этих аборигенов [см. 34–47]. Таким способом он пытался стать своим человеком в среде немецких этнографов и очень сожалел, что в России печатался лишь на русском языке.

Необходимо напомнить, что политическая и экономическая ситуация в Австрии того времени была очень тревожной. «Покинув СССР в самом начале репрессий, Дёрбеки отнюдь не приехали в демократическую страну», — пишет И. Эберхард. Сначала они почувствовали на себе все «прелести» гибельной доктрины австрофашизма, а когда она рухнула, незамедлительно произошёл аншлюс с Германией. Уже в 1938 году первые эшелоны борцов-антифашистов отправились в концентрационные лагеря. По-видимому, Дёрбек был далёк от фашистской идеологии, во всяком случае, в его статьях нет никаких намёков на идею превосходства белой расы. Он был просто наблюдателем, фиксировавшим увиденное в жизни аборигенов. В Вене они с дочерью пробыли всю войну и лишь в 1945 году, по-видимому, убегали из неё при штурме города Советской армией. Но в 1947 году Фридрих и Сигрид Дёрбек всё-таки были высланы из Вены из-за их немецкого гражданства на момент аншлюса [51, с. 62–82]. Начались скитания по лагерям беженцев.

Сначала это был Пидинг, близ Бад-Райхенхалля. Фридрих писал другу в Вену: «Нахожусь в Германии с 20 апреля 1948 г. Грузовой состав пришёл в Варбург (Вестфалия), оттуда мы (я и моя дочь) поехали в американскую зону в Пидинге, где мы должны остановиться, так как мой зять занял там для нас две комнаты (он был там прописан, когда вернулся с войны). По нашему прибытию мэр отказал нам в приёме в общину (якобы из-за переполненности), с тех пор мы остались без крова и после месяцев скитаний по лагерям беженцев ждём разрешения переехать в любое место» [Цит. по: 51, с. 84]. После нескольких месяцев странствий они оказались в транзитном лагере Шалдинг, недалеко от г. Пассау. Жизнь в лагере была непростой. «Около 1 600 человек живут в 14 больших бараках и полудюжине хижин поменьше. На первый взгляд, как минимум 300 из них — лишних. В большом, похожем на сарай, помещении барака на 150 человек, в основном женщины с детьми, они ждут какого-то старта в другую жизнь. Многим людям, когда он особенно переполнен, приходится спать по двое на одной кровати, обычно это длится 14 дней, максимум месяц, пока не станет возможным размещение в комнате меньшего размера. Другие обитатели лагеря Шалдинг живут в одной комнате от 12 до 16 человек. Благотворительные организации делают всё возможное, чтобы создать гуманные условия, но их средств на всех не хватает» [Цит. по: 51, с. 85].

Сигрид и Фридрих прибыли в лагерь в октябре 1948 года, как раз к началу зимы. Дёрбеку было уже 77 лет. Его угнетала лагерная жизнь. Сам он так писал об этом времени: «Вы, дорогой г-н Экснер, спрашивали меня, есть ли у меня доход или я стал получателем пособия. Не по моей

Ф. А. Дёрбек. Семья нивхов, 1910 год.

Ф. А. Дёрбек. Старик нивх с рыболовными сетями. Чайво, 1910 год.

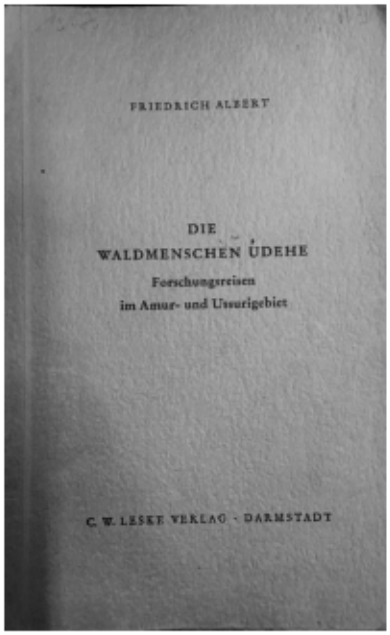
Ф. А. Дёрбек. Стадо северных оленей ороченов (ороков). Северный Сахалин, 1910 год.

вине я потерял все свои пенсии, вклады и сбережения, частью после Первой мировой войны, частью сейчас. Живу в лагере, получаю еду и постель в отапливаемом помещении и 10 дойчмарок в месяц. Многие месяцы лагерной жизни в значительной степени парализовали меня, сбили с пути. Надеюсь, однако, что я выйду из этого заключения и найду подходящую обстановку, и тогда старая привычка к активности скоро вернется, и я с моим восточноазиатским багажом перерожусь в пригодного для использования субъекта» [Цит. по: 51, с. 86].

Его желание исполнилось 16 декабря 1948 года, когда их перевели в лагерь Нойкирхен-ам-Тайзенберг в Верхней Баварии (Neukirchen am Teisenberg in Oberbayern). Там им повезло найти в доме баварского фермера две комнаты на втором этаже. «Еда хороша и количественно достаточна, до сих пор нам не приходилось страдать от холода. Мне сложно только одно: уместиться в одной комнате с четырьмя другими людьми, двое из которых — довольно непослушные мальчишки 7-го и 11-го классов; трудно изолироваться и обрести покой» [Цит. по: 51, с. 87]. Только о судьбе сына, находившегося в русском плену, известий не было, и тревога наполняла его сердце.

Однако Фридрих снова начал работать над статьями, посвящёнными народам Восточной Сибири, вёл переписку с учёными из Вены [см. 48–50]. В 1949 году Дёрбек уже был хронически болен, подолгу лежал в больнице, страдал сердечной недостаточностью, сердечная мышца была частично атрофирована. Но он не хотел, чтобы его исследования на Дальнем Востоке оказались напрасными. Например, Дёрбек работал над ранее написанной статьёй о знаменитом корне китайского женьшеня, снова и снова переделывая её, «поскольку некоторые из сведений Арсеньева на эту тему уже переведены с русского на немецкий» [Цит. по: 51, с. 88]. Книга «Die Waldmenschen Udehe» [31] тоже была практически готова уже к 1950 году, а задержка случилась из-за издательских неурядиц. Наконец в 1955 году его сына Фридриха Франца Йозефа Дёрбека освободили из лагеря в Воркуте. «Теперь опасаться было нечего», — пишет И. Эберхард. На следующий год монография учёного-натуралиста вышла в свет, а 28 августа 1957 года Фридрих Альберт Дёрбек умер от ишемической болезни сердца. В том же году в гамбургском журнале наконец-то увидела свет вышеуказанная статья о китайском женьшене [32]. В ней он открыто признал В. К. Арсеньева своим соавтором. В заголовке оба помечены типографским крестиком (аналогом траурной рамки, обычно проставляемой в случае смерти одного из авторов исследовательской статьи раньше её публикации): «W. Arssenjew † und Friedrich Dörbeck †». По-видимому, редакция таким способом подчеркнула их идейную и материальную близость даже после смерти.

В последнее время много спорят о взаимосвязи книги Фридриха Альберта (Дёрбека) «Die Waldmenschen Udehe» [31] и ненайденных материалов В. К. Арсеньева к монографии «Страна Удэхе». Мы полагаем, что об этом достаточно ясно высказался сам Дёрбек в предисловии:

Монография Ф. А. Дёрбека «Die Waldmenschen Udehe», 1956 год.

«Этот труд, в который были включены все его записи, большая часть содержания упомянутой брошюры («Лесные люди удэхейцы», 1926 г.) [2] и устные рассказы о наблюдениях за орочами-удэхе должен быть посвящён памяти В. К. Арсеньева; он послужит вкладом в дальнейшее познание [семьи] маньчжуро-тунгусских народов. Всё, что из данных Арсеньева содержится в тексте, обозначено кавычками. <...> Я редко и ненадолго мог посещать этих туземцев и стал целенаправленно интересоваться ими [лишь] благодаря рекомендации Арсеньева. Не будучи этнологом, я согласился с его предложением, потому что ни один другой автор не сделал таких всеобъемлющих наблюдений, как Арсеньев, который умер у меня на руках, и я считаю использование здесь устных высказываний и записей друга, как исполнение его завещания» [31, с. 7–8]. Книга появилась как постфактум, как свидетельство уже произошедшего, случившегося в прошлом сотрудничества. На основании фразы из письма за 1950 год Игорь Эберхард, как автор монографического исследования о нём, пришёл к заключению, что Дёрбек расценивал свою «Die Waldmenschen Udehe» буквально как «сводку и дополнение к тому, что Арсеньев и другие писали об аборигенах (удэхе и орочах, маньчжуро-тунгусских племенах)» [Цит. по: 51, с. 113]. Имеются и другие аргументы, но их разбор выходит за рамки данной публикации.

История научного изучения Дальнего Востока знает немало примеров, когда медицинские работники становились его первыми исследователями. Фридрих Дёрбек — из их славной когорты. Этот очерк не может претендовать на полное освещение этапов и коллизий его биографии. Его цель — проследить жизненный путь врача, который, не отказавшись от добросовестного исполнения своих многотрудных профессиональных обязанностей, приложил немало сил к тому, чтобы оставить заметный след в зоологии, этнографии и музейном деле Приморского края. Нельзя сказать, что современники не воздали должное ему при жизни и в то время он не получил своей доли общественного признания. Но с течением лет его имя и дела как-то забылись. Это неправильно. Нам следует чаще добрым словом вспоминать тех, кто первым шёл неизведанными дорогами востока России, хотя бы в мыслях был верен ему до конца дней.

Список использованных источников

1. *Арсеньев, А. Б. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944) : [в 2 кн.]. Кн. I / А. Б. Арсеньев, М. Л. Ордовский-Танаевский. — Белград : Штампарија МИА, 2018. — 638 с.*
2. *Арсеньев, В. К. Лесные люди удэхейцы / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Книжное дело, 1926. — 48 с.*
3. *Березницкий, С. В. Исследования Фридриха Дербека на Дальнем Востоке России в начале XX в. / С. В. Березницкий // Социал. и гуманитар. науки на Дал. Востоке. — 2014. — № 2. — С. 158–164.*
4. *Березницкий, С. В. Ф. А. Дербек и его роль в развитии отечественного североведения / С. В. Березницкий // Реальность этноса: северное измерение : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 12 окт. 2011 г. / под ред. И. Л. Набока. — Санкт-Петербург, 2011. — С. 109–114.*
5. *Гуков, Г. В. Чьё имя ты носишь, растение? : Сто пятьдесят кратких биографий : (из истории ботан. исслед. на Дал. Востоке) / Г. В. Гуков. — 2-е изд. испр. и доп. — Владивосток : Дальнаука, 2001. — 397 с.*
6. *Дербек, В. А. К вопросу о перихондритах при бугорчатке гортани : дис. … д-ра медицины / В. А. Дербек ; Из Клиники горловых, носовых и ушных болезней проф. Н. П. Симановского. — Санкт-Петербург : тип. кн. В. П. Мещерского, 1902. — 95 с. : 2 л. ил. — (Серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-медицинской академии в 1902–1903 учебном году ; № 3).*
7. *Дербек, Ф. Заметки по гидрографии: 3. Остров Спафарьева (Коровий) в Тауйской губе / Ф. Дербек // Записки по гидрографии, издаваемые Главным гидрографическим управлением. — Санкт-Петербург : тип. Морского мин-ва, 1913. — Вып. XXXVII, Ч. I. — С. 147–153.*
8. *Дербек, Ф. А. Из отчета о плавании описного парохода «Охотск» в 1908 г. / Ф. А. Дербек // Медицинские прибавления к «Морскому сборнику». — Санкт-Петербург. — 1909. — Октябрь. — С. 197–218.*
9. *Дербек, Ф. А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени : дис. … д-ра медицины / Ф. А. Дербек. — Санкт-Петербург : тип. Я. Трей, 1905. — 389 с. — (Серия исторических диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-медицинской академии в 1904–1905 учебном году ; № 14).*
10. *Дербек, Ф. А. Медвежий праздник гиляков / Ф. А. Дербек // Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Имп. Русского Географического Общества. — Санкт-Петербург : тип. А. Ф. Дресслера, 1913. — Т. 13. — С. 27–32.*
11. *Дербек, Ф. А. Наблюдения над свечением Охотского моря / Ф. А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. — Санкт-Петербург : изд-во Имп. АН, 1909. — Т. 14, № 1/2. — С. XXIX–XXXII.*
12. *Дербек, Ф. А. Отчет по естественно-историческим работам в Гидрографической экспедиции Восточного океана во время кампании 1912 года / Ф. А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. — Санкт-Петербург : изд-во Имп. АН, 1913. — Т. 18, № 2. — с. XXIII–LV, LII–LIII.*
13. *Дербек, Ф. А. Отчет по естественно-историческим работам на описном пароходе «Охотск» во время плавания Гидрографической экспедиции Восточного океана в 1909 г. /*

Ф. А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. — Санкт-Петербург : изд-во Имп. АН, 1910. Т. 15, № 4. — С. XX–XXX.

14. Дербек, Ф. А. Фаунистические изыскания, веденные во время плавания Гидрографической экспедиции Восточного океана / Ф. А. Дербек // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. — Санкт-Петербург : изд-во Имп. АН, 1909. — Т. 14, № 1/2. — С. XVII–XXIX.

15. Комаров, В. Л. Ботанические сборы Ф. А. Дербека в 1909 году / В. Л. Комаров // Изв. Имп. С.-Петерб. ботан. сада. — 1910. — Т. 10, вып. 4. — С. 101–120.

16. Липшиц, С. Ю. Русские ботаники : биогр.-библиогр. словарь. В 4-х т. Т. 3 : Горницкий – Ищереков / сост. С. Ю. Липшиц. — Москва : Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1950. — 488 с.

17. Насонов, Н. В. Отчет по Зоологическому музею Императорской Академии наук за 1907 г. / Н. В. Насонов // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. — Санкт-Петербург, 1908. — Т. 13. — С. 01–0118.

18. Отчёт о деятельности Общества изучения Амурского края за 1900–1902 года / В. Ланковский, А. Оссендовский // Отчёт Общества изучения Амурского края (Владивостокского отд-ния Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. О-ва) за 1900–1902 года. — Владивосток : типография Л. П. Подпах, 1903. — 14 с.

19. Отчёт о деятельности Общества изучения Амурского края за 1903 год / А. Рончевский, Г. Цыбиков // Отчёт Общества изучения Амурского края (Владивостокского отд-ния Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. О-ва) за 1903 год. — Владивосток : типография Н. В. Ремезова, 1904. — С. 1–12.

20. Отчёт о деятельности Общества изучения Амурского края за 1906 г. // Записки ОИАК. — 1907. — Т. 10. — С. 159–182.

21. Отчёт о деятельности Общества изучения Амурского края за 1907 г. // Записки ОИАК. — 1908. — Т. 12. — С. 3–55.

22. Отчёт по Зоологическому музею Имп. Академии наук за 1903 г. // Ежегодник Зоологического музея Императорской академии наук. — Санкт-Петербург : изд-во Имп. АН, 1905. — Т. 9. — С. 1–59.

23. Подмаскин, В. В. Исследовательская и общественная деятельность корабельного врача Ф. А. Дербека (1902–1930 гг.) / В. В. Подмаскин, Д. Е. Тарасенко // Россия на Тихом океане: роль личности в становлении российской государственности и проблемы безопасности : (Шестые Крушановские чтения, 2009 г.). — Владивосток, 2011. — С. 477–481.

24. Подмаскин, В. В. Ф. А. Дербек — исследователь истории и культуры аборигенов Дальнего Востока России / В. В. Подмаскин // Записки Общества изучения Амурского края. — Владивосток, 2018. — Т. 45. — С. 207–212.

25. Приморский край : краткий энциклопедический справочник. — Владивосток : ДВГУ, 1997. — 595 с.

26. Смирнов, В. Г. Академик Н. В. Насонов и генерал А. И. Вилькицкий: сотрудничество в сфере зоологического исследования морей и океанов в начале XX века / В. Г. Смирнов // Историко-биол. исслед. — 2011. — Т. 3, № 4. — С. 7–27.

27. Татарников, В. А. Забытая экспедиция (экспедиция Дюкиных по долине реки Тетюхе в 1909 году) / В. А. Татарников // Бринеровские чтения – 2009 : сб. материалов науч.-практ. конф. (7–8 окт. 2009 г., г. Дальнегорск). — Дальнегорск, 2010. — С. 53–58.

28. Хисамутдинов, А. А. Его звали Арсеньев-Уссурийский : док.-ист. очерк / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : ОИАК, 1997. — 135 с. — (Записки Общества изучения Амурского края ; т. XXXI).

29. Хисамутдинов, А. А. Общество изучения Амурского края: события и люди. Ч. 1 / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Изд-во гос. ун-та экономики и сервиса, 2004. — 275 с.

30. Челомбитко, А. Н. Офицеры флота, Корпусов, Гражданские и Медицинские чины, Судовые священники Морского ведомства — участники Русско-Японской войны / А. Н. Челомбитко. — Москва : форум Кортик, 2016. — URL: http://оиак.рф/a-n-chelombitko-ofitcery-flota-korpusov-grazhdanskie-i-meditcins. — Текст : электронный.

31. Albert, F. [Dörbeck F.]. Die Waldmenschen Udehe. Forschungreisen in Amur- und Ussurigebiet / Albert, F. [Dörbeck F.]. — Darmstadt : S.W. Leske Verlag, 1956. — 275 s.

32. Arssenjew, W. Die chinesische Allheilwurzel (Jen-Schen) und ihre Sammler im Amurlande / W. Arssenjew, F. Dörbeck // Nachrichten der Gesellschaft für Natur- und Völkerkunde Ostasiens. — Hamburg, 1957. — Nr. 82. — S. 66–72.

33. Brennsohn, I. Die Aerzte Kurlands von 1825-1900 : ein Biographisches Lexicon / I. Brennsohn. — Mitau: Steffenhagen und Sohn, 1902. — 224 s.

34. Dörbeck, F. Geschichte der Pestepidemien in Russland von der Gründung des Reiches bis auf die Gegenwart / F. Dörbeck. — Breslau : J. U. Kern, 1906. — 220 s. — (Nach den Quellen bearb. A. u. d. T.: Abhandlungen zur Geschichte der Medizin ; Heft 18, Nr. 8).

35. Dörbeck, F. Die Anfänge der Medizin in Rußland und deren weitere Entwickelung / F. Dörbeck // Archiv für Geschichte der Medizin. — 1909. — Vol. 2, Nr. 6. — S. 404–418.

36. Dörbeck, F. Die Influenzapandemie des Jahres 1918 / F. Dörbeck // Deutsche Medizinische Wochenschrift. — 1919. — Vol. 45, Nr. 27. — S. 743–745.

37. Dörbeck, F. Ein ungewöhnliches Meeresleuchten im Ochotskischen Meer / F. Dörbeck // Sitzungsberichte der Gesellschaft naturforschender Freunde. — 1940. — 15 Juni. — S. 363–368.

38. Dörbeck, F. Die Fischereifrage im Fernen Osten / F. Dörbeck // Asien Berichte (Früher «Berichte des Asienarbeitskreises»). — 1940. — Nr. 8. — S. 3–24.

39. Dörbeck, F. Das mandshurische Küstengebiet und die Udeheer (1/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte (Früher «Berichte des Asienarbeitskreises»). — 1941. — Nr. 9. — S. 3–16.

40. Dörbeck, F. Das mandshurische Küstengebiet und die Udeheer (Fortsetzung) (2/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte (Früher «Berichte des Asienarbeitskreises»). — 1941. — Nr. 10. — S. 14–22.

41. Dörbeck, F. Das mandshurische Küstengebiet und die Udeheer (Fortsetzung) (3/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte (Früher «Berichte des Asienarbeitskreises»). — 1941. — Nr. 11/12. — S. 21–48.

42. Dörbeck, F. Das mandschurische Küstengebiet und die Udeheer (Fortsetzung) (4/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte. — 1942. — Nr. 15/16. — S. 3–38.

43. Dörbeck, F. Das mandschurische Küstengebiet und die Udeheer (Fortsetzung) (5/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte : vierteljahresschrift für asiatische Geschichte und Kultur. — 1943. — Nr. 17. — S. 32–56.

44. Dörbeck, F. Das mandschurische Küstengebiet und die Udeher (Fortsetzung) (6/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte : vierteljahresschrift für asiatische Geschichte und Kultur. 1943. — Nr. 18. — S. 55–61.

45. Dörbeck, F. Das mandschurische Küstengebiet und die Udeher (Schluß) (7/7) / F. Dörbeck // Asien Berichte : vierteljahresschrift für asiatische Geschichte und Kultur. — 1943. — Nr. 19. — S. 59–60.

46. Dörbeck, F. Jagd auf Pelztiere im mandschurischen Küstengebiet (1/2) / F. Dörbeck // Ostasien-Berichte : herausgegeben im Ostasien-Institut Berlin von Walter Exner. — Wien, 1944. — Nr. 23. — S. 41–61.

47. Dörbeck, F. Jagd auf Pelztiere im mandschurischen Küstengebiet (Fortsetzung und Schluß) (2/2) / F. Dörbeck // Asien-Berichte. 1945. — Nr. 24. — 46–64.

48. Dörbeck, F. Der ostarktische Kältepol / F. Dörbeck // Nachrichten der Gesellschaft für Natur und Völkerkunde Ostasiens. — Hamburg, 1953. — Nr. 75. — S. 46–51.

49. Dörbeck, F. Die Lachswanderung im nördlichen Fernosten / F. Dörbeck // Natur und Volk. Bericht der Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft. — 1955. — Band 85, Heft 12. — S. 391–399.

50. Dörbeck, F. Beobachtungen bei Besuchen von Giljaken-Siedlungen / F. Dörbeck // Natur und Volk. Bericht der Senckenbergischen

Naturforschenden Gesellschaft. — 1956. — Band 86, Heft 10. — S. 333–342.

51. Eberhard, I. Friedrich Dörbeck: Vergessen in Wien und anderswo? Ein ethnohistorischer und biographiegeschichtlicher Beitrag zur Konstruktion der Ethnologie und Wissenschaftsgeschichte des Russischen Fernen Ostens : Diplomarbeit / I. Eberhard ; Fakultät für Human- und Sozialwissenschaften. — Wien : Universität Wien, 2003. — 183 s.

52. Khisamutdinov, A. The Russian Far East : historical Essays / A. Khisamutdinov. — Honolulu : Honolulu University Press, 1993. — 177 p.

53. Zur Jubelfeier des 150-Jahrigen bestehens der St. Annen-Schule, am 3. Januar 1889. — St. Petersburg : Kaiserliche Akademie der Wissenschaften, 1889. — 163 s.

Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 23.06.2022.

Сведения об авторах:
Новомодный Евгений Владимирович, старший научный сотрудник научно-исследовательского сектора природы Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: evgenov@mail.ru; тел. (4212) 30-66-91.

Хисамутдинов Амир Александрович, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук, доктор исторических наук (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: khisamut@yahoo.com; тел. (4232) 71-01-59.

СЛИВКО СТАНИСЛАВ ВАДИМОВИЧ

«ОН ЗАРОНИЛ В МОЮ ДУШУ ЖЕЛАНИЕ ПОСВЯТИТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ ПУТЕШЕСТВИЯМ И ИССЛЕДОВАНИЯМ...»: ДВЕ ВСТРЕЧИ С В. К. АРСЕНЬЕВЫМ

В настоящей статье приводятся биографический очерк об участнике Гражданской войны на Дальнем Востоке Н. М. Фельдмане и его воспоминания о встречах с В. К. Арсеньевым в 1919 и 1923 годах, повлиявших на выбор жизненного пути Николая Михайловича после окончания Гражданской войны.

Ключевые слова: В. К. Арсеньев, Н. М. Фельдман, Дальний Восток России, Владивосток, Гражданская война в России, интервенция держав в Россию.

Keywords: V. K. Arsenyev, N. M. Feldman, Russian Far East, Vladivostok, Russian Civil War, intervention of the powers in Russia.

Большое значение для изучения истории имеют источники личного происхождения, к числу которых относятся мемуары. Мемуарные источники весьма разнообразны. Среди них можно встретить как многотомные, так и менее объёмные воспоминания. Однако встречаются и достаточно короткие свидетельства о сохранившихся в памяти мемуариста значимых событиях. Одними из таких событий для Николая Михайловича Фельдмана стали две встречи с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, произошедшие во Владивостоке в 1919 и 1923 годах. В его воспоминаниях Арсеньев предстаёт перед нами в качестве лектора, который делится с молодёжью результатами своих путешествий и научных изысканий. Свидетельств о публичных выступлениях Арсеньева до нас дошло достаточно мало, и тем ценнее воспоминания человека, на жизнь которого эти лекции повлияли самым непосредственным образом.

Николай Михайлович Фельдман родился в 1902 году в посёлке Кречевицы (15 км от Новгорода). Его родителями были латышские крестьяне-батраки, которые в поисках лучшей жизни переселились сначала в Новгородскую губернию, а затем в 1909 году отправились на Дальний Восток. Однако надежды обзавестись крепким крестьянским хозяйством не оправдались: и здесь корчёвка земли и освоение целины забирали много сил и приносили мало дохода. Семья обосновалась сначала в деревне Поворотная (ныне Находкинский городской округ Приморского края), а в 1913 году перебралась в деревню Нарва (ныне Хасановский район Приморского края). После смерти отца семья в 1915 году переселилась во Владивосток, где Николай жил на иждивении брата Михаила и сестры Елизаветы. Он поступил в высшее начальное училище, а по окончании его в 1918 году начал обучение в вечерней школе имени Н. А. Некрасова, совмещая учёбу с работой сперва рассыльным, а затем конторщиком в бухгалтерии Сибирского союза земств и городов, издательстве «Далькрайземгор».

Бурные события революции, интервенции и Гражданской войны не оставили юношу равнодушным. Большое влияние на формирование его взглядов оказал старший брат Михаил Михайлович Фельдман, офицер царской армии, на фронте вступивший в партию большевиков. В 1918 году он вернулся во Владивосток и сразу включился в работу большевистской партийной организации. Н. М. Фельдман вспоминал: «Все, что делал старший брат, увлекало и меня. Я видел в нем человека, на которого надо равняться. Он стал мне и учителем, и политическим наставником, примером служения народу. Если Михаил шел в первом эшелоне борцов за власть Советов, то я шел за ним во втором эшелоне»[1]. В сентябре 1920 года Н. М. Фельдман вступил в комсомол, а после контрреволюционного переворота во Владивостоке 26 мая 1921 года включился в работу коммунистического подполья: распространял газету «Красное Знамя», расклеивал прокламации и обращения подпольного комитета РКП(б) к трудящимся и солдатам белогвардейских войск, участвовал в изготовлении поддельных документов для подпольщиков.

В начале весны 1922 года, когда белоповстанческая армия уже потерпела поражение в Волочаевском сражении и боях на Бикино-Васильевских высотах, Николай получил тяжёлое известие о смерти брата: «Через линию фронта перебрался во Владивосток к своей семье отец моего товарища Коли Семенова, партизан отряда Шевчука. Он рассказал о том, как дрались народоармейцы с белогвардейцами под Волочаевкой и на Бикино-Васильевском плацдарме. “Вот что, Николай, — сказал он мне, — в бою с белыми под Лончаковым погиб твой брат Михаил. О его геройской смерти в нашей фронтовой газете “Вперед” была помещена большая статья. Погиб как герой, и ты можешь гордиться им”. Что-то подступило к горлу. Нет больше Миши, моего старшего брата, наставника и советчика в моих исканиях своего пути в жизни».

Штаб партизанского отряда Никольск-Уссурийского района. Н. М. Фельдман — в верхнем ряду третий слева. Никольск-Уссурийск, ноябрь 1922 года.

«Уйду в партизанский отряд и буду бить белых, сколько хватит у меня сил. Бить надо не листовкой, а винтовкой», — так рассудил Николай и изложил свои соображения на конспиративной встрече с представителем городского комитета РКСМ Виталием Баневуром. Он получил направление в 3-й комсомольский партизанский отряд, действовавший в районе Никольска-Уссурийского, и в мае 1922 года стал его бойцом, а вскоре и начальником хозяйственной части.

1 Это и последующие цитирования взяты из воспоминаний Н. М. Фельдмана, хранившихся у его сына Александра Николаевича. Насколько известно автору, они ранее не публиковались.

Николай Михайлович вспоминал: «При боевых действиях отряда я занимал свое место в строю и действовал как боец». В июле 1922 года он встретился с Виталием Баневуром в селе Кондратеновке, когда Баневур присоединился к партизанам после ряда провалов подпольной организации во Владивостоке. Развернувший активную работу, Баневур был на виду у партизанской молодёжи и пользовался большим авторитетом. В последний раз своего товарища Николай Фельдман увидел уже 18 сентября 1922 года, когда тело замученного белогвардейцами Баневура привезли в Кондратеновку: «Поздно ночью привезли в с. Кондратеновку тело Виталия. Мы кольцом окружили телегу. На телеге лежал наш друг, товарищ, с которым мы два дня назад весело шутили, смеялись, разговаривали. Вид его был ужасный. Белоказаки перед расстрелом рубили ему уши, выбили зубы, вырвали сердце и вокруг зияющей раны вырезали пятиконечную звезду. Всех нас охватила ярость. Скорее разделаться с палачами-извергами. Отомстить за страдания и смерть нашего товарища! На следующий день, вечером, мы отнесли гроб с телом героя-комсомольца Виталия Баневура на сельское кладбище. На траурном митинге у его гроба мы дали клятву не слагать оружия до тех пор, пока хоть один интервент или белогвардеец будет топтать нашу родную землю. Эту клятву мы сдержали». В составе своего партизанского отряда он принял участие в заключительных сражениях Гражданской войны в Приморье, окончившихся освобождением региона от белогвардейцев и интервентов в конце октября 1922 года.

После демобилизации отряда Н. М. Фельдман окончил учёбу в школе в 1923 году и поступил в Дальневосточный государственный университет на лесной факультет, который окончил весной 1930 года. Учёбу в университете он совмещал с работой в органах ГПУ (1923–1924 гг.) и в губернском земельном управлении (1924–1925 гг.). С февраля 1925 года по ноябрь 1941 года Николай Михайлович работал в лесоустройстве и дорожно-изыскательных экспедициях в лесной промышленности. Его жизнь оказалась связанной с путешествиями по Дальнему Востоку, о чём он так мечтал, будучи юношей, некогда слушавшим лекции В. К. Арсеньева во Владивостоке. С ноября 1941 года по ноябрь 1955 года решением Хабаровского крайисполкома Н. М. Фельдман был переведён на работу в угольную промышленность, а в ноябре 1955 года перешёл на работу в Дальневосточный филиал Гипролестранса, где трудился до выхода на пенсию в 1963 году.

Николай Фельдман, 1923 год.

Николай Фельдман (крайний справа) участвует в митинге у могилы павших народоармейцев. Село Лончаково, 10 апреля 1966 года.

Выйдя на пенсию, Н. М. Фельдман посвятил себя изучению истории Гражданской войны на Дальнем Востоке, работал над своими воспоминаниями и проводил большую просветительскую работу среди молодёжи. По крупицам он собрал материал к биографии своего брата М. М. Фельдмана и написал о нём биографический очерк, а также приложил много усилий для увековечения подвига народоармейцев, принявших последний бой у села Лончаково, в числе которых был и его брат. До 1956 года могила бойцов располагалась на поле Лермонтовского совхоза. Она представляла собой холм, была безымянной и неогороженной. Место могилы указал житель села, участвовавший в захоронении. В 1957 году было осуществлено перезахоронение останков в центр села, на нынешнее место, через год установлен существующий обелиск. В 1965 году усилиями учительницы истории Лончаковской 8-летней школы Т. Г. Богун и Н. М. Фельдмана, а также учащихся Лончаковской школы стали известны имена погибших. В 1967 году на обелиске была установлена доска с фамилиями погибших народоармейцев.

Николай Михайлович Фельдман, середина 1960-х годов.

Николай Михайлович Фельдман ушёл из жизни в 1979 году, похоронен на Центральном кладбище г. Хабаровска. Его бумаги и материалы перешли по наследству к сыну, Александру Николаевичу Фельдману (1935–2014 гг.), который бережно заботился о том, чтобы память об отце и о его товарищах была сохранена. С Александром Николаевичем автора настоящих строк связывала общественно-политическая деятельность и любовь к истории Дальнего Востока. Он позволил мне снять копии с воспоминаний и материалов своего отца, которые хранились в его личном архиве. Среди них была машинописная запись воспоминаний о встречах Н. М. Фельдмана с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, которая публикуется ниже в авторской редакции.

Приложение.

Рассказ Н. М. Фельдмана

Жил я во Владивостоке. Мне шел тогда 17-й год и как всех юношей меня увлекала романтика путешествий.

С Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, я не был знаком, но мне посчастливилось два раза присутствовать на его лекциях.

Первый раз я слушал его лекцию в 1919 году. Россия полыхала в огне гражданской войны. На Дальнем Востоке хозяйничали интервенты. Если японцы проводили свою политику с позиции силы, то американцы применяли более либеральный метод. В частности, они под видом содействия культурному развитию пытались привлечь молодежь к «американскому образу жизни». Ставилась цель отвлечь молодежь от революционной деятельности.

Во Владивостоке американцы создали клуб «Маяк», где показывались фильмы, устраивались танцы, концерты, читались лекции на разные темы[2].

И вот как-то раз я прочитал, что с лекциями о своих путешествиях по Уссурийскому краю выступит В. К. Арсеньев. На лекцию собралась молодежь, интересующаяся Дальневосточным краем. Собралось нас немного, около 50 человек.

В. К. читал лекцию не в лекционном зале, а в фойе клуба, где размещался камин, плетеные кресла. У камина на обрубке дерева уселся В. К. Свет электрический погасили, комната и слушатели освещались только каминным пламенем. Обстановка была романтичной.

Обычным, спокойным голосом В. К. начал свой рассказ. Мы слушали, затаив дыхание. Владимир Клавдиевич был прекрасным рассказчиком. Образно, с увлечением описывал он природу края. Особое впечатление на слушателей произвели сценки встреч и разговоров с Д. Узала.

Нам, юношам, воспитанным на романтике произведений Ф. Купера и Майн Рида, его рассказ был открытием. Мы не представляли, сколько романтики таит в себе наш край. Он заронил в мою душу желание посвятить свою жизнь путешествиям и исследованиям. Я окончил позднее лесной факультет Дальневосточного университета.

Вторично я слушал Арсеньева весной 1923 года с отчетом перед народом о поездке в Советскую Россию с эшелоном в помощь голодающему Поволжью. С 1918 года Приморье было отрезано от всей России. Белогвардейские газеты клеветали на большевиков, как только могли. И вот послушать правду о положении дел в России собрались трудящиеся в один из воскресных дней в аудитории № 1 Восточного института[3].

Рассказав о пути следования, о масштабах бедствия, В. К. перешел к рассказу о Москве, о Советской России. Особенно красочно он описал посещение им Оружейной палаты, где хранились собранные веками уникальные ювелирные изделия и драгоценные камни. Миф о том, что большевики разграбили Россию, был рассеян. Отчет был принят присутствующими бурными аплодисментами.

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 27.07.2022.

Сведения об авторе: Сливко Станислав Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: tov.slivko@mail.ru.

2 Клуб был открыт Христианским союзом молодых людей (ХСМЛ), межконфессиональной всемирной организацией с центром в США. В 1920-е гг. по всему миру эта организация насчитывала более 10 тысяч местных союзов ХСМЛ, а общая численность членов ХСМЛ достигала более полутора миллионов человек. Деятельность ХСМЛ носила проамериканский характер. Клуб «Маяк» располагался во Владивостоке, в доме № 21 по Корабельной набережной. — С. С.

3 Он расположен во Владивостоке по адресу: ул. Пушкинская, д. 10. — С. С.

САНКАЕВА ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА,
ЯРОЦКАЯ ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

МИФОПОЭТИКА ТОПОСА «СКАЛА» В ТЕТРАЛОГИИ В. К. АРСЕНЬЕВА

В представленной статье рассматривается отражение мифологии и ритуалов коренных народов Дальнего Востока в творчестве В. К. Арсеньева. Это значимый для структуры произведений Арсеньева компонент, важный для понимания мировоззренческой концепции автора, выраженной в его творчестве. В статье использованы мифопоэтический и сравнительно-сопоставительный методы.

В результате сделаны следующие выводы: Арсеньев пользуется этнографическим материалом как особым художественным приёмом; он включает мифы и легенды коренных народов Дальнего Востока о скалах в художественный текст, используя часто встречающиеся в аборигенной мифологии образы и мотивы. Для творческого метода писателя характерны антропоморфизм и олицетворение в изображении скал — от научного подхода он уходит к мифопоэтическому описанию.

Ключевые слова: путевой очерк, географическая проза, этнографический подтекст, мифопоэтика, коренные народы Дальнего Востока, легенды.

Keywords: travel literature, geographical prose, ethnographic undertone, mythopoetics, indigenous peoples of the Far East, legends.

Исследовательский интерес к творчеству Владимира Клавдиевича Арсеньева за последние годы значительно возрос. Арсеньев приобрёл широкую известность как выдающийся учёный и путешественник, но он также известен как писатель и автор научно-художественных книг. В своих произведениях он соединяет научное и художественное, вводя в текст этнографические сведения и своеобразный этнографический подтекст [10, с. 135], часто понятный только специалистам.

Мы полагаем, что произведения Арсеньева носят синтетический характер, обладают и научной, и эстетической ценностью. Они были созданы в традиции путевого очерка и представляют собой новую модификацию этого жанрового образования географической прозы [10, с. 16].

В работе мы рассматриваем отражение в творчестве Арсеньева мифологии и ритуалов коренных народов Дальнего Востока: удэгейцев, нанайцев, орочей и т. д. Мы убедились, что этот компонент имеет значение в структуре произведений Арсеньева и важен для понимания мировоззренческой концепции автора, выраженной в его творчестве.

Одним из самых часто встречающихся объектов описания у Арсеньева, с которым связано обращение автора к мифологическим представлениям коренных народов, являются скалы. На них мы и остановимся в данном исследовании.

В книгах В. К. Арсеньева мы выделили три вида описания скал или гор: научное, занимающее в ранних книгах самое большое место, описания китайских мифологических верований, связанных с горными духами и священными горами, а также описания, выполненные на основе верований коренных народов Дальнего Востока. Отметим, что более поздние книги имеют особенность: в них научное описание гор сокращается, больше места начинают занимать описания гор, основанные на мифологии коренных народов. Для книг Арсеньева характерны следующие мотивы, связанные с локациями «горы», «скалы»: скалы предстают как окаменевшие великаны или окаменевшие герои мифов и легенд, прибежище злого духа и чёрта, а также место жительства тигра; скалы являются местом, где происходят жертвоприношения предкам рода; со скалами и горами связаны мотив борьбы и мотив наказания. Скалы являются центром борьбы между добрыми и злыми духами, между великанами за то, кто является хозяином гор и лесов, между силами природы. Одним из важных признаков скал является неизменность в течение времени, несоразмерного времени жизни человека.

Арсеньев приходит к идее живой, одухотворённый природы. Для него важны взаимоотношения природы и человека, человека и общества. Его интересует, что приносит в природу человек в частности и цивилизация в общем. Он приходит к мысли, что цивилизация — большое зло для природы.

Первая книга Арсеньева «По Уссурийскому краю» (1921 г.) [3] — это описание экспедиции, предпринятой им в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 году. В книге присутствуют три вида описаний скал: сугубо научное, описание, основанное на китайской мифологии, и описание, основанное на аборигенной мифологической традиции. Арсеньев описывает многочисленные китайские кумирни, используя этнографические сведения о китайских горных духах и священных скалах. Такие места связаны с образом охотников-китайцев, встреченных на пути, а также с многочисленными запретами и табу, нарушителя которых ждала обязательная расплата. Представления коренных народов Дальнего Востока о скалах встречаются всего дважды, они связаны с образом гольда и отражают архаические мифологические представления о горах как о живых существах, широко распространённые среди народов Дальнего Востока. Здесь же появляется мотив охраны, защиты — кто-то поставил «окарауливать» сопки, и, вероятно, есть от кого «окарауливать». Мотив защиты трансформируется в мотив борьбы, силы и цели которой пока не описаны.

Вторая книга — «Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г.» (1923 г.) [2]. Эта экспедиция была продолжением экспедиции 1906 года, и, как заявлял сам автор, книга является продолжением «По Уссурийскому краю».

Этнографическое описание скал и гор у В. К. Арсеньева в книге «Дерсу Узала» связывается уже не только с образом Дерсу Узала, но и с другими представителями коренных народов Дальнего Востока, которые встречались на пути его экспедиций. Если Дерсу всегда присутствует на месте событий, находится рядом с описываемыми скалами, то «удэхейцы» только упоминаются, как когда-то рассказавшие историю о той или иной скале. Ещё одним героем становится солон. Скалы воспринимаются туземными аборигенными героями как опасные места, ведь там жили злые духи, вызывавшие несчастные случаи и служившие причиной гибели людей. По верованиям коренных народов, горы — сосредоточие опасности.

Представления коренных народов Дальнего Востока о горах повлияли и на самого В. К. Арсеньева, который, описывая скалы или утёсы, вслед за ними прибегает к олицетворению.

Третья книга «В горах Сихотэ-Алиня» (1927 г.) [1] описывает прошедшую в 1908 году экспедицию, предпринятую для обследования части территории Дальнего Востока, заключённой в границах: Нижний Амур — на западе, пролив Невельского (Татарский) — на востоке, реки Хор и Самарга — на юге. Цель экспедиции была естественно-историческая, а продолжительность — 19 месяцев (с 24 июня 1908 г. по 20 января 1910 г.).

В книге Арсеньев подробно описывает представления коренных народов, связанные с горами. Скалы предстают как охранники покоя на близлежащих территориях, предки рода, место обитания злых духов. Очень тесно с ними связаны мотив борьбы злых и добрых существ, мотив защиты территории, защиты рода. Арсеньеву любопытно, почему удэгейцы боятся ходить в эти скалы. Он знает их как опытных следопытов и понимает, что их страхи имеют основания. Ему хочется своими глазами увидеть и понять, что же их так пугает.

«Сквозь тайгу» (1931 г.) — самая последняя и самая поздняя книга Арсеньева. Это описание экспедиции 1927 года [4]. Арсеньев описывает места, в которых он уже побывал ранее, научных описаний становится всё меньше, появляются сравнения.

Мифологические представления народов Дальнего Востока о скалах органично входят в повествовательную структуру тетралогии Арсеньева. В «Дерсу Узала» писатель приводит следующую легенду: «Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэхейцы называют ее “Када-ни”, то есть “Каменный человек”. Дух гор и лесов Онку схватил охотника, превратил его в камень и заставил окарауливать сопки» [2, с. 201]. Удэгейцы считали, что хозяином гор и лесов был грозный дух Онку, помощниками которого являлись менее сильные духи-хозяева отдельных участков местности, а также некоторые животные — тигр, медведь, лось, выдра, косатка [7, с. 267].

Также в книге «Дерсу Узала» Арсеньев приводит легенды о скалах, связанные с разными духами: «Около реки Пия есть два утеса, “Садзасу мамасани”, имеющие человекоподобные формы. Удэхейцы говорят, что раньше это были люди, но всесильный Тему — хозяин рыб и морских животных — превратил их в скалы и заставил окарауливать береговые сопки» [2, с. 234]. В обоих случаях Арсеньев приводит легенды, в которых происхождение скал связано с деятельностью и борьбой высших сил, подчиняющих себе человека, заставляющих его в виде скалы беречь местность от злых духов.

Духи и великаны часто являются главными действующими лицами в повествованиях гольдов о горах и скалах. С. В. Березницкий отмечает, что у коренных народов Дальнего Востока существуют представления о связи скал с персонажами мифов. Само происхождение скал связано с их богатырями и героями [6, с. 34].

В книгах Арсеньева легенды о великанах встречаются часто. Автор и сам, подобно коренным жителям, ощущает необыкновенность и таинственную силу скал. Так, одна из скал напоминает человеческое лицо: «Удэхейцы называют ее Када-Дэлини, т. е. Каменная голова; это — большой человек (великан), окаменевший и погрузившийся в землю; иногда он шевелится — тогда вздрагивают горы и глухой шум разносится по окрестным сопкам» [2, с. 167]. В легенде выражено анимистическое представление о том, что в природе всё является живым: окаменевший великан обладает возможностью шевелиться, потому что он жив.

Мифы о великанах, живущих в скалах или поблизости от них, часто встречаются у коренных народов. Так, остроголовые великаны калгама живут одиноко и семьями с маленькими калгамятами в пещерах, в скалах в верховьях рек, в ущельях, в каменистых и скальных местах. В пещере хранится много припасов, орудий лова, одежды и других вещей. Хунгарийские орочи считают, что великан подчиняется главному доброму духу Эндури, умеет шаманить, никогда не уходит далеко от своей пещеры [6, с. 35].

Тумнинские орочи до сих пор обходят стороной несколько мест в тайге, которые традиционно считаются местами обитания великана кадзяму. Другая скала считается одновременно и местом обитания великана, и им самим в каменном виде. Некоторые бикинские удэгейцы и сейчас считают, что на морском побережье, в пещере, живёт злой великан-людоед мангму мафа, который ловит людей и жарит их на костре. На Сахалине, возле нивхского посёлка Катангли, есть сопка, на которой, по мнению местных нивхов, обитают таёжные великаны ге нивгуны [6, с. 34].

У нанайцев существовало предание о Химкир и Вандан — окаменевших людях, богатырях или шаманах, которые преграждают путь злым духам к месту обитания людей [8, с. 137].

Таким образом, в представлениях коренных жителей прослеживается тесная связь между великанами и скалами. Скала является либо окаменевшим великаном, либо местом его обитания, иногда мотивы совпадают.

Арсеньев описывает скалы либо как окаменевших великанов, часто наказанных за что-то, либо как хранителей порядка (не всегда добровольных) на расположенных рядом территориях.

Встречаются у Арсеньева и легенды, в которых фигурирует злой дух Какзаму: «Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан-Лина, есть скалистая сопка, куда удэхейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там — обиталище злого духа Какзаму» [2, с. 186]; «В скалистых горах, окаймляющих долину реки Че, часто происходят обвалы. Удэхейцы считают эти места обиталищем злого духа Какзаму» [2, с. 134]. Это воспроизведение широко бытовавших верований в то, что в горах обитают злые духи или чёрт. Так, орочи верили, что в горах обитает Амбан — злой дух, который может принимать облик животных или предметов, он мешает людям на промыслах и нападает на одиноких путников, убивает их, а также приносит различные несчастья и вызывает болезни

[8, с. 259]. Некоторые духи связаны с определёнными видами опасностей, например в местах обитания Какзаму постоянно случаются обвалы.

Представления коренных народов о том, что скалы являются местом борьбы добрых духов со злыми, также нашли отражение в книгах Арсеньева: «Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум — произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон. Он решил, что черт сердится и ломает сопку» [2, с. 175].

«Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: черт на скале, бросавший камни, гроза со снегом и обвал в горах — все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули черта гоняй! — сказал он довольным голосом и затем что-то оживленно стал говорить солону» [2, с. 183].

Березницкий пишет, что у удэгейцев существует верховный дух Эндули, безликий дух, создатель мира — общее название 34 духов, которые в течение года следят за порядком и управляют людьми и силами природы [7, с. 378]. Между Эндули и чёртом (Амба) всегда идёт вражда, что и отражено в этом эпизоде книги «Дерсу Узала».

Отражены в книгах Арсеньева и представления о сверхъестественных существах — тиграх, являющихся обитателями скал: «Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусуна, высится одинокая скала, которую туземцы называют "Чжеле-Кадани". Один из удэхейцев заметил на вершине ее тигра. Он лежал на боку без движения. Удэхейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шел снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мертвым только на время (он может всегда делать это по своему желанию). Душа его (ханя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад, и тигр ожил снова. Удэхейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала тотемной (запретной, священной)» [2, с. 237].

По верованиям коренных жителей, в тайге существуют скалы, пещеры, другие особые места, которые связаны с тигром. Многие из них табуированы. Например, скалы Куты Агдуни — «Тигровые пещеры», расположенные недалеко от посёлка Дальний Кут на реке Иман. Одноимённая скала с пещерой находится недалеко от впадения в Иман реки Вахумбэ. Почитание этой скалы связано с верованием о том, что раньше сюда прилетали сильные шаманы и превращались в тигров. Некоторое время они в образе тигров жили в этой пещере, а потом улетали обратно. Из-за страха перед шаманскими духами скалы угощали с лодки. Впоследствии вокруг этой пещеры родилась легенда о том, что однажды охотник нашёл в этой пещере клад драгоценных камней [6, с. 35].

У амурских ульчей также встречаются предания, в которых тесно сплетены верования о культе тигра и культе скал. У найхинских нанайцев есть верование о скале Тигровый Дом на реке Нельта, где тигрицы производят на свет потомство. Место это охраняется таёжными великанами калгамами. Люди боятся к нему подходить на близкое расстояние [6, с. 36].

Скалы также почитались как сверхъестественные предки, образы которых были связаны с тигром [7, с. 329]. Нивхи, например, верили в существование Пал Ыз — хозяина гор, который иногда предстаёт в образе тигра. Он являлся родовым божеством и жил на самой высокой горе [9, с. 140]. Возвышенности и тигр постоянно предстают в определённой связи в верованиях коренных жителей. Арсеньев не единожды отразил это в своих книгах. Так, например, он пишет о Сан-Сине — боге сопки. Считалось, что тигр — его собака, и он ездит на тигре как на коне. О Сан-Сине нельзя говорить плохо, для него создавались специальные кумирни из камня [5, с. 336].

Мы полагаем, что в произведениях В. К. Арсеньева можно наблюдать соотнесение литературного и мифологического текстов через архетип. Мифопоэтический подход является одним из возможных аналитических подходов к творчеству Арсеньева, он позволяет выявить в произведении наиболее значимые мотивы, образы, идеи. Сориентированный на глубинную культурную память, мифопоэтический подход даёт также возможность создать представление о поэтической картине мира автора. Вопрос о том, как в художественном произведении проявляется мифологизм, напрямую связан с понятием архетипа, то есть изначальными, фундаментальными образами и мотивами, лежащими в основе общечеловеческой символики мифов, сказок и других продуктов художественного воображения, воплощённых в художественном произведении в архетипическом образе, аккумулирующем многовековой культурный опыт, допускающем вариативность, но в то же время узнаваемом и интуитивно воспроизводимом в художественном произведении.

Арсеньев пользуется этнографическим материалом как особым художественным приёмом. Он включает мифы и легенды коренных народов Дальнего Востока о скалах в художественный текст, используя часто встречающиеся в аборигенной мифологии образы и мотивы. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что для творческого метода Арсеньева характерны антропоморфизм и олицетворение в изображении природы, в частности скал — от научного подхода он уходит к мифопоэтическому описанию.

Интересным и своеобразным явлением арсеньевской прозы является также этнографический подтекст — факты

или события, которые Арсеньев не объясняет, но которые в целом влияют на композицию и структуру и используются для создания более достоверных и глубоких художественных образов. Этнографический подтекст являет собой некий архетипический слой в тексте, который воздействует на сознание читателя, он может быть считан и объяснён только специалистами-этнографами и придаёт тексту дополнительные смыслы.

Список использованных источников

1. *Арсеньев, В. К. В горах Сихотэ-Алиня / В. К. Арсеньев // В. К. Арсеньев. Собрание сочинений : в 6 т. Т. II. — Владивосток, 2009. — С. 207–451.*
2. *Арсеньев, В. К. Дерсу Узала / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Т-во Изд. «Свободная Россия», 1923. — 255 с.*
3. *Арсеньев, В. К. По Уссурийскому краю / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Тип. «Эхо», 1921. — 280 с.*
4. *Арсеньев, В. К. Сквозь тайгу // В. К. Арсеньев. Собрание сочинений : в 6 т. Т. II. — Владивосток, 2009. — С. 479–599.*
5. *Арсеньев, В. К. Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу / В. К. Арсеньев // Вестник Азии. — Харбин, 1916. — № 38/39, кн. 2/3. — С. 335–340.*
6. *Березницкий, С. В. Священные скалы орочей и удэгейцев / С. В. Березницкий // Четвёртая Дальневосточная конференция молодых историков : докл. и тез. — Владивосток, 1996. — С. 34–35.*
7. *Березницкий, С. В. Этнический компонент верований и ритуалов коренных народов Амуро-Сахалинского региона / С. В. Березницкий. — Владивосток : Дальнаука, 2003. — 484 с.*
8. *Подмаскин, В. В. Мифологический словарь: коренные малочисленные народы Дальнего Востока России / В. В. Подмаскин. — Владивосток : Дальнаука, 2013. — 246 с.*
9. *Подмаскин, В. В. Народные знания удэгейцев : историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. / В. В. Подмаскин. — Владивосток : ДВО РАН, 1998. — 228 с.*
10. *Яроцкая, Ю. А. Научно-художественное творчество В. К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы» / Ю. А. Яроцкая. — Владивосток : Дальневост. федер. ун-т, 2013. — 235 с.*

Материал поступил в редакцию 04.07.2022.

Сведениях об авторах:
Санкаева Татьяна Вячеславовна, магистр филологии центра русского языка и культуры Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: trishagado@mail.ru; тел. 8-924-321-64-85.

Яроцкая Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института — Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: ulita6@yandex.ru; тел. 8-924-233-20-37.

▶ Научное сообщение

ВОЛЬМАН ДИАНА ЮРЬЕВНА,
ГАСЫМОВ ЭЛЬДАР ШАФИАДДИНОВИЧ

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ДЕРСУ УЗАЛА В ТРАВЕЛОГЕ В. К. АРСЕНЬЕВА «В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ»

Предметом исследования настоящей статьи являются особенности языковой картины мира гольда-охотника, спутника В. К. Арсеньева Дерсу Узала, а также принципы жанрового своеобразия текстов цикла «В дебрях Уссурийского края». В работе произведён анализ образа старого нанайца, следствием которого послужил вывод о преобладании художественного компонента в прорисовке характера, что приводит к утрате реальных черт прототипа. Не менее примечательны фольклорные признаки, формирующие художественную основу образа Дерсу Узала. Лингвистические наблюдения позволили отметить в тексте наличие средств выразительности, прономинации, буквализации фразеологизма.

Ключевые слова: языковая картина мира, анимизм, номинация, травелог, средства выразительности.

Keywords: language picture of the world, animism, nomination, travelogue, means of expression.

Целью настоящей работы является попытка определить жанровые особенности дилогии В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», проанализировать роль образа Дерсу Узала в структуре произведений, отметить стилистические признаки, формирующие идиостиль В. К. Арсеньева. Раскрыть особенности языковой картины мира Дерсу Узала.

Как известно, значимым результатом продолжительных научных экспедиций В. К. Арсеньва стала характерная дилогия «В дебрях Уссурийского края», включающая тексты «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

Идентификация текстов как художественных не раз вызывала трудности у исследователей. Фабулу дилогии составили реальные события, происходившие с автором и его спутниками во время экспедиций по Уссурийскому краю, а первоисточниками для книг послужили экспедиционные дневники [5]. Данный факт предполагает рассмотрение текстов как частично научных. Однако следует отметить, что в произведении нередко встречаются хронологические изменения, связь которых с какой-либо научной или просветительской задачей не обнаружена, а также установка на художественность в разработке образа Дерсу Узала.

Некоторые издания называют текст В. К. Арсеньева романом [4]. Издания прошлых лет относили дилогию к повести [3]. Кажется, подобные жанровые наименования справедливы лишь в отношении художественной литературы, тогда как «Дерсу Узала» и «По Уссурийскому краю» содержат признаки не только и не столько художественной, сколько научно-популярной, научной и дневниковой литературы.

Вероятно, вполне обоснованно квалифицировать тексты В. К. Арсеньева как травелог или художественный травелог (чтобы выделить превалирующий элемент). Травелог — литературный жанр, повествование которого строится на путешествии. Это может быть рассказ об экспедиции открывателей или о личном опыте путешественника с некоторой долей рефлексии [6]. Главными принципами построения травелога являются описание и повествование, эквивалентные друг другу. В работах В. К. Арсеньева, сюжет которых связан прежде всего с образом Дерсу Узала, действительно сложно определить, повествовательный или описательный элемент считается преобладающим.

В данном случае особое внимание необходимо уделить проводнику-гольду. При чтении «В дебрях Уссурийского края» для адекватной интерпретации текста требуется понимание образности как явления. Образ трактуется как эстетическая категория, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности [11]. В. К. Арсеньев в известной степени преломления реальности постарался отразить личность Дерсу. Многие достоверные факты, отсутствующие в книге, деконструируют романтическую составляющую образа. Например, давно установлено, что широкое распространение получила литературная версия о времени и обстоятельствах первой встречи В. К. Арсеньева с Дерсу Узала, когда охотник заявился на бивак поздно ночью, напугав всех участников экспедиции. Тогда как в реальности всё произошло вполне обыкновенно. Сравнение эпизодов позволяет если не в точности определить мотивы писателя, то констатировать наличие авторской задачи, которая зиждется на образе старого нанайца.

Не менее примечательно, что комическая установка эпизода выступает в качестве компонента тематической антитезы. Перед приходом Дерсу в отряде преобладает печальное настроение: «В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное, и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково» [2, с. 14]. Услышав шум рядом с биваком, отряд подумал, что к ним забрался медведь. Однако из темноты является гольд, первая фраза которого сказана на ломаном русском языке. Противоречие формирует эффект обманутого ожидания, который встречается в разных условиях общения, когда суть высказывания оказывается совершенно неожиданной и весьма далёкой от прогнозируемого [9]. Данное обстоятельство, в свою очередь, способствует реализации комического начала, которое согласуется с языковым несоответствием нормы и узуса.

Знаменательно, что после прихода Дерсу окружающая природа кажется повествователю полной красоты и гармонии: «*Звёзды на небе переместились и показывали* далеко за полночь. *Часы летели за часами*, а мы всё сидели у костра и разговаривали. <...> На земле и на небе было ещё темно, только в той стороне, откуда подымались всё новые звёзды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса — верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом *царила торжественная тишина*. Казалось, *природа отдыхала* тоже» [2, с. 17]. До прихода Дерсу всё казалось полным неизвестности, на что указывают указательные и неопределённые местоимения («что-то, какие-то, это»). Однако уже во время разговора с гольдом природа кажется повествователю приветливой, а всё вокруг — знакомым (здесь используются прямые номинации — *звёзды, роса*). Весьма значимым представляются и средства выразительности, используемые автором, — олицетворения и эпитеты («звёзды на небе переместились и показывали», «царила торжественная тишина», «природа отдыхала»), фразеологические сочетания, в основе которых лежит метафорическое одушевление («часы летели за часами»).

В дальнейшем образ гольда оформляется, причём немалую роль в этом играет языковая картина мира героя. Некоторые исследователи видят особый смысл в стилизации речи жителя тайги, выделяя при этом значение императивной составляющей: формы повелительного наклонения

определяют смысл жизни-борьбы, звучат как внутренние призывы к движению вперёд [13]. Дерсу почти всё окружающее в тайге называет «люди»: от животных до природных явлений. В последней главе В. К. Арсеньев-повествователь называет своего приятеля «неисправимым анимистом», чем обозначает главную мировоззренческую особенность гольда [2, с. 468]. Под анимизмом понимается свойственное всем первобытным народам учение о духовных существах как причинах всех явлений внешнего и внутреннего мира [1]. Проводник В. К. Арсеньева всегда видит причинно-следственные связи в любом явлении окружающего мира, нередко соотнося их причины с разного рода сверхъестественными силами. Несмотря на антинаучный подход, подобная особенность позволяет развиться его навыкам следователя, которые не раз помогли членам экспедиции.

Следует отметить особенность номинаций в языковой картине мира Дерсу Узала — гольд никогда не обращается по имени ни к кому из отряда В. К. Арсеньева, однако не раз допускает разговоры с представителями животного мира, а некоторых называет по имени. Магическое значение, придаваемое процессу наречения объекта личным именем, — явление универсальное, присущее практически всем культурам мира [12]. Данное обстоятельство может указывать как на роль носителей имён в жизни Дерсу Узала, так и на значение имени как элемента мировоззрения самого гольда.

Весьма примечательно отметить, как Дерсу обращается к тигру, предупреждая его об опасности: «Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету» [2, с. 309]. Для тигра у гольда есть особое имя — Амба, которое обозначает чёрта, но этим же именем называют и тигра. Известно, что обычно тигр приближается к жилью, когда он стар или болен, голод заставляет его нападать на собак, скот и даже на человека. Именно такого тигра считали «сумасшедшим» или злым духом Амба [13]. Тигр для Дерсу не просто равное живое существо, не просто сосед в тайге, а посланник высшего существа, воплощение злого бога, вездесущего и бесстрашного. В этом смысле интересна реакция гольда на другого тигра, напавшего на бивак путешественников: «Такой Амба можно стреляй, грех нету» [2, с. 459]. Поведение этого тигра не соответствует божественному, потому что хищник вместо выбранной добычи предпочёл напасть на членов экспедиции, заметив, что они не вооружены и крепко спят. А вместо того чтобы вступить в бой и забрать желаемое силой, тигр старается скорее скрыться, забрав одну из собак. Безжалостный злой дух не мог поступить так нелепо, он бы, вероятно, разграбил бивак и убил всех членов отряда, оставив, быть может, одного в живых, чтобы весть о его могуществе распространялась. Данное противоречие побудило Дерсу не пересмотреть свой взгляд на тигра как на материальное воплощение злого духа, а убедиться, что не каждый полосатый хищник — злой дух. «Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй!» [2, с. 460]. Таким образом, фундамент мировоззрения охотника — анимизм.

Гуманистическая система жизни в тайге, частью которой мыслит себя Дерсу, заставляет его не только персонифицировать хищников, но и сочувственно относиться к травоядным. Однажды на охоте гольд подстрелил изюбра (восточноазиатского оленя): «Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчёты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбрь подохнет» [2, с. 379]. Сомнителен тот факт, что охотник будто бы не смог довершить начатое. Вероятно, он хотел дать животному проститься с жизнью, обдумать свои последние минуты, причём данный поступок нельзя считать условностью, так как Дерсу торопливо ждал кончины оленя: «Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох» [2, с. 380].

Весьма значимым оказывается вопрос о роли Дерсу Узала в травелоге В. К. Арсеньева. Гольд сопровождает исследователя на протяжении двух экспедиций, постоянно открывая новые для путешественника знания, связанные с жизнью в тайге. То есть старый охотник всегда выступает в роли наставника. Интересно, что, когда «капитан» приглашает Дерсу жить в Хабаровске и знакомит его с городским бытом, гольд мало удивляется окружающему, а некоторые особенности жизни в населённом пункте вызывают у него негодование, такие как платная вода и дрова, запрет стрелять и разводить костры в городе. Капитан в «своём» мире не меняется ролями с гольдом, а остаётся «учеником». Дерсу отказывается принимать правила «новой» жизни, считая их не правилами, а нарушением правил: «Землю, воду, воздух Бог даром давал. Как можно?» [2, с. 468].

В глубоком лесу В. К. Арсеньев и его отряд, кажется, не прожили бы и дня без Дерсу. С самого начала экспедиции гольд выбирал наиболее безопасные и короткие пути, предупреждал об опасности, помогал справляться с катаклизмами. Во всех его наставлениях слышалось особое отношение к тайге не как к месту временного пребывания, а как к особому миру, где действуют свои законы и правила. В этом смысле можно утверждать, что Дерсу исполняет роль проводника в мир тайги, посредника между цивилизацией и дикой, первозданной природой. Закрепление за гольдом данной роли позволяет обосновать художественное преломление реальной личности Дерсу и образа, воссозданного В. К. Арсеньевым в дилогии «В дебрях Уссурийского края».

В. Я. Пропп отмечает, что одним из признаков проводника является его животная природа, причём не всегда в прямом смысле. Одежда в виде шкур животных, например, уже была одним из символов, присущих проводнику

[8, с. 395]. В. К. Арсеньев-повествователь отмечает, что охотник «одет был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны» [2, с. 15]. Данную деталь можно отнести к попытке реалистического отображения действительности, однако символизм, присущий таким атрибутам внешнего вида, всё же имеет место.

Другим признаком, доказывающим принадлежность гольда к роли проводника, является посредничество между мирами, в данном случае миром цивилизации и миром дикой природы [8, с. 397].

Следует отметить, что одна из ступеней развития представления о фигуре проводника связана с его ролью в загробном мире [8, с. 394]. Сложно говорить о подобных мотивах в рамках авторской задачи, однако факт особого отношения к смерти в тайге неоспорим. Для охотника-нанайца найденные в тайге погибшие если не типичная, то обыкновенная находка, поэтому он воспринимает их как звено цепи в сложной системе жизни леса.

Примечательно, что весьма высокая значимость охоты в жизни Дерсу находит своё отражение в образе волшебного помощника у В. Я. Проппа: «Охотничьи цели мы должны признать древнейшим движущим мотивом, вызвавшим в свет понятие о помощнике» [8, с. 397].

«Сказочность» и сказочные мотивы — ключевой механизм формирования образа Дерсу Узала. Его отношение к смерти, охоте, его внешний вид, слегка напоминающий звериный, так как его одежда сделана из шкур животных, — всё это насыщает образ фольклорной составляющей, реализующейся на сюжетном уровне.

В этом отношении знаменательно то, как сам гольд относится к рассказанной повествователем сказке «О рыбаке и рыбке»: «Верно, такой баба много есть. — Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место» [2, с. 290]. Спустя некоторое время Дерсу не покидала мысль о героях сказки: «Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи — наверно, совсем стоптал свои унты» [2, с. 290]. Дерсу абсолютно игнорирует установку на художественность в сказке, воспринимает историю о золотой рыбке как вполне реальную, причём этнолексемы, употреблённые героем, указывают на стойкость языковой картины мира. То есть Дерсу неведомого старика из неизвестных времён приравнивает к своей жизни здесь и сейчас. Данный факт позволяет констатировать параллель между образом Дерсу и сказкой как особым преломлением действительности. Для гольда говорящая рыбка, исполняющая желания, так же реальна, как корыстолюбивая супруга старика. Границы сказки и реальности оказываются разрушены. Сам Дерсу, несмотря на просвещённость его спутников, не принимает этих границ, оставаясь всегда на периферии сказочного и реального взгляда на мир.

Справедливо предположить, что автор при формировании образа в первую очередь руководствовался его сказочной основой. Вопреки отсутствию динамического сюжета и оригинальных характеров в травелоге В. К. Арсеньева художественное начало этого сочинения заключается преимущественно в прорисовке образа гольда. Некоторые сказочные мотивы, реализуемые в образе, создают особый колорит, сохраняющийся на протяжении всего произведения. Анимизм и некоторые отличительные черты, связанные с этнической принадлежностью Дерсу, способствуют более эффективной реализации авторской задачи, дополняя образ реальными характеристиками, соотнесёнными с языческим мировоззрением.

Известно, что в рабочем наследии В. К. Арсеньева сохранились его собственные выписки из произведений многих русских и заграничных писателей, из которых видно, что он учился писательскому мастерству [2, с. 477]. Действительно, нередко в произведении «Дерсу Узала» можно заметить примечательные места, где заметна художественная обработка текста. Так, лексема *эльдорадо* в тексте употребляется в двух разных функциях. Первая — название парохода: «Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход "Эльдорадо"» [2, с. 280]. А вторая — метафорическая номинация местности вокруг залива Джигит. Автор прибегает к иронической интонации в отношении жертв золотой лихорадки: «Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо» [2, с. 286]. В данном случае можно говорить о реализации прономинации — метафорической фигуры, заключающейся в экспрессивном использовании имени собственного в значении имени нарицательного [7]. Не менее значим символический подтекст языковой единицы. Эльдорадо — баснословная страна золота и драгоценных камней, «где сокровища эти так же обычны, как у нас обыкновенный булыжник» [14]. Именно на пароходе с таким названием к членам экспедиции приезжает А. И. Мерзляков вместе с мулами, без которых путешествие не могло начаться. Вероятно, автор желал подчеркнуть истинную ценность настоящих исследователей — возможность приступить к изучению малоизвестных территорий. Следует отметить, что именно поиски Эльдорадо дали очень ценные географические и этнографические результаты при освоении американского континента [14].

Образцом языковой игры является лексема *душа* в одном из эпизодов травелога. В Джигит приехали семьи староверов, и Дерсу встретил одного из своих приятелей, с которым некоторое время провёл в лесу за охотой. В раз-

говоре с повествователем этот «истинный христианин по церкви апостольской» утверждает, что гольд — «нехристь» и что у него не душа, а «пар» [2, с. 285]. Повествователь явно выступает против подобного умозаключения и даже порывается отговорить Дерсу от доброго дела для этого человека. Однако, помимо содержательного уровня, противоречие реализуется и на языковом уровне. Незадолго до разговора с повествователем описывается беседа гольда и его приятеля-старовера, где даётся такая оценка впечатлений Дерсу от воспоминаний прошлого: «Гольд отвечал и *смеялся от души*» [2, с. 285]. В рамках контекста можно говорить о частичной буквализации фразеологизма, так как компонент *душа* выступает не просто как часть устойчивого сочетания, но и как самостоятельная лексическая единица, получающая особое значение в дальнейшем повествовании.

В результате проведённого исследования была предпринята попытка охарактеризовать жанровую составляющую дилогии В. К. Арсеньева как художественный травелог в связи с превалирующим содержанием описательных и повествовательных фрагментов. Отмеченная образность в прорисовке характера Дерсу Узала позволяет квалифицировать данный травелог именно как художественный.

Проанализированы особенности языковой картины мира Дерсу Узала, среди которых выделяются всеобъемлющий характер, что выражается репрезентацией сказки о золотой рыбке через субъективную призму лингвокультуры путём употребления этнолексем; анимизм как характерная черта мировоззрения, значимость системы номинации, её роль в когнитивном опыте Дерсу.

Суть образности Дерсу Узала в структуре произведения заключается в его сказочной составляющей: фольклорные мотивы, связанные со значением проводника, находят реализацию в прорисовке характера гольда. Подобные признаки указывают на преобладающий художественный компонент в структуре образа, что приводит к утрате реальных черт прототипа. Именно архетипическое содержание делает образ в некотором смысле узнаваемым и положительным для читательской интерпретации.

Лингвистические наблюдения позволили отметить в тексте наличие средств выразительности, прономинации, буквализации фразеологизма.

Список использованных источников

1. *Анимизм // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 2 / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург, 1902. — С. 782.*
2. *Арсеньев, В. К. В дебрях Уссурийского края / В. К. Арсеньев. — Москва : Мысль, 1987. — 492 с., ил. — Содерж.: По Уссурийскому краю ; Дерсу Узала.*
3. *Арсеньев, В. К. Дерсу Узала : [повесть об экспедициях в Уссур. край в 1902, 1906, 1907 гг.] / В. К. Арсеньев. — Москва : Географгиз, 1955. — 271 с. + карт.*
4. *Арсеньев, В. К. Дерсу Узала : [роман] / В. К. Арсеньев ; вступ. ст. В. Сысоева ; худож. Б. Ольшанский. — Москва : Худож. лит., 1988. — 219 с. : ил. — (Школьная б-ка).*
5. *Воробьёв, Н. С. Поэтика травелога / Н. С. Воробьёв // Палимпсест : литературовед. журн. — 2020. — № 4. — С. 18–29.*
6. *Майга, А. А. Литературный травелог: специфика жанра / А. А. Майга // Филология и культура. — 2014. — № 3 (37). — С. 254–259.*
7. *Москвин, В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры : терминол. словарь / В. П. Москвин. — 3-е изд. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2007. — 208 с.*
8. *Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки ; Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2021. — 640 с.*
9. *Сазонова, Т. Ю. Эффект обманутого ожидания: лингво-когнитивное моделирование / Т. Ю. Сазонова, А. В Умеренкова // Вопросы психолингвистики. — 2007. — № 5. — С. 30–33.*
10. *Старцев, А. Ф. Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе / А. Ф. Старцев. — Владивосток : Дальнаука, 2017. — 232 с.*
11. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной ; чл. редкол.: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 696 с.*
12. *Сыздыкбаев, Н. А. Миф-имя в системе мифопоэтики / Н. А. Сыздыкбаев // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2012. — № 2 (257). — С. 107–109.*
13. *Фролова, Е. А. «Странническая» жизнь художника слова (лингвостилистический анализ повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала») / Е. А. Фролова // Рус. язык в школе. — 2015. — № 8. — С. 33–38.*
14. *Эльдорадо // Энциклопедический словарь : в 86 т. Т. 80 / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — Санкт-Петербург, 1904. — С. 673.*

Материал поступил в редакцию 27.05.2022.

Сведения об авторах:
Вольман Диана Юрьевна, студентка факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: г. Дальнереченск, ул. Владивостокская, д. 9, кв. 32; e-mail: volman.ddt @mail.ru; тел. 8-902-078-22-80.

Гасымов Эльдар Шафиаддинович, студент факультета филологии, переводоведения и межкультурной коммуникации Педагогического института Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).
Контактные данные: г. Хабаровск, пер. Облачный, д. 64, кв. 61; e-mail: Aldar283760@mail.ru; тел. 8-909-857-69-79.

Научный руководитель: Приходько Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

ЗАМОТАЕВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА,
ШИПОВАЛОВА АННА БОРИСОВНА

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В. К. АРСЕНЬЕВА И ОСОБЕННОСТИ ИХ КАТАЛОГИЗАЦИИ

В 2022 году исполняется 150 лет со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева. Он известен как исследователь, писатель, путешественник. Помимо этого, он способствовал пополнению фондов Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова многими уникальными экспонатами. К юбилейной дате было принято решение сделать каталог археологической коллекции, собранной В. К. Арсеньевым. Авторы говорят о проблемах и вопросах, возникших при составлении каталога, предназначенного историкам, археологам, музейным работникам и читателям, которые интересуются историей и археологией Дальнего Востока.

Ключевые слова: археологическая коллекция, археология, В. К. Арсеньев, экспедиция, раскопки, музей, каталог.

Keywords: archaeological collection, archeology, V. K. Arsenyev, exploration, archaeological excavations, museum, catalog.

Археологический предмет представляет ценность не только сам по себе; интерес представляет и контекст, из которого он извлечён. И в этом плане, безусловно, важно знать, где, когда, при каких обстоятельствах он был найден, чем сопровождалась находка. К сожалению, первые коллекции, поступившие в Гродековский музей, такую информацию не имеют. Тем не менее они ценны с точки зрения формирования музейных фондов.

Первые исследования в области археологии Приамурья начались в середине XIX века и носили скорее любительский характер. Находки были случайны, учёные, работавшие в крае, являлись людьми разных специальностей: инженерами, военными, географами, натуралистами и т. д. (И. А. Лопатин, Р. К. Маак, М. И. Венюков, Ф. Ф. Буссе, В. А. Альфтан и др.). Несмотря на это, наряду со своей основной работой они занимались описанием флоры, фауны, полезных ископаемых, а также в их трудах можно найти сведения и о памятниках «исчезнувших народов» региона. С начала 1880-х годов возникает группа исследователей древностей края, объединённых в рамках Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, предпринимаются первые полевые работы, появляются публикации, первые своды памятников. Многие памятники, описанные в этих трудах, оказались утраченными в результате освоения региона, но эти данные и находки с разных мест позволяют восполнить картину древнего прошлого.

В 1894 году был основан Хабаровский музей, где археология стала одним из первых разделов. В настоящее время только археологические фонды музея насчитывают около 200 тысяч единиц. Владимир Клавдиевич Арсеньев внёс значительный вклад в его комплектование. Являясь военным топографом по основной специальности, он, как и многие исследователи его времени, в своих экспедициях собирал множество дополнительных сведений и в других областях.

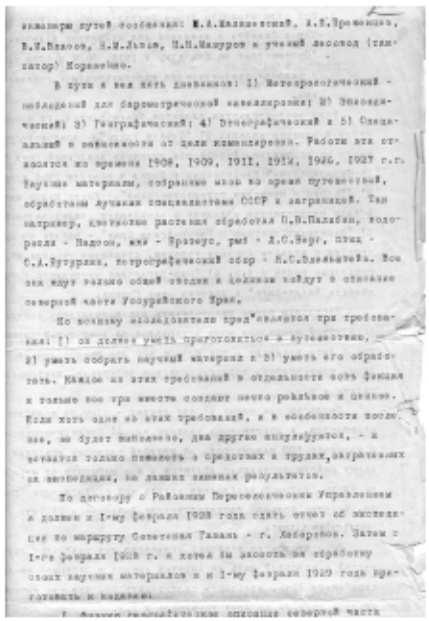
Отдел археологии. Древности, найденные близ железнодорожного моста через реку Амур (ХКМ. ВХ 348/8. Л. 3).

В его дневниках имеются материалы по флоре и фауне, археологии, истории, этнографии, охотоведению, экономике, о народном хозяйстве [7, с. 7]. Арсеньев упоминал: «…я вёл в пути 5 дневников: 1) метеорологический — наблюдений для барометрической нивелировки; 2) эпизодический; 3) географический; 4) этнографический и 5) специальный в зависимости от цели командировки…» [5].

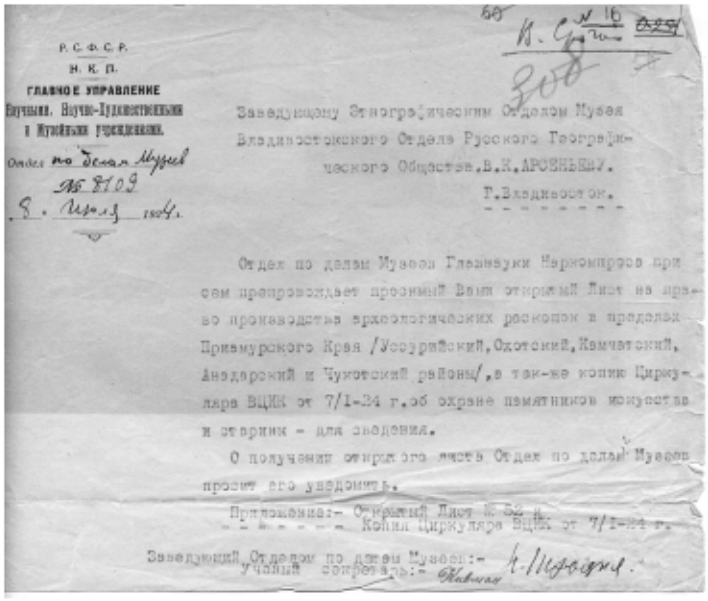
В. К. Арсеньев, Хабаровск, 1914 год (ХКМ. КП 9965/21).

Что касается археологии, он описал множество археологических памятников в Приморье и Приамурье и собрал большую коллекцию древних артефактов. Не все они остались в Хабаровском музее, часть была передана в Этнографический отдел Русского музея и Академию наук.

Докладная записка В. К. Арсеньева уполномоченному главного управления об исследовании северной части Уссурийского края и обработки собранных материалов, 1927 год [5].

На счету В. К. Арсеньева большое количество экспедиций, ставивших сложные цели и задачи. В полевых дневниках за 1906–1907 годы археологической информации немного, хотя имеются отдельные упоминания, описания и зарисовки находок и памятников. Из-за невозможности проводить широкомасштабные раскопки в следующих экспедициях Владимир Клавдиевич изучает памятники путём «летучих разведок». «При той ограниченности средств, коими я располагал во время своих экспедиций, я не мог производить таких раскопок, какие следовало бы делать. Обыкновенно, приходилось ограничиваться только летучими разведками: внутри укрепления

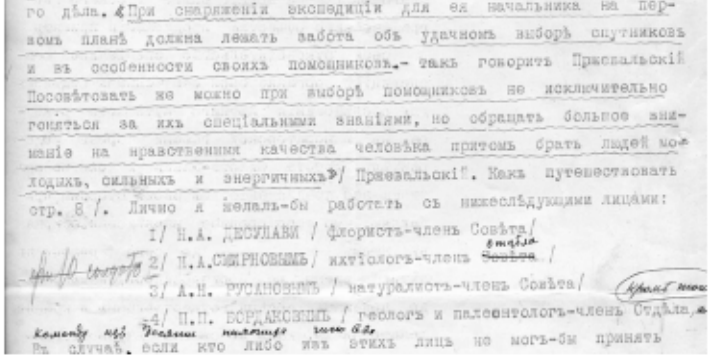
Уведомление о выдачи открытого листа В. К. Арсеньеву, 1924 год (ХКМ. Ф. 52. Оп. 165. Д. 30. Л. 1).

копались небольшие ямы в двух или трех местах, где по многим соображениям должна быть кухня, около рва, где, вероятно, происходили сражения…» [2, с. 309–310]. На свои работы В. К. Арсеньев получал открытые листы, которые у нас в стране полагается оформлять каждому археологу для полевых работ с 1889 года.

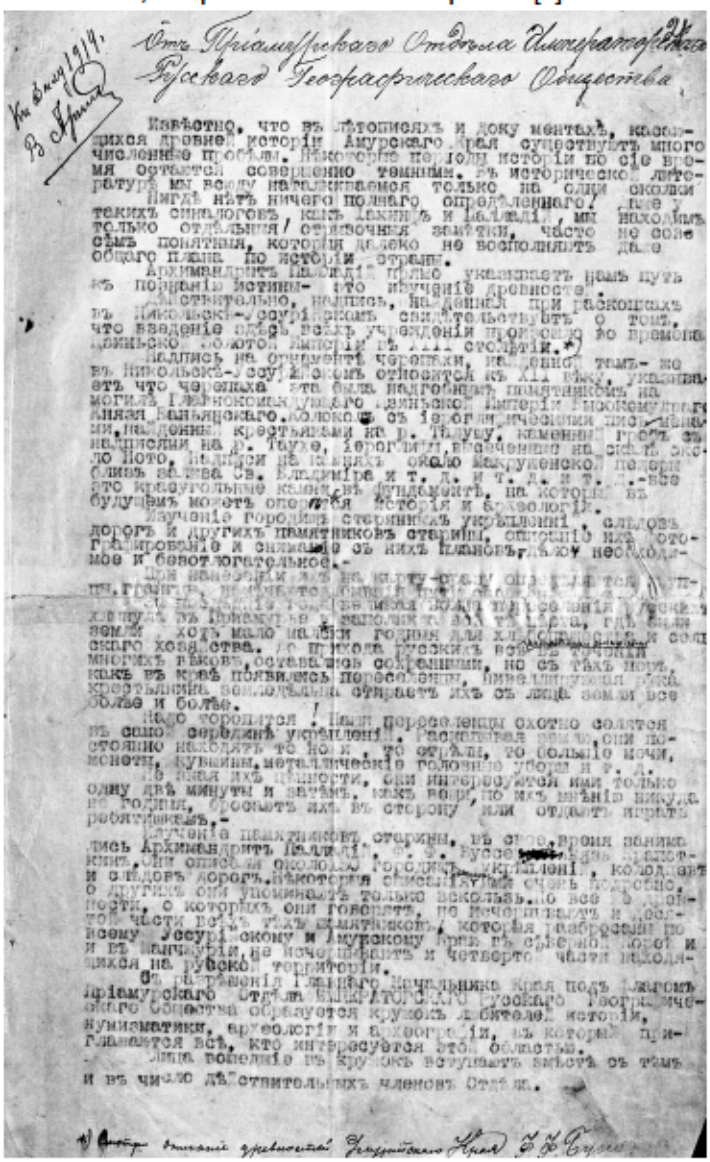
Также Владимир Клавдиевич писал о том, что в экспедиции всегда просилось много людей: «Все эти “господа” представляют себе путешествие как легкую и веселую прогулку. Они никак не могут понять, что это тяжелый труд. В их представлении рисуются: караваны, палатки, костры, хороший обед и отличная погода». Поэтому исследователь всегда ответственно подходил не только к сборам снаряжения, но и к подбору людей [1, с. 142]; ссылаясь на Н. М. Пржевальского, он пишет, что это один из основных факторов успеха [4].

Работая в должности директора Хабаровского музея (с 1910 по 1919 г., 1924–1926 гг.), В. К. Арсеньев способствовал тому, чтобы музей стал своеобразным центром, откуда шла вся научно-исследовательская работа по дальнейшему изучению края. По его мнению, необходимо было ускорить изучение памятников старины из-за их уничтожения в результате освоения территорий: «Надо торопиться! Наши переселенцы охотно селятся в самой середине укреплений. Раскапывая землю, они постоянно находят то ножи, то стрелы, то большие мечи, монеты, кувшины, металлические головные уборы и т. д. Не зная их ценности, они интересуются ими только одну-две минуты и затем, как вещи, по их мнению, никуда не годные, бросают их в сторону или отдают играть ребятишкам» [8].

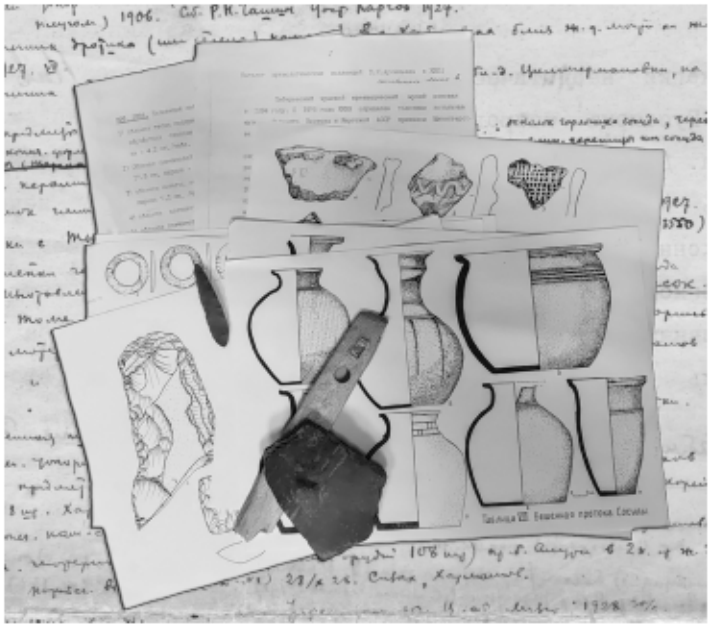
Первая попытка создать единый каталог археологических и этнографических коллекций, собранных В. К. Арсеньевым, была предпринята научным сотрудником Хабаровского краеведческого музея Е. М. Лосан в 1990-х годах, но, к сожалению, эта работа не была завершена [6].

Доклад В. К. Арсеньева председателю Совета Приамурского отдела ИРГО об организации экспедиции «Юбилейная» в память графа Муравьёва-Амурского [4].

Переписка дирекции с членами общества по организационным вопросам. От Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, 1914 год [8, л. 18].

Материалы незавершённого каталога археологических и этнографических коллекций В. К. Арсеньева в Хабаровском музее (авт.-сост. Лосан Е. М.), 1992 год [6].

Археологические материалы, собранные В. К. Арсеньевым, и его рукописи продолжают интересовать археологов. Не вызывает сомнений необходимость введения в научный оборот архивных материалов, коллекций и каталогов, хранящихся в фондах музеев. Поэтому к юбилею, в честь 150-летия со дня рождения В. К. Арсеньева, было принято решение о создании каталога по его коллекциям.

При составлении каталога археологической коллекции возник ряд вопросов по коллекциям, поступившим в музей в начале XX века, поскольку по некоторым практически нет никаких данных. Приходилось на основании дневников и других документов восполнять пробелы. Так, на основании информации из книги поступлений музея можно составить перечень предметов, поступивших от В. К. Арсеньева лично. Это 45 археологических коллекций, состоящих из 1 367 предметов, которые территориально охватывают не только Хабаровский и Приморский края, но также Забайкальский край (р. Онон) и Камчатку (р. Калахтырка). Коллекции представляют различные эпохи — от каменного века до Средневековья — и многочисленны в своём разнообразии: целые сосуды, фрагменты сосудов ручной и гончарной лепки, каменные и железные орудия различных эпох, бронзовые украшения.

Имеются коллекции, которые являются арсеньевскими, но при этом не имеют информации об авторе сборов. Например, в книге поступлений имеется 34 коллекции с реки Онон, собранные в 1925 году, записанные подряд, и только пять из них имеют указание на сборы В. К. Арсеньева.

При работе над каталогом было принято решение о его разделении на две части: коллекции, собранные В. К. Арсеньевым лично, и коллекции, поступившие в музей во время его работы в должности директора в рамках целенаправленного комплектования музейного фонда. На сегодняшний день имеется 37 таких коллекций, состоящих из 561 предмета.

В 1913 году В. К. Арсеньев проводит фактически первые аварийные раскопки могильника, разрушенного при строительстве железнодорожного моста через Амур. Так в фондах появляются знаменитый пластинчатый доспех, средневековые сосуды и другие предметы. При составлении каталога по этой коллекции возник ряд вопросов. Среди рукописей В. К. Арсеньева существует отчёт об охранных раскопках у села Осиповка, где на дубовых рёлках в 1913 году был найден панцирный доспех и большое количество керамических сосудов [3, с. 667–672]. Однако в музейной книге поступлений коллекция, включающая в себя доспех,

Предметы из археологических коллекций В. К. Арсеньева.

Археологические раскопки на дубовой рёлке у Пемзенской протоки напротив Хабаровска, август 1913 года (ХКМ. КП 11622/249).

не имеет точной привязки к местности и указанного автора сборов, а керамические сосуды записаны с раскопок на Бешеной протоке.

Существует также проблема определения точного местонахождения памятника, с которого собраны находки. Как правило, это просто название долины реки, без каких-либо уточняющих деталей. Затруднения вызывали и некоторые старые названия рек и населённых пунктов, которые сложно соотнести с современными. Однако благодаря изданию Полного собрания сочинений В. К. Арсеньева (составители — Н. С. Воробьёв, А. В. Колесов, Тихоокеанское издательство «Рубеж») мы смогли заполнить некоторые пробелы [2, с. 658–683].

В заключение хотелось бы сказать, что работа по каталогизации, с точки зрения исследователя, была интересной и полезной, поэтому мы надеемся, что наш опыт атрибутирования старых археологических коллекций в дальнейшем пригодится музейным специалистам, интересующимся этим вопросом. Коллекции, собранные в начале XX века, хоть и не имеют современной сопровождающей отчётности и зачастую вообще не несут информации, кроме примерной датировки и привязки к местности, всё ещё могут дать нам сведения о памятниках, многие из которых либо уже разрушены, либо ждут повторного своего обнаружения и изучения. В целом в каталоге представлено около 400 предметов с фотографиями наиболее ярких и интересных находок. Дано их описание, а также данные по всей имеющейся по ним на сегодняшний день информации.

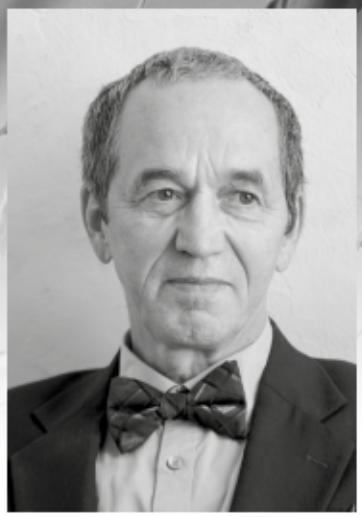
Список использованных источников

1. *Арсеньев, В. К. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 1 : По Уссурийскому краю ; Дерсу Узала / В. К. Арсеньев ; сост. Н. С. Воробьёв, А. В. Колесов. — 2-е изд., испр. и доп. — Владивосток : Тихоокеан. изд-во «Рубеж», 2020. — 912 с., [16] л. ил., [1] л. карт.*
2. *Арсеньев, В. К. Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 3, кн. 1 : Научно-практические публикации, отчёты, доклады. 1906–1917 гг. / В. К. Арсеньев ; авт. предисл. И. С. Кузьмичёв ; сост. Н. С. Воробьёв, А. В. Колесов. — 2-е изд., испр. и доп. — Владивосток : Тихоокеан. изд-во «Рубеж», 2020. — 688 с., [16] л. ил.*
3. *Арсеньев, В. К. Собрание сочинений в 6 т. Том III : Научно-практические публикации, отчёты, доклады. 1906–1916 гг. / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Тихоокеан. изд-во «Рубеж», 2012. — 784 с.*
4. *Доклад В. К. Арсеньева Председателю Совета Приамурского отдела ИРГО об организации экспедиции «Юбилейная» в память графа Муравьёва-Амурского // Фонд Хабаровского краевого краеведческого музея (ХКМ). Ф. 52. Оп. 165. Д. 2. Л. 1–2 (об.).*
5. *Докладная записка В. К. Арсеньева уполномоченному главного управления об исследовании северной части Уссурийского края и обработки собранных материалов. 1927 г. // ХКМ. Ф. 52. Оп. 165. Д. 30. Л. 13.*
6. *Каталог археологических и этнографических коллекций В. К. Арсеньева в Хабаровском музее (авт.-сост. Лосан Е. М.). 1992 г. // ХКМ. Оп. 1. Д. 780. Л. 86.*
7. *Материал в помощь экскурсоводам «В. К. Арсеньев — исследователь Дальнего Востока» (авт.-сост. С. В. Гончарова). 2002 г. // ХКМ. Оп. 1. Д. 1106. Л. 10.*
8. *Переписка дирекции с членами общества по организационным вопросам. От Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1914 г. // Государственный архив Хабаровского края. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 4. Л. 18, 21–23.*

Фотографии предоставлены авторами.
Материал поступил в редакцию 20.06.2022.

Сведения об авторах:
Замотаева Любовь Алексеевна, научный сотрудник лаборатории археологии и палеографии Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел.: 8-914-668-96-29, (4212) 30-84-06.

Шиповалова Анна Борисовна, начальник лаборатории археологии и палеографии Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: тел.: 8-924-220-86-02, (4212) 30-84-06.

ХИСАМУТДИНОВ АМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

ВЛАДИМИР АРСЕНЬЕВ: ЭКСПЕДИЦИЯ НА СИХОТЭ-АЛИНЬ

В настоящей публикации представлены отрывки из неопубликованной монографии краеведа, доктора исторических наук А. А. Хисамутдинова «Хроника жизни Арсеньева-Уссурийского», относящиеся к первой экспедиции Владимира Клавдиевича Арсеньева на Сихотэ-Алинь (1906 г.). Автор предпринял попытку художественной реконструкции событий того времени, опираясь на документальные источники, прежде всего дневниковые записи В. К. Арсеньева.

Ключевые слова: Арсеньев, краеведение, Уссурийский край, Сихотэ-Алинь, Владивосток, Общество изучения Амурского края.

Keywords: Arsenyev, local history, Ussuri krai, Sikhote-Alin, Vladivostok, Society for the Study of the Amur Territory.

Уже многие годы судьба известного исследователя В. К. Арсеньева волнует его биографов и почитателей его творчества. О жизни Владимира Клавдиевича, его делах и путешествиях сохранилось немало материалов, в прекрасном состоянии находятся архив и личная библиотека путешественника, хранящиеся во Владивостоке, в Обществе изучения Амурского края, но остаётся немало «белых пятен».

Эту книгу можно было бы назвать «Неизвестный Арсеньев». Современный читатель привык думать о нём как о счастливом и удачливом человеке, прожившем интересную, полную приключений жизнь. Он избежал репрессий, скончавшись в собственной постели, и сейчас увековечен в названиях города, аэропорта, улиц, музеев. В своих воспоминаниях Арсеньев написал: «Мне сопутствовала счастливая звезда и целый ряд случайностей, которые тогда казались мелкими и не имеющими значения. Только теперь, отдалившись во времени на несколько десятков лет, эти случаи оказываются как-то логически связанными друг с другом и составляют одно целое, приведшее меня к роли исследователя Уссурийского края».

Это действительно было так. Удачным оказалось решение отправиться на Дальний Восток, предопределившее судьбу молодого офицера. Об этом он рассказывал: «Путеводная звезда, руководившая мною, привела меня в г. Владивосток. Почему не в другой город — Благовещенск, Читу, Николаевск, Никольск-Уссурийский? Результатом этого явилось то, что ни в 1900–1902 годах, ни в 1904–1905 годах я не попал на войны с Китаем и с Японией. Попади я в другую воинскую часть, я, несомненно, участвовал бы в двух войнах на полях Маньчжурии и, может быть, погиб бы так же, как и многие другие, именам которых нет числа… Останься я в Царстве Польском — и из ста девяносто девять шансов было за то, что я погиб бы в войне с Германией или во время революции».

Встреча с Дерсу Узала стала тем счастливым событием, в результате которого родился настоящий писатель. Несмотря на то что период революции и Гражданской войны кажется мало подходящим для исследований, Арсеньев сумел даже в это время продолжить свои поездки, в ходе которых были собраны бесценные материалы. Трудным моментом в жизни бывшего комиссара по инородческим делам Временного правительства В. К. Арсеньева стал 1922 год, когда его однополчане и коллеги решали для себя вопрос об отъезде в эмиграцию. Исследователь же решил «разделить участь со своим народом».

«В 1918 году я мог бы уехать в Америку, а в следующем, 1919 году, — в Новую Гвинею, но я уклонился от того и другого предложения. Я мог уехать совершенно легально, но новые власти в известной степени расценили бы мой поступок как побег. Мне было тогда уже сорок девять лет. Я должен был бы поставить крест на всю свою исследовательскую работу на Дальнем Востоке и заняться совершенно новым для меня делом среди чужого народа, который в лучшем случае терпел бы меня в своей среде только как бесправного эмигранта. Мои родные, друзья и знакомые находились в бедственном положении, вместо того чтобы помочь им, бежал бы, бросив их на произвол судьбы. Революция для всех — в том числе и для меня! Я не долго раздумывал и быстро решил разделить участь своего народа».

Вскоре некоторые коллеги и друзья превратились в подозреваемых и погибли в сталинских застенках или были вынуждены скитаться по другим странам…

Эта книга писалась многие годы. Порой каждый день дополнялась и исправлялась рукопись, но порой работа откладывалась на многие месяцы. Эти перерывы позволяли по-новому посмотреть на собранное. Было очень много вариантов. Одни опубликованы в виде научных монографий, другие рассказывали о нём через иллюстрации. Эта же книга отличается от них. Автор решил описать его непростую жизнь художественно, но это отнюдь не означает, что факты выдуманы. Использована идея трансформации цитат из его дневников, писем и воспоминаний в диалоги. Что из этого получилось, уже судить читателю.

Как началась первая эпохальная экспедиция

Экспедиция на Сихотэ-Алинь началась 15 мая 1906 года, когда часть команды с лошадьми отправилась по железной дороге из Хабаровска до станции Шмаковка. На следующий день выехали и остальные участники. Арсеньева не покидало чудесное настроение: все хлопоты, канцелярские дела и начальство остались позади, впереди — вольная жизнь! Последние дни перед походом были очень беспокойными. Следовало уложить вещи, проверить, не забыто ли что, сделать звонки и написать письма. «Ночью почти не

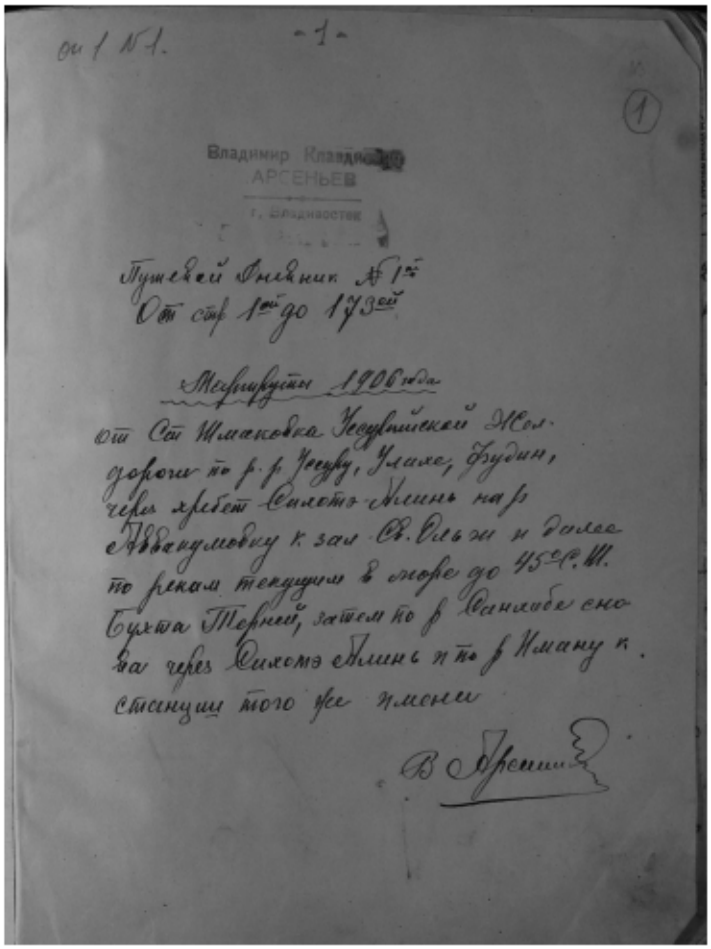

Отряд В. К. Арсеньева (он — крайний слева), 1906 год. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 3).

спишь, — писал Арсеньев. — Тревожит одна и та же мысль: всё ли сделано и всё ли взято».

Под началом Арсеньева в этом путешествии были 16 стрелков и казаков. В помощники ему выделили инженерного подпрапорщика Александра Ивановича Мерзлякова, поручика Григория Григорьевича Гранатмана и хорунжего Семёна Петровича Анофриева. Упоминание о Мерзлякове часто встречается на страницах арсеньевских книг. Невысокого роста, худощавый, он проявлял недюжинную выносливость в походах, а «лес знал, как профессор». К тому же он немного говорил на языках инородцев, что было важно при встречах с коренными обитателями края. Родившись в Ижевске в 1878 году, Мерзляков окончил кондукторскую школу при Главном инженерном управлении и до перевода в Приамурский военный округ служил в Туркестане. С Арсеньевым Мерзляков познакомился вскоре после приезда в 1906 году в Хабаровск.

— Передо мной стоял человек выше среднего роста, с несколько наклоненной головой и острым подбородком, — вспоминал он. — Лицо сухощавое с глубоко впавшими глазами. Был подвижен, с ясно выраженной волевой энергией. Мы поговорили и через некоторое время столковались, как старые знакомые. Вскоре состоялся приказ по войскам Приамурского военного округа об экспедиции, где Владимир Клавдиевич назначался начальником, а я помощником к нему.

Титульный лист путевого дневника № 1 В. К. Арсеньева, 1906 год. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 1. Д. 1).

Поздним вечером 20 мая в полевом дневнике появились строки о первом дне путешествия: «Путь до села Успенки лежал по местности почти голой, равнинной и болотистой. После вчерашних дождей дорога была тяжёлая и очень грязная. Колёса глубоко увязали в глине и затрудняли движение. К тому же одна из лошадей плохо шла на пристяжке в двуколке, металась в сторону, сбивала коренника и, только когда её перестегнули на другую сторону, немного успокоилась и несколько обошлась».

…Арсеньев решил с первого же дня отражать в дневнике все моменты путешествия. Он и в дальнейшем свято выполнял это основное правило путешественника: как бы ни устал за день, вечером, перед сном, запиши свои впечатления. Потом будет поздно: новые картины заслоняют старые образы, и восстановить их уже невозможно. Из рассказов участников экспедиций Арсеньева известно о его манере вести наблюдения и полевые записи. По ходу маршрута он останавливался там, где что-то привлекло его внимание, и сразу же делал записи в блокноте. Когда блокнота при нём не оказывалось, он использовал то, что было под рукой: обрывки бумаги или бересту.

Страницы арсеньевского дневника не только фиксировали события дня и отражали впечатления от пройденного пути, но и сообщали информацию, имевшую военное значение. Описывая дорогу, офицер отмечал её проходимость для разного рода оружия, крутизну подъёмов и спусков, качество грунта, наличие болотистых мест и троп через них, состояние в дождливое время года. Он измерял ширину долин, по которым текли реки, быстроту течения, определял тип дна и другие параметры. Придавая большое значение топонимическим сведениям, названия рек на топографических картах Арсеньев писал и по-русски, и по-китайски.

Несколько разделов путевого дневника Арсеньев выделил для сбора сведений о японцах: «Возможные операции японцев в данном районе», «Образование баз», «Вероятные пути наступления для вторжения в глубь страны», «Места, удобные для высадки неприятеля». Особые страницы под названием «Сведения о народонаселении» были посвящены местным жителям. Если с военными вопросами всё было ясно — этому его обучали в военном училище и во время службы в армии, то сбор сведений о населении внушал Арсеньеву некоторую тревогу.

«Я должен выяснить, — думал он, — как поведут себя обитатели Приамурского края, если на этой территории начнётся война. Этому поможет вопросник о настроениях людей в связи с прошедшей войной, их отношении к русским и японцам».

Беспокоили его и опросы коренных жителей (тонкости этнографических исследований штабс-капитан знал лишь на любительском уровне). Всему пришлось учиться прямо в пути, опираясь на интуицию и здравый смысл.

«Чифан готова…»

День за днём шли экспедиционные будни. Радость свободного передвижения вдали от начальства и городской суеты позволяла путникам с лёгкостью переносить тяготы пути. Дневниковые записи сообщают о переходах, которые совершал отряд, и распорядке дня. Просыпались обычно рано, когда едва светало. Наскоро завтракали тем, что приготовил очередной дежурный-артельщик, чаще всего кашей да чаем с сухарями, и трогались в путь. Порой дорогу облегчали тропы, оставленные лошадьми, скотом или охотниками, но зачастую приходилось идти по нехоженой местности, продираясь через заросли: «постоянно спотыкаешься, бурелом и валежник преграждают дорогу, прутья царапают лицо, путают ноги, всегда залезаешь в высокую густую траву, камыш или полынь и рад-радёшенек, когда доберёшься до тропы, идущей к фанзе».

С трудом давался и переход через болота, которые Арсеньев не любил: «Какой-то особенный характер и вид имеют высокие чахлые кедры и ели, растущие на болоте. Они не остроконечны, а как-то разветвляются на вершине, внизу совершенно сухие, вверху ещё сохранили свою зелёную крону, уже одетую седыми мхами. Ничего нет грустнее, печальнее болотистого места, поросшего лесом, да ещё вдобавок выжженного. Тут уже не видно ни зверей, ни птиц, казалось, всё бежало из этой молчаливой пустыни давным-давно».

В пути Арсеньев занимался съёмкой местности, а его спутники — хорунжий Анофриев и рядовой П. Бочкарёв — собирали для коллекций всё интересное, что попадалось им под руку. Около полудня делали привал. На какой-нибудь поляне или у реки отпускали пастись лошадей и сами обедали. Потом часок отдыхали и вновь трогались в путь. В обжитых местах, облюбованных охотниками или земледельцами, продвигались от одной фанзы до другой. Там можно было отдохнуть, постирать одежду, разобрать имущество, но главное — наесться и пополнить запас провианта.

Запас продовольствия — муку, галеты, крупы, масло, соль, сахар, чай, мясные консервы, гороховый порошок и другое — обычно рассчитывали соразмерно продолжительности похода. Нести с собой всё, особенно при длительной экспедиции, было невозможно, поэтому запас делили на несколько частей и намечали места продовольственных баз, обычно в устьях рек, куда продовольствие забрасывалось попутными судами. Если поблизости жили люди, ящики оставляли у них. На пустынных же берегах их просто складывали кучей и накрывали от дождя брезентом. Как неприкосновенный запас путешественники брали сухой яичный белок и шоколад, упакованный в особые цинковые коробки.

— Жестяные банки неудобны, — объяснял Арсеньев. — Они легко ломаются, и достаточно тонкой щели, чтобы продукты начали портиться. Зато муку сохранить легко: достаточно мешок с ней два раза окунуть в воду и не вскрывая просушить. Вода проникнет через холст, смешается с мукой и образует слой теста. Эта корка непроницаемая для сырости, да и мешок станет твёрдым и не порвётся в дороге.

Как бы скрупулёзно ни рассчитывал Арсеньев нормы продовольствия, в длительных походах его никогда не хватало. Часть портилась в сыром приморском климате, что-то терялось при переправах через реки. Выручали охота, ловля рыбы да местные жители. Арсеньев записывал в дневнике имена китайцев — хозяев фанз, оказавших гостеприимство. У слепого старика китайца Сяньлаза, страдавшего судорогами, путников ждал только «самый скудный ужин», но и такому были рады «после долгого поста». К тому же получили запас свежих овощей и отдохнули от комаров. Зато хозяин фанзы Иолайза оказался более зажиточным и с утра до вечера кормил путников «как на убой».

— Чифан готова… — каждый раз восклицал он, созывая путешественников на трапезу.

Если путники знали, что к фанзе придётся возвращаться, часть багажа оставляли в ней и дальше продвигались относительно налегке.

Порой рано утром всех будил крик солдата-вестового:

— Всем подъём — начинается дождь!

Плохая погода грозила испортить все планы. При сильном и продолжительном ливне река могла выйти из берегов и сделать переправу через неё невозможной. Поэтому, наскоро закусив сухарём, отряд спешно трогался в путь под крупными каплями, падающими с листьев и веток. «Дождь в лесу — это двойной дождь: не только с неба, но и с деревьев», — отмечал Арсеньев, главной заботой которого было спасти от сырости планшет и фотографический аппарат. Только хвойные породы, ели и кедры, своими огромными лапами создавали некоторую защиту, и он прятался под ними, делая записи и вычисления. Радостью было встретить охотничью фанзу или балаган, где можно было обсохнуть и обогреться.

— Когда идёшь в дальнюю дорогу, — говорил Арсеньев, — то уже не разбираешь погоду. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять вымокнешь… В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, за всё лето недалеко уйдёшь.

Ночные голоса природы

На ночь место для бивака выбирали всегда у воды. Разжигали костёр, варили ужин и грели чай. Арсеньев

никогда не пил сырую воду, только кипячёную. Он и сыну часто говорил:

— Вспомни Пржевальского: какой был силач, а от сырой воды умер.

Пока варилась еда и ставились палатки, Арсеньев успевал вычертить маршрут, а его помощники укладывали растения для гербария, препарировали птиц, нумеровали геологический материал. После крика вестового «Чай готов!» можно было расслабиться у пылающего костра. «Только тот, кто путешествовал, да ещё охотники, — писал Арсеньев, — знает, какое наслаждение доставляет простой сытный, но хорошо приготовленный обед. Как приятно нежиться у костра чаем после целого дня пути. Тут чувствуешь себя дома, забыты прошлые неудачи и пройденный тяжёлый путь, тут смиряешься душой, является желание поговорить, побеседовать с людьми бывалыми и опытными. Люди стоят, сидят и лежат тут же около огня, и все сосредоточенно смотрят на яркие языки пламени, разве только иной, отворотившись от дыма, усиленно всматривается в темноту ночи, желая рассмотреть причину шороха или шума. Скоро утомлённые люди начинают понемногу дремать, и весь лагерь погружается в глубокий сон».

Арсеньев любил спать у костра. Свет луны смешивался с отблесками пламени костра и радужными лучами отражался в воде. Путешественник лежал, вслушиваясь в ночные звуки тайги, ласковый шепот деревьев, принимавших в темноте какие-то чудесные формы. Он всегда удивительно хорошо себя чувствовал в такой обстановке среди гор и лесов. Казалось, столетние кедры, шевеля ветками, шепчут о былом и рассказывают фантастические сказки. «Я очень люблю проводить ночи под открытым небом у костра, — писал он в дневнике. — Что-то особенно приятное, торжественное заключается в тишине и темноте ночи, полной тихих ночных звуков. Тишина тайги кажется удивительно торжественной. Невольно смиряешься душой, забываешь обиды и житейские неприятности. В тайге грубеешь, но та же тайга облагораживает душу. В такие минуты одиночества чувствуешь себя счастливым. Одиночество родит мышление, которое анализирует твои поступки».

На ночь выставляли часового: он подкладывал дрова в костёр и смотрел за лошадьми. Ночную тишину нарушали голоса природы. То деревья на крутом берегу так сильно подмывались водой, что с большим шумом падали в реку. То по сухой траве пробежит мелкий зверёк, и его шорох кажется непривычно громким. Как-то ночью отряд потревожил шум, который произвело крупное животное, бросившееся в реку с противоположного берега. Переплыв её, оно вышло на камни у самого бивака, слышно было, как они потрескивают под его ногами. Зверь обошёл бивак кругом, кони выражали беспокойство, но из-за темноты стрелять было невозможно, и «ночь прошла тихо и благополучно».

«Каким беспомощным чувствует себя человек в темноте, когда всякое маленькое животное является хозяином положения», — писал Арсеньев в дневнике, а выступая с рассказами о таёжных путешествиях, говорил:

— Не верьте охотникам, что они в лесу не боятся зверей. Я боюсь и тигра, и медведя.

Впереди горы

Утром 16 июня Арсеньев скомандовал:

— Оставляем в фанзе-лудеве часть багажа и двигаемся налегке: впереди горы.

Экспедиции предстояло перевалить через хребет Сихотэ-Алинь, но до этого их ждало ещё одно испытание — заболоченные распадки. Ни мостов, ни канав, ни твёрдой дороги не существовало. Чтобы перейти самим через непролазную грязь и перевести коней, стрелки рубили ивняк и бросали его под ноги. Это облегчало путь людям, но лошади оступались и падали. Приходилось их рассёдлывать, снимать мешки и переносить груз самим. Все выбились из сил, пока наконец вышли на твёрдую почву.

Обстановку разрядил заяц, неожиданно выскочивший из-под куста. Стрелки бросились за ним в погоню, а когда настигли, все невзгоды — дожди, болота, усталость — были позабыты. Отряд оживился, и весёлые разговоры о ловле зайца не смолкали до самого вечера.

Время от времени путешественникам встречались фанзы китайцев-земледельцев, окружённые огородами и полями с зерновыми культурами. Завидев чужаков, китайцы бросали работу и долго смотрели вслед отряду. Как понял Арсеньев, появление вьючных лошадей и людей с оружием их немало смущало и указывало, что «отряд идёт издалека и далеко». В одних фанзах хозяева проявляли гостеприимство и охотно отвечали на все вопросы, в других, напротив, уклонялись от ответов. Арсеньев пытался разузнать о дороге

Китайские поделки из бумаги 折纸, собранные Арсеньевым во время экспедиции 1906 года в путевом дневнике. Надписи русскими буквами упрощённого китайского языка сделаны Владимиром Клавдиевичем. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 87 (об.) – 88).

к морю, но в ответ получал «всякие небылицы»: его пугали хунхузами, тиграми, медведями и отказывались давать проводника. «То ли, — подумал он, — китайцы скрывают места своих зверовых фанз, то ли имеются другие причины на то, чтобы не пускать отряд дальше».

В отсутствии провожатого Арсеньеву со спутниками пришлось изрядно поблуждать по тайге в поисках пути через горы. Сначала путеводной нитью им служила небольшая тропка, а потом шли буквально наощупь по первобытному лесу, заваленному колодником. То и дело путь преграждали настоящие баррикады из поваленных деревьев. Порой эти преграды достигали четырёх-пяти метров в высоту, и путникам приходилось делать изрядный круг, чтобы обогнуть их.

— В горах, — объяснял Арсеньев, — слой почвы незначительный, поэтому корни дерева не углубляются, а находятся близко к поверхности. Стоят они непрочно, и ветер их легко опрокидывает. Поэтому тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Дерево падает, его корневая система оказывается наверху вместе с землёй и камнями, застрявшими между корней.

День был жарким, дорога давалась трудно, особенно по осыпям, которые обнаружились ближе к вершине, но останавливаться на привал не стали. «Сидеть на солнцепёке тяжелее, чем быть в походе», — решил Арсеньев.

Перевал, через который прошли путники, Арсеньев назвал именем К. И. Максимовича, известного учёного, бывавшего в этих местах.

Встреча в посту Святой Ольги

Через пять дней по долинам небольших речек экспедиция вышла к морю — в пост Святой Ольги. «С тех пор, как военный порт из Ольги был перенесён во Владивосток, — отметил в дневнике Арсеньев, — процветанию этого уголка был положен конец. Пароходы перестали заходить, торговля морской капустой и обмен товарами стали падать, и жители из деревни Новинки (вблизи Ольги. — *А. Х.*) стали переселяться в другие места. Тем не менее около военного поста стали появляться частные постройки запасных и отставных нижних чинов. В настоящее время Ольга — это не деревня и не село, ибо земли для жителей не нарезано. Поэтому местные жители земли не распахивают, покосами не занимаются, не сеют и не жнут, но все строят дома, хотя бы и в долг, в надежде, что рано или поздно каждый аршин земли будет дорого стоить. Два года войны наложили тяжёлый отпечаток на экономическом благосостоянии этого совершенно отрезанного уголка Уссурийского края: на всё поднялась дороговизна и даже предметов первой необходимости — сахар, соль, керосин и свинец — нельзя было достать ни за какие деньги. Это же бывает и в настоящее время за отсутствием правильных пароходных сообщений с Владивостоком. Поэтому жители Ольги должны иметь своё хозяйство, ибо без этого жить очень тяжело. Имея в кармане деньги, можно сидеть, не евши несколько суток. Вообще население Ольги в ожидании лучших благ в будущем в настоящее время перебивается с хлеба на квас».

Отметил Арсеньев и аполитичность населения. «Жители поста Св. Ольги, — писал он, — как и все вообще русские люди, к прошедшей войне и к беспорядкам относятся скорее равнодушно и безразлично. Быть может, и есть одна-две беспокойные личности, но не находят поддержки в своих горячих спорах, они, естественно, волей-неволей стушёвываются и их не слышно. Этому способствует обособленное, отдалённое положение самой Ольги, да ещё, вдобавок, изолированность от такого политического центра Дальнего Востока, как Владивосток…»

В Ольге Арсеньев неожиданно столкнулся с владивостокским другом Кириловым.

— Вот уж, не ожидал увидеть вас, Владимир Клавдиевич, в этом заброшенном Богом месте!

— Я-то что, я странник, — обрадовавшись встрече, ответил Арсеньев. — А вот как вы, Николай Васильевич, сюда попали? Помнится, в 1903 году вы отправлялись из Владивостока на Чукотку, а это совсем другая российская окраина.

— Была, была Чукотка, работал там анадырским уездным врачом, но в 1905 году вернулся и поступил в Переселенческое управление — земским врачом в Осиновке Никольск-Уссурийского уезда. Время было неспокойное, и угодил я в политические заключённые. Думаете, за что? Да за статью в местной газете с предложением созвать крестьянский съезд, который был нужен для выборов в Государственную думу. Съезд-то в Никольске-Уссурийском прошёл, да резолюция его, видно, не понравилась кому-то. Вот и попал я на полтора года в тюрьму. Но, знаете, не было бы счастья… В это время в Ольге тиф разбушевался, нужно было срочно спасать людей. Власти хорошо понимали, что только такой чокнутый лекарь, как я, согласится сюда приехать. Меня выпустили, и вот я здесь!

Энтузиаст по натуре, Кирилов и в Ольге нашёл предмет для исследований: занялся раскопками, обнаружив следы древнего поселения, а собранные им предметы культа удэгейцев заинтересовали Петербург и были отправлены в Музей антропологии и этнографии.

— Работаю над чукотскими впечатлениями — там собрал несметное количество информации. Что-то уже опубликовал, а что-то ждёт своей очереди. А ещё хочу обработать данные Ольгинской метеостанции и написать о климате Приморской области.

«Имя — Дерсу, фамилия — Узала»

В этой экспедиции Арсеньева ждала неожиданная встреча, которая в значительной степени придала новый смысл его жизни и работе. 3 августа с восходом солнца все путешественники были на ногах и после завтрака пошли вверх по реке Тадуши (ныне Зеркальная, Кавалеровский район). Они торопились как можно скорее дойти до Ли Фудзина, где оставались вещи, в том числе инструменты. В пути им встретилась китайская фанза, в которой они пообедали: гостеприимные хозяева угостили их пельменями. У другой фанзы, сооружённой рядом с ловушкой-лудёвкой, расположились на ночлег. Вечером, когда все сидели у костра, а Арсеньев по обыкновению делал записи в дневнике, послышался мужской голос.

— Здравствуйте, — сказал кто-то сзади.

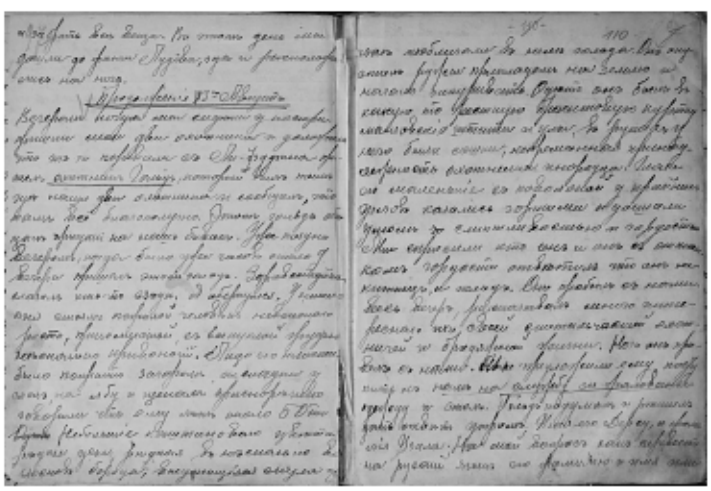
Арсеньев обернулся. У огня стоял пожилой приземистый человек, с выпуклой грудью, несколько кривоногий. Его плоское лицо было покрыто загаром, а по складкам у глаз, на лбу и щеках путешественник определил его возраст — около 50. Редкие усы каштанового цвета и такая же, в несколько волосков, борода, выдающиеся скулы изобличали в нём гольда. Одет он был в жёсткую брезентовую куртку, манзовские штаны и улы, а в руках держал сошки — непременную принадлежность инородца. Его маленькие с поволокой глаза казались зоркими и дышали умом, сметливостью и гордостью. Он опустил ружьё прикладом на землю и начал закуривать.

На вопрос, кто он такой, пришелец с оттенком гордости ответил, что он не китаец, а гольд, живёт в тайге, где и добывает себе пропитание.

— Зовут-то тебя как? — спросил кто-то.

— Имя — Дерсу, фамилия — Узала, — ответил гольд.

— Дерсу Узала? — переспросил Арсеньев. — А как же это перевести на русский язык? Что это означает?

Запись о первой встрече с Дерсу Узала 3 августа 1906 года. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 109 (об.) – 110).

Охотник на минуту задумался, а потом сказал с тем же оттенком гордости:

— Моя думай, что это ничего не значит, а просто имя и фамилия.

«Я видел перед собой первобытного охотника, — писал Арсеньев, — который всю свою жизнь прожил в тайге. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьём и предметы своей охоты выменивал у китайцев за табак, свинец и порох, что винтовка ему досталась в наследие от отца. Потом он рассказал мне, что ему пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты».

Как и любовь, мужская дружба может начаться с первого взгляда. Так случилось и в тот вечер. Разговаривая с охотником-гольдом о жизни, слушая его бесхитростные рассказы о таёжных скитаниях и охоте, Арсеньев всё больше понимал, что не хочет расставаться с этим человеком, что оба они — он, офицер, выросший в городской семье, и бродяга-гольд, едва ли знавший грамоту, связаны чем-то кровным, невидимым, но настолько прочным, что не позволяет им разойтись в разные стороны.

На следующий день Арсеньев сделал в дневнике самую краткую запись: «Утром гольд Дерсу Узала на вторично заданный вопрос, согласен ли поступить проводником, изъявил согласие. С этого момента он стал членом экспедиции». И, добавим, героем знаменитой книги. По тому, как подробно летом 1906 года Арсеньев вёл путевой дневник, можно сделать вывод, что путешественник планировал его издать. Позднее он отошёл от этого замысла и предпочёл художественный вариант описания путешествия с Дерсу Узала.

Рассказ о жизни Дерсу Узала

С каждым днём пути Владимир Арсеньев всё больше и больше узнавал нового проводника. Сидя у костра, прищурив щёлки-глаза, с добродушной улыбкой на лице, Дерсу любил вспоминать об этом времени, когда он молодым жил на берегу Бикина с женой и детьми. Он рассказал Арсеньеву о преданной жене: однажды она прошла более двухсот вёрст по тайге, разыскивая его. Через десять дней женщина обнаружила мужа, израненного тигром и совершенно обессилевшего от потери крови и голода. Она прожила с ним более месяца в глухом лесу, пока он не оправился и не восстановил силы настолько, что мог дойти до дома. Память о жене Дерсу хранил как святыню и с трогательной грустью описывал её смерть от оспы. Потерял он и старшего сына — смелого охотника, погибшего в схватке с разъярённым медведем.

Оставшись один, без жилья, гольд лето и зиму проводил в тайге, то нанимаясь к кому-то проводником, то добывая пушнину и этим поддерживая своё существование.

— Однако хорошо в лесу, — говорил он. — Ходишь себе, и никто тебя не смотри. Пойдёшь туда, сюда, стреляй зверя, ставь лучки, капканы, быстро время ходи. Трудно только теперь, — добавлял он, вздохнув, — глаз худой стал, стреляй хорошо не могу.

— Ложись спать, Дерсу, — говорил ему порой Арсеньев, засидевшись до глубокой ночи.

— Э, ничего. Мало-мало посижу, а то тебе скучно будет.

Он вынимал из-за уха пучок табака и закуривал очередную трубку, перебирая в памяти лучшие моменты своей жизни.

Удэ — арсеньевское открытие

Коренные жители края вызывали у Арсеньева особую заинтересованность и доброжелательность. Он писал: «Орочи (в то время так иногда называли удэгейцев. — *А. Х.*) и тазы более расположены к русским, и понятно — они имеют право на землю, получают её, имеют право носить оружие. Китайцы являются для них конкурентами по ловле соболя, давя их численностью, и потому удаление последних из края будет встречено ими сочувственно. О гольдах же по этому поводу и говорить нечего...

Орочи на Имане прекрасно сознают, что только русские их могут поддержать и что только у русских они могут найти защиту от хищников-китайцев, поэтому прибегают с жалобами на последних ко всякому правительственному чиновнику, случайно или нарочно приехавшему на это место, просят выдать какую-то записку, чтобы китайцы их не обижали, но, к сожалению, их просьбы остаются гласом вопиющего в пустыне. Ороч говорит:

— Моя ходи капитану. Моя боится манза. Моя русского боится нету. Русский помогай орочон.

Очевидно, что отношение орочей к русским самое сердечное, расположение полное, надо только им воспользоваться».

Тогда Арсеньев сделал для себя важное открытие: слова «ороч» и «орочон» придуманы русскими, сами же они называют себя «удэ». В те летние дни 1906 года он решил заняться изучением этого народа, остававшегося неизвестным науке. Страницы его дневника заполнены описанием нравов и обычаев лесных жителей, их жилищ-балаганов, рассказами о многочисленных встречах с ними.

«Орочи [удэге] опия не курят, но любят водку, хотя я видел и таких, которые совершенно не пьют и водки. Орочи очень падки до вычурных вещей, которые они иногда покупают далеко и за большие деньги. Так, в бедном балагане среди груды тряпок и мусора я видел один большой подсвечник, часы с музыкой и т. д. Более зажиточные живут хорошо и имеют деньги. Орочи с недоверием относятся к бумажным деньгам, собирают золото и серебро, берегут его и стараются не расходовать. В одном месте они не хотели разменять мне 50 руб. на мелкие деньги, хотя серебряных монет у них было чрезвычайно много собрано. Более богатые орочи одеваются лучше, особенно женщины, которые одеваются очень пёстро, костюм украшают множеством блёсток и побрякушек. Бедности и нищеты среди орочей не видно. Из семи балаганов я видел только один балаган старика, где проглядывала бедность и недостаток».

Многое из того, что Арсеньев увидел и узнал об этой народности, он позднее изложил в небольшой работе «Лесные люди — удэхейцы», изданной во Владивостоке в 1926 году. До самой смерти Арсеньев будет обрабатывать материалы, посвящённые удэгейцам, — так много их накопилось. Создание масштабного труда «Страна Удэге» будет навязчивой идей путешественника в течение многих лет.

Баррикады, в которых человек теряется как ничтожное насекомое

7 августа путь не задался. Не желая лезть в гору, Арсеньев со спутниками решили обойти её низом у реки. Они долго бродили по бурелому и валежнику, нанесённому водой, в поисках тропы, потом искали подходящий брод через реку. «Вода во время разливов шла здесь очень высоко, — записал в дневнике Арсеньев. — Поражает та груда леса, брёвен, валежника и хвороста, которую вода здесь складывала, созидая баррикады, в которых человек теряется как ничтожное насекомое. Растащить этот лес — нет никакой возможности и сил человеческих. Множество протоков, открытых и закрытых со стоячей водой, свидетельствует о том, что водяная стихия страшно здесь свирепствовала, и река, не могущая вместить в свои берега всей воды, бегущей со всех гор, отовсюду, выйдя из берегов, прокладывала себе неоднократно новые русла и протоки».

Арсеньев представил, в какой «бешеный океан» превращается эта река во время половодья, как несёт она груды деревьев и бросает их, как лёгкую стружку, на берег, «в какие щепы измолачивает вода целые деревья». «Положительно становилось жутко при мысли быть застигнутым здесь такой непогодой», — сделал он вывод. Ради интереса Арсеньев измерил кедр, лежавший на

Неизвестная река, 1906 год. Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 4).

Отряд В. К. Арсеньева, 1906 год. Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 49).

камнях в куче стволов: длиной 21 метр 40 см, он имел в поперечнике на высоте груди больше трёх метров, «при этом корни и верхушка его были отломлены, а концы их измочалены в паклю».

— Наша, как выдра, ходи, — в сердцах говорил низкорослый Дерсу, которому больше других доставалось от речной стихии.

С большим трудом отряд дошёл до другого берега, преодолев несколько речных проток, но он оказался скалистым и чрезвычайно крутым — пришлось возвращаться и искать новую переправу. Огорчила и неудача с крупными форелями, которых увидели в одной глубокой протоке: в них начали стрелять из ружей, но ни в одну не попали. Только в сумерках путники встали биваком у подножья горы на берегу реки — как раз напротив того места, где они блуждали утром, ища брод.

— Обидно за потраченные силы и дорогое время! — с досадой думал Арсеньев.

Утешало лишь то, что по дороге они встретили фанзу, где запаслись картофелем.

Встречи с обитателями тайги

По дороге путникам встречалась масса следов, в том числе и тигриных. «Медведь шёл впереди нас по тропинке, — записал однажды в дневнике Арсеньев, — но испугался, видимо, и пустился убегать». От китайцев он знал, что бассейн Ли Фудзина считался самым богатым зверем местом: всюду и в большом количестве водились тигр, изюбр, кабарга, соболь, кабан и медведь.

Однажды поздно вечером Арсеньев пошёл прогуляться берегом реки. Порой он останавливался и подражал рёву изюбра. Слышит: вдалеке один отозвался. Он повторил призыв. Вдруг слышит: к нему кто-то приближается, ломая кусты. Сердце забилось сильнее, путешественник замер и приготовил винтовку для самообороны. Тревога оказалась напрасной: животное оказалось молодой изюбрихой. Стоило Арсеньеву пошевелиться, как она испугалась и бросилась в чащу. Он хотел было выстрелить вслед, но воздержался. Изюбриха скрылась, а в чистом ночном воздухе ещё долго доносился шум от её прыжков и ломаного кустарника.

— Следы тигров здесь часто попадаются даже летом, — рассказывали китайцы. — Нам как-то в течение дня на одной и той же тропе довелось видеть четыре следа разной величины, принадлежащие этим кошкам. Видимо, хищнику понравилось ходить по тропинкам и дорогам.

Местность, как заметил Арсеньев, вполне гармонировала с тигриным нравом. Вековые деревья, окружавшие путешественников, красноречиво свидетельствовали, что здесь исстари была только тайга, сохранившая свою девственность. Высокий лес с молодой порослью, ползучими растениями, колодником и буреломом давал возможность хищнику и незаметно подкрасться к жертве, и быстро скрыться от врага-человека.

У охотников принято за правило перед сном делать один-два выстрела, чтобы отпугнуть зверей, но не всегда это помогало. Однажды отряд разбил на ночь бивак около реки. В темноте тигр, перейдя реку, стал подкрадываться к лошадям. Было слышно, как под тяжестью его мягкой поступи тихонько раздвигались прибрежные камни. «Лошади дрожали и жались к коновязи, выражая крайний испуг, — записал Арсеньев в дневнике. — Хищник долго бродил вокруг лагеря. Ночь прошла вполне благополучно». Возможно, напасть на лошадей хозяину тайги помешал тлеющий костёр.

Дерсу Узала рассказал офицеру, что по представлению гольдов тигр — нечистое животное, родственное дьяволу. Быть растерзанным им считается дурным знаком: душа не попадёт в Буни, то есть рай. Но есть от него и польза: «Душу вора в тайге не разыщет даже самый великий шаман, но вору не миновать когтей тигра».

— Было время, когда тигров в этой тайге обитало не так много, — рассказывали Арсеньеву старые охотники-гольды, — но лет 70–80 тому назад они в большом количестве стали перекочёвывать с запада, из Маньчжурии, и с тех пор встречаются здесь всё чаще и больше. Вероятно, сначала вследствие каких-либо причин перекочевали другие звери, может, кабаны, и это заставило хищника идти за ними к востоку. Раньше встретить кабана считалось удачей, но потом они стали попадаться большими стадами. Зато гораздо меньше стало изюбрей, оленей и медведей…

Последнее Арсеньев связал с появлением скорострельного оружия, заменившего прежний способ охоты с рогатиной-копьём или ножом. Что касается миграции животных, он пришёл к выводу о влиянии человека: освоение долины Сучана переселенцами заставило оленей искать убежище от местных охотников по другую сторону Сихотэ-Алиня, у истоков Уссури.

Как бы процветала природа, если бы человека не было!

Бродя по богатейшей уссурийской тайге, Арсеньев замечал, как уничтожаются её сокровища. По его мнению, наиболее страшным изобретением человека были лудевки или лудевы (от кит. *луде* — «оленья ловушка»), загоны-ловушки для зверей при таёжных охотничьих фанзах. Отряд встречал их одну за другой на своём пути, бывало, по несколько на день. Сам азартный охотник, Арсеньев не раз сетовал:

— Приходится поражаться количеству кож и костей убитых животных в этих лудевах! Китайцы бьют ежедневно местных оленей ради одного оленьего хвоста ценою один рубль и ради жил задних ног зверя ценою 40–50 копеек. Таким образом, зверь, столь ценный во время пантовки, погибает за 1 рубль 50 копеек. Обидно и грустно видеть такой вандализм. В одной из таких лудевых фанз мы нашли до 30–40 пудов жил. Страшно становится при мысли, сколько надо было уничтожить животных, чтобы собрать такое количество жил. Сколько зверей уничтожается без необходимости этими ловушками! Как бы процветала фауна и флора, если бы человека не было. И он ещё осмеливается называть себя царём природы. Нет, он бич земли! Это самый ужасный хищник, беспощадный, свирепый. Чем чаще мне приходится бить разного зверя, тем всё более и более я убеждаюсь, что рано или поздно я брошу этот вид охоты.

Лудева (заграждение для ловли диких животных), 1906 год. Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 49).

Днём кусаются так же мучительно, как и ночью

Арсеньев писал в дневнике: «Чуть стало светать, миллионы мошек атаковали бивак. Спать долго утром не пришлось, и как только стало рассветать, мы были уже все на ногах. Быстро завьючив коней, тронулись в путь. В дороге гнус не успевал нас догонять и не так донимал, зато комары днём кусаются так же мучительно, как и ночью. Они с ожесточением бросаются на коней и людей. Производить съёмку при таких условиях очень тяжело».

От комаров и мошкары путешественники страдали постоянно — «они лезли в рот, попадали в горло, залетали в глаза и уши, нестерпимо кусали потную шею, лицо и руки». После каждого укуса появлялись кровоточивые ранки, которые долго не заживали. «Трудно передать мучения, которые испытывает человек в тайге летом. Описать их нельзя, это надо перечувствовать», — записал Арсеньев.

С заходом солнца крупная мошка исчезала, но вместо неё появлялись мелкие, почти невидимые глазу насекомые. От них горели все открытые места — уши, лоб, шея. Казалось, что на лице колючая паутина. Единственным спасением на биваке был костёр днём и двойная палатка ночью. В ней было душно, но всё же лучше, чем страдать от надоедливых насекомых. Правда, вездесущая мошкара каким-то образом проникала и в палатку. Если люди как-то могли защищаться от неё, то лошадям приходилось совсем плохо: мошкара разъедала им губы и веки. Бедные животные трясли головами, но прогнать мучителей были не в силах.

Чем ниже спускались с гор, тем насекомых становилось всё больше и больше. Путники радовались полянам: на открытых местах комаров было значительно меньше, а мошкара и вовсе исчезала. Арсеньев восхищался берестяными балаганами, сооружёнными охотниками-китайцами для ночёвок в тайге:

— Как удивительно разумно строят китайцы свои балаганы! Они защищают их и от дождей, и от холодных ветров, и от мошкары. Очаг сделан посредине. Огонь доходит до крыши и гонит дым вправо и влево через отверстия, отчего никакой гнус не может проникнуть внутрь.

Ещё издали, заметив оголённые стволы кедровников, путешественники невольно начинали глазами искать балаганы. Там всегда можно было найти приют от дождя, сухие дрова, смольё для растопки и сухую траву для подстилки.

Богу сахар ни к чему

Между тем запасы продовольствия подходили к концу. Утром 9 августа солдаты бегали искать раненого кабана, но вернулись с пустыми руками. Подбадривала только надежда

встретить фанзу, где мог ждать хороший обед. И правда, около полудня дошли до небольшой фанзы. Все предметы домашнего обихода были на месте. «Значит, — решили путники, — хозяин ушёл на непродолжительное время, может, на полевые работы». В маленькой кумирне обнаружили чашку с сахаром — около десяти кусочков. Отряд уже давно обходился без сахара, потому неожиданной находке все обрадовались. Дружно решили, что Богу сахар ни к чему и он не будет против того, чтобы уступить его путникам.

Отдохнув, пошли дальше. Большое количество рябчиков подсказало, что близко верховья реки и перевал. Непуганые пернатые легко подпускали к себе, и путники вернулись в фанзу с хорошей добычей. Рябчиков накрошили и сварили вместе с галушками. Отличную трапезу завершили две кружки чая с лимонной кислотой. В 9 вечера все улеглись спать, слушая сказки Дерсу Узала. Арсеньев же зажёг свечу и занялся работой: допоздна делал записи в дневнике и вычерчивал планы.

Умный в гору не пойдёт…

15 августа путешественники остановились на ночлег у самого подножья Сихотэ-Алиня. Арсеньев записал в дневнике: «Ветер шумел по вершинам леса, а внизу было тихо. На горах деревья достигают меньших размеров, так как подвержены влиянию ветров. Зато внизу вы встречаете на каждом шагу удивительно громадных размеров деревья. Перед иным великаном положительно останавливаешься, удивляешься его страшной величине.

Мы хотели осмотреть пещеру в скалах, но попытке нашей не суждено было осуществиться. В этом месте горы имеют вид совершенно голого утёса, скалы выдались вперёд вроде громаднейших гребней или колоссальных вершин. Странно, почему это одни горы покрыты слоем живой земли, а иные так и остались голым камнем с острыми рёбрами и краями. Достаточно поближе взглянуть на эти камни, чтобы убедиться, что они никогда не были под землёй, а испокон веков уже ласкаются солнцем».

Наутро был сильный туман, но Арсеньев научился приглядываться к погоде и заранее видел, что погода разгуляется. Перейдя Ли Фудзин последний раз, отряд стал подниматься на перевал, высота которого над уровнем моря составляла 510 м. По краям перевала к небу тянулись высокие сопки, и Арсеньев с двумя спутниками пошёл на обследование ближайшей, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Подъём был труден, но путники были вознаграждены видом, расстилающимся под ногами. Они обнаружили себя в центре громадных гор. Над головой с криками носились беспокойные стрижи, разрезая воздух крыльями. Внизу извивалась река, окаймлённая зелёной массой, — деревья сверху казались кучами кустов. По трём направлениям тянулись широкие пади. Самой низкой была седловина,

Отряд В. К. Арсеньева переходит через реку Белембе (ныне река Таёжная), 1906 год. Фотография В. К. Арсеньева. Архив Общества изучения Амурского края (Ф. 14. Оп. 4. Д. 49).

ведущая в Тадушинскую долину: она резко выделялась из общей массы сплошной линии гор.

Любуясь открывшимся видом, Арсеньев срисовал все горные вершины и седловины. Сделал он и несколько снимков. Чтобы оценить высоту горы, он столкнул вниз большой камень и в течение нескольких минут слушал шум, постепенно ослабевающий. На вершине горы приближение осени ощущалось сильнее, чем внизу. Если в долине Арсеньев поражался количеству разных шмелей и пчёл, облепивших цветы, то на перевале трава уже начала сохнуть, а цветы не только отцвели, но и осыпали семена.

Спуск вниз по каменистым осыпям тоже был не из лёгких, но всё же не такой утомительный, как подъём. Через час отряд был в лагере. Все отдыхали, но Арсеньеву не сиделось, и он пошёл на соседнюю гору. Она оказалась не менее крутой, чем предыдущая. Было жарко, мучила жажда, и путешественник пожалел, что не захватил с собой воды. К биваку он спустился уже по темноте. Все уже спали, бодрствовал только дневальный. Он копошился у костра, согревая себе пустой чай: сахар давно закончился. Арсеньев составил ему компанию, а потом достал дневник и принялся описывать увиденное за день.

Арсеньев и религия

Среди записей этого дня был и рассказ о трёх маленьких кумирнях, обнаруженных путниками на самом верху утёса среди глыб.

«Удивительная религия у китайцев, — подумал Арсеньев, разглядывая сооружение, сложенные из камней и украшенное красными ленточками. — Даже здесь, на вершине горы, куда можно забраться лишь с большим трудом, они создают свои кумирни».

Он подумал тогда о Дерсу: все в отряде заметили, что тот не пропускал ни одной кумирни.

— Моя хочет остановка, — обычно говорил он, и командир послушно объявлял привал.

Дерсу откладывал в сторону котомку, опускался на колени и усердно бил поклоны, молясь вслух о счастливом пути.

— Дерсу, зачем ты молишься? — как-то раз спросил его Арсеньев. — Ведь это китайская кумирня и китайский Бог.

— Ничего, капитан, — ответил гольд. — Твой Бог, мой Бог, китайский Бог — всё равно один Бог, три нету.

Арсеньева поразили эти слова. Неграмотный лесной житель так просто разрешил вопрос, над которым европейцы тысячелетиями ведут споры, доходящие до кровопролития. После этого он запретил солдатам забирать сахар и леденцы в кумирнях.

Арсеньев не был религиозным человеком, хотя посещал молебны, на которых присутствовали все офицеры с семьями. Имелась у него и Библия, куда он время от времени заглядывал, подчёркивая интересные места и делая пометы на полях. Как считала жена, отношение путешественника к религии изменилось после одного преступления.

— В Первом Владивостокском крепостном полку, — вспоминала Анна Константиновна, — был священник — невысокий, худенький, редкая тёмная бородка, но какой-то неприятный, будто масляный. После общения с ним хотелось вымыть руки. И тут новость: изнасиловал девочку. Его сослали на каторгу. С той поры Володя перестал верить священникам. В своих дневниках и письмах стал писать «бог» с маленькой буквы. Но ходил в церковь, слушал пение и молитвы.

Как-то раз, уже после революции, Воля спросил отца:

— Папа, сейчас никто не молится, а ты зачем ходишь в церковь?

— Подожди, Воля, доживёшь до моих лет, поймёшь.

«Скажи своё имя, и я скажу, кто ты»

Арсеньеву была интересна топонимика: встречая на своём пути множество географических объектов, он не только записывал все названия, но и подмечал, почему китайцы или аборигены называли их так, а не иначе. Он выяснил, что *Тадуши* — это искажённое слово *Та-Дошу*, что означало «большой дуб». От местных жителей он слышал, что в верховьях этой реки действительно когда-то рос громадных размеров дуб, в дупло которого могли усесться для игры в карты четыре человека, а вокруг дуба можно было уложить 24 тюка, какие манзы переносят на своих спинах. Реку *Тетюхе* (ныне Рудная), как он узнал, правильнее называть *Тютихе*, от китайского слова «Чжю-чжи-хе», то есть «река диких свиней». И в самом деле, в долине этой реки арсеньевскому отряду пришлось помогать китайским крестьянам «чушку гоняй», как назвал это занятие Дерсу — отгонять кабанов от огородов, где они грозили уничтожить весь урожай.

Чаще всего названия отражали характерные особенности реки. Так, слово *Тасинза* по-китайски означало «большая новая река», а *Сяосинза* — «маленькая новая река». Рекам же Ли Фудзин и Вай Фудзин китайцы дали названия, руководствуясь направлением их течения. Если встать на сихотэ-алинском перевале лицом к северу, то первая река будет слева («ли» — левый), а вторая — справа («вай» — правый). *Фудзин* же по-китайски означало «богатая внутренняя река», а *Дананга* или *Дананца* (ныне Дорожная, Кавалеровский район) — «большой южный приток». Полностью оправдывали свои названия «кривая речка» *Вангоу* (ручей в Лазовском или Ольгинском районе), «родниковый ручей» *Чимухэ* и «большая виноградная речка» *Даингоу* (ныне Тучная, правый приток Бикина в Пожарском районе).

Арсеньев подметил, что в Уссурийском крае один и тот же географический объект может иметь разные названия: китайцы называют его по-своему, инородцы имеют своё имя, а русские, придя в эти места, назвали совсем по-другому.

— Название «река Улахе», — делился Арсеньев наблюдениями со спутниками, — состоит из трёх слов: русского, маньчжурского и китайского, причём каждое из них означает одно и то же — «река». Поэтому в переводе название получается довольно странным — «река Река-река».

Удивило путешественника и то, что одно и то же название, *Синанце* или *Синанча*, он слышал в разных районах края применительно к совершенно разным рекам. Всё прояснилось, когда он узнал перевод этого слова с китайского языка — «юго-западный приток».

— Совсем не удивительно, — говорил он, — что словом «синанце» называют притоки самых разных рек!

Арсеньев и сам был не прочь дать названия каким-то объектам. Так, реку Иодзыхе (ныне Джигитовка, впадает в залив Рында, Тернейский район) он назвал Козьей рекой из-за обилия на её берегах этих животных. В то же время, обнаружив козьи следы на чрезвычайно крутых, недоступных ногам человека горных тропах, он пришёл к выводу, что горные козлы обитают в скалах и только по ночам спускаются в долины рек для водопоя и пастбища.

Арсеньев заметил, что маньчжурское название «Сихотэ-Алинь» местные китайцы переделали на свой лад — «Си-хо-та Линь», что означало «перевал западных больших рек». Путешественник считал, что они абсолютно правы: действительно, к западу от водораздела текли большие реки: Иман, Бикин, Хор… Местные же крестьяне называли Сихотэ-Алинь «Проходным рубцом», что тоже соответствовало действительности. Он отмечал в дневнике, что «лось ходит по хребту, но не переходит восточные склоны Сихотэ-Алиня».

Сравнивая районы, лежащие по разные стороны хребта, Арсеньев говорил:

— Исстари там жили гольды — здесь орочи. На востоке — олень и фазан, на западе их нет совершенно. Зато на

западе хлеба и другие возделываемые растения созревают раньше на две-три недели, чем у моря. На западе больше снегу, чем на востоке, где его почти нет. С одной стороны он рыхлый, мягкий, с другой — быстро обледеневает и колется при падении или ударе. На востоке болот меньше, на западе они почти сплошные. На востоке растут орехи, на западе их нет. На западе мошка и комары в изобилии, на востоке их значительно меньше. На востоке зима слабая, лето прохладное, туман с моря, на западе его нет или чрезвычайно мало. На востоке все скалы превратились в россыпи под влиянием сырости моря и ветров; на западе этого нет или очень мало. На западе лес преимущественно хвойный, строевой, на востоке более лиственный, чаще встречаются поляны и открытые места. На востоке много цветов — ирисы, орхидеи и лилии, колокольчиковые и другие. На западе они чахлые и их значительно меньше. Вообще, на востоке растительность богаче, шире и пышнее, а на западе преобладают мхи.

В этом путешествии Арсеньев полюбил горы Сихотэ-Алиня и считал, что они имеют громадное значение для изучения края во всех отношениях: геологическом, этнографическом, зоологическом, метеорологическом, ботаническом. Он сделал множество открытий, путешествуя в летне-осенние дни 1906 года. Именно тогда родился знаменитый путешественник и появились первые строки литературного произведения, которое он назовёт «Дерсу Узала».

Как Арсеньев чуть не убил Дерсу Узала

Ни в одном походе не обходилось без переживаний. То судно потонуло вместе с грузами для экспедиции, и путешественники на пороге осени остались без тёплой одежды. То отряд снабдили влажными сухарями, и они вмиг заплесневели. 18 августа Арсеньев неожиданно узнал, что груз по какому-то недоразумению доставили не в Тетюхе, куда направлялся отряд, а в Терней, а оттуда будто бы его отправили ещё дальше. Эта «страшная новость» ударила как обухом по голове: на пороге осени отряд оставался без тёплой одежды и запасов продовольствия, не говоря уж о препаратах и материалах для гербариев и коллекций. Немедленно, среди ночи, он откомандировал двух стрелков-скороходов в Ольгу, чтобы принять меры. Правда, уже на другой день оказалось, что известие было ошибочным, поэтому стрелков задержали и вернули назад.

Беспокойство о пропитании членов экспедиции не оставляло Арсеньева ни на день. Удачей было наткнуться в пути на китайскую фанзу: её хозяин, если его заставали на месте, обычно угощал путников. Выручала и охота. Вот и 23 августа, когда Арсеньев отправился на гору, чтобы измерить с помощью гипсометров её высоту, он неожиданно наткнулся на кабанов. Выстрелить он не успел, но заметил, куда побежали животные, и бросился им наперерез. Через несколько минут он догнал кабана: за стволами деревьев хорошо виднелось тёмное пятно. Выбрав момент, когда оно остановилось, Арсеньев выстрелил и в то же мгновение услышал крик.

— Безумный страх овладел мной, — рассказывал путешественник. — Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я увидел, поразило меня, как обухом по голове: на земле лежал Дерсу.

— Дерсу! Дерсу! — бросился к нему Арсеньев. — Как ты? Куда попала пуля, можешь сказать?

Дерсу уперся левой рукой в землю и приподнялся немного на локте.

— Спина больно, — ответил он.

Арсеньев стал спешно снимать с проводника верхнюю одежду, дрожа как в лихорадке. Куртка и нижняя рубашка гольда были разорваны. Раздев Дерсу, путешественник облегчённо вздохнул: раны было не видно, пуля задела кожу на спине, оставив царапину немного больше пятикопеечной монеты, небольшую опухоль от ушиба и физические страдания, которые гольд и не думал скрывать. Когда офицер сообщил ему характер ранения, он сразу успокоился и, заметив волнение Арсеньева, стал его успокаивать.

— Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя позади был. Как тебя понимай, что моя впереди ходи.

— Как же так случилось, что ты оказался между мной и кабанами?

Выяснилось, что кабанов Дерсу заметил одновременно с Арсеньевым. Прирождённая охотничья страсть в нём тотчас заговорила, и он бросился за животными. Преследуя кабанов, Дерсу скоро обогнал офицера, а цвет его куртки удивительно совпадал с цветом шерсти кабана. Перевязав гольду рану, Арсеньев помог ему подняться, и они вернулись в лагерь. Благо, Владимир Клавдиевич оказался плохим стрелком. В противном случае ему пришлось бы писать другое произведение.

За перочинный ножик получил артефакт

Уже смеркалось, когда путников настигла гроза с проливным дождём. Удары грома, порывы ветра и гул ливня перемешались в едином шуме. По высокой траве, которая перепуталась и закрыла тропу, шли ощупью, отыскивая путь ногами. Уже совсем стемнело, когда вымокшие и озябшие путешественники дошли до фанзы. Китайцы накормили отряд лапшой, и утомлённые, и нравственно, и физически, путники уснули как убитые. Арсеньев же спал плохо: крыша протекла, и он жался от капающей воды, зато утром был вознаграждён: выменял на перочинный нож ржавое старинное копьё, выкопанное китайцем при распашке земли.

С утра ярко светило солнце, и отряду удалось высушить одежду и постели, почистить ружья и инструменты. Закусив китайским хлебом, чумизной кашей и чаем без сахара, тронулись в путь. Солнце уже скрылось за горами, когда путники подошли к очередной фанзе. Китайцы встретили их очень радушно.

— А, капитана, капитана! — радостно восклицали они, хлопая руками по полам халата и кивая головой. — Твоя гость будешь? Заходила мала-мало фанза, моя рада есть. Твоя кушай хочешь? Сейчас, сейчас!

Заметив у одного китайца кровь на ноге, Арсеньев перевязал рану и тем самым окончательно завоевал расположение хозяев. Обильный и сытный ужин, внимание и услужливость китайцев, возможность работать за столом при двух свечах задержали его за работой задолго за полночь.

26 августа путешественники проснулись поздно, когда солнце поднялось уже высоко. Гостеприимный хозяин фанзы Кудунуай пригласил всех позавтракать. После обильной и превосходно приготовленной еды отряд тронулся в путь. Местность оказалась довольно обжитой: то и дело встречались фанзы. В одной немного повздорили с китайцами из-за картофеля, но смогли сторговаться, а в следующей увидели китайца Сун-Чан-Хина, который, как слышал Арсеньев, 60 лет из своих 80 живёт на этом месте. Как рассказывали, раньше здесь было много рабочих, масса машин, пусть примитивных, но ныне всё пришло в запустение, а богатый некогда человек состарился и совершенно обеднел.

Увы, он ничего не смог рассказать Арсеньеву о прошлом этого края, но указал на соседа, старика-ороча, память которого якобы была лучше. Тот оказался дома, и Владимир Клавдиевич перебрался в его фанзу, арестовав по пути китайца, который задолжал Дерсу Узала. Репрессии помогли, и китаец уплатил проводнику часть долга.

Большая семья ороча, состоявшая из нескольких сыновей-охотников и нескольких дочерей с детьми, была очень бедна. Высокий и очень худой старик-ороч с круглым, покрытым рябью лицом с сильно выдающимися скулами выглядел больным и угрюмым. Такими же угрюмыми и молчаливыми были и его взрослые сыновья. Как подумал Арсеньев, это тайга наложила отпечаток на их характер.

— Притесняемые китайцами, добывая средства к жизни с большим трудом, год от году меньше и меньше, они совершенно исчезают с лица земли, — рассказывал Арсеньев спутникам. — Видно, что это другой народ. Что-то особенное есть в выражении лица, выдающее их и отличающее от китайцев. Одежда и домашняя утварь тоже другие.

Старик мало что помнил и за справками обращался то к сыну, то к жене, очень умной, как показалось Арсеньеву, но подозрительной женщине. Лёжа на полу фанзы на шкуре изюбра, она курила опий и постоянно поправляла то одного, то другого. Сама же она от вопросов Арсеньева отмахивалась. Он заметил, что все женщины были неприветливее и молчаливее своих мужей. Ему пришлось приложить немало труда, чтобы заставить их говорить и сообщить подробности прежней их жизни. Особенно помогло обещание помочь лекарствами больному старику. Сперва женщина отвечала на вопросы с большим нежеланием, но потом увлеклась и заговорила охотнее. Сын взялся ей помогать, и тогда Арсеньев узнал кое-что из жизни и истории орочей. Глава семейства рассказал, что, когда он был ещё маленьким, осёдлых китайцев-манз здесь было мало, но потом они стали появляться всё больше и больше — одновременно с появлением на пароходах первых русских.

Время близилось к полночи, а Арсеньев всё сидел и записывал. Орочи совершенно забыли свой язык и помнили только некоторые слова. Ему удалось записать эти слова, чтобы потом сравнить их с наречием орочей и гольдов из других мест. Наконец, заметив, что хозяева хотят спать, он прекратил работу. Наутро перед уходом Арсеньев хотел сделать несколько снимков, но старуха окончательно воспротивилась и не захотела выходить из фанзы. Всё же он успел украдкой сфотографировать старика и его сыновей, но все женщины попрятались.

Море на горизонте

В конце августа вечера стали прохладнее. Вместе с темнотой падала обильная роса, и гулять по лесу означало вымокнуть до нитки, что мешало Арсеньеву совершать прогулки после дневного перехода. Холодными были и ночи. Ноги Арсеньеву грела его собака Альпа, свернувшаяся под одеялом. Порой она протискивалась к изголовью и согревала хозяина своим дыханием. Утром стали подниматься всё раньше и раньше: предрассветный холод не давал наслаждаться утренним сном. 10 сентября и вовсе проснулись замёрзшие: заиндевели и трава, и земля, замёрзла вода в лужах. Начались заморозки — сигнал к тому, что пора позаботиться о тёплой одежде.

Очень холодной показалась и переправа вброд через реку, но встреченные китайцы сообщили Арсеньеву, что видели неподалёку каких-то русских, и это воодушевило. Значит, рядом часть отряда, с которым раньше разделились, чтобы охватить наблюдениями как можно более обширную территорию. Действительно, сперва отряду открылось море, а потом фанзы, где оказались члены экспедиции.

У солдат, удачно сходивших на охоту, имелось мясо и очень много дикого мёда. Один из них, следуя за пчелой, нашел мёд в изобилии, хотя уже старый, но очень ароматный и вкусный. После сытного обеда и сладкого чая Арсеньев рассортировал имущество, часть его следовало оставить для

отправки в Ольгу. В четыре ящика он упаковал собранные коллекции, книги, которыми дорожил и не хотел бросать, реактивы, инструменты.

Один из стрелков обварил кипятком ногу, и Арсеньеву пришлось отвлечься на перевязку. В экспедиции имелась походная аптечка, содержавшая главным образом хирургические инструменты: бритву, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шёлк. Были также шприц, ушной баллон, ванночка для глаз и большое количество перевязочного материала.

Вечером Арсеньев наблюдал, как китайцы ставят больному банки — «способом чисто варварским». После этой процедуры китаец встал разрисованный, как в татуировке. «Он страдал от боли в животе, — записал Арсеньев в дневнике, — и банки на лбу, спине, ногах и руках едва ли могут принести пользу, когда вместо диеты они жрут всё, что попадётся под руку». Сделал он и другую этнографическую зарисовку после того, как был свидетелем ссоры и драки двух китаянок.

Вынужденный привал в начале осени

Первый осенний день оправдал своё название: с утра дул порывистый ветер, то и дело меняя направление. Днём непогода усилилась. Ветер сделался жгучим, небо, сплошь покрытое тучами, приобрело исчерна-серую окраску. Море с бешеным рёвом билось о камни и пенилось. Накануне отряд дошёл до маленькой рыболовной фанзы, где жили два удивительно гостеприимных китайца. Они накормили путешественников отличным ужином.

— Кушай много-много есть! — приговаривали они.

Немало запасов имелось и у путников, а на берегу моря в изобилии рос морской шиповник с крупными, сочными и вкусными плодами.

Вечером разразился большой шторм. Становилось жутко от завываний ветра и сурового шума моря, но это не помешало Арсеньеву работать до полуночи. Он решил отложить путешествие на день-другой. Двигаться дальше ему мешала больная нога: он сильно натёр её и побил о камни. Хотя компрессы уменьшали боль, растравлять рану не хотелось. К тому же следовало начать препарирование птиц: они уже вылиняли и годились для орнитологической коллекции. Незаменимым помощником Арсеньева в этом деле стал солдат Бочкарёв: он с успехом выполнил под руководством учителя ряд пробных работ на маленьких куличках и, как считал Арсеньев, «в этом отношении вполне перещеголял» его.

Дождь не унимался и в следующие дни, но задерживаться дольше отряд не мог. Уложив инструменты, путники распрощались с гостеприимными китайцами и двинулись в путь.

Более грандиозной картины не видел!

5 сентября погода продолжала хмуриться, из-за низких туч сумерки наступили рано, и отряд остановился на ночлег почти в темноте. Дерсу на биваке всегда проявлял удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, рубил жерди, ставил палатку, развешивал на просушку свою и чужую одежду, разжигал огонь. С привычкой, свойственной гольду-охотнику, он быстро снимал кору с дерева и устраивал ложе. Арсеньев удивлялся, как этот уже старый человек мог делать сразу несколько дел, как любая работа в его руках спорилась.

Поутру рядом с биваком обнаружили яму и столб. «Неужели рудник?» — подумал Арсеньев. Он знал, что в долине Тетюхе ещё в середине прошлого века китайцы обнаружили серебросвинцовую руду и начали её добычу. Позднее туда добрались и предприниматели из России. Прежде чем двинуться дальше, Арсеньев взял образцы грунта, а «заболевший старательской лихорадкой» Гранатман побежал в горы искать серебро.

Чем ближе продвигался отряд к серебросвинцовому руднику, тем всё более скалистыми становились горы. Вся местность напоминала Арсеньеву сцену Вальпургиевой ночи из «Фауста». Что-то дикое, неприступное и таинственное крылось в скалах, утёсах и горной реке, которая с пеной мчалась по камням в ущелье. Чтобы определить направления Сихотэ-Алиня и начертить схему, Арсеньев отправился к вершине. Путь туда шёл по сплошным россыпям. Пришлось карабкаться по камням, хватаясь за деревья. Давала себя чувствовать больная нога: каждый неверный, неустойчивый шаг отдавался жгучей болью.

Добравшись до верха, он остановился и огляделся. Более грандиозной картины ему ещё не доводилось видеть: вниз уходили страшной высоты отвесные утёсы, от вида на глубокие расщелины и пропасти кружилась голова, а столетние громадные кедры, росшие у подножья горы, казались тоненькими иглами. «Если когда-либо на земле и был ад, — подумал путешественник, — то, вероятно, именно здесь, в верховьях Тетюхе. Нечто страшное, таинственное, грозное, таящее ужас кроется в молчаливом величии гор. Человек чувствует себя здесь пигмеем».

Перед спуском Арсеньев сделал несколько фотоснимков и зарисовал видимую часть Сихотэ-Алиня. Спускаться по камням было ещё труднее, чем подниматься: больная нога мучила на каждом шагу. По пути к биваку встретилось множество мест, разрытых кабанами. «Их тут много, — записал Арсеньев, — у китайцев они положительно съели всю кукурузу. Их нельзя отогнать от пашен ни кострами, ни криками, ни стуком в повешенные железные сковороды, ни лаем собак — они ежедневно посещают пашню и поедают урожай».

Рудник серебросвинцовой руды, осмотренный Арсеньевым на следующий день, представлял собой две полуразрушенные фанзы при полном отсутствии рабочих. К местам раскопок — одному большому у подножья горы и другому поменьше, на вершине, — даже тропы хорошей не существовало, не говоря уж о дороге. Впрочем, как подумал Арсеньев, так выглядят все русские рудники, принадлежащие частным предпринимателям.

Шёл дождь, то усиливаясь, то уменьшаясь, и Арсеньев занялся канцелярской работой: вычерчивал планы, писал служебные бумаги, восполнял пропущенные числа в рабочей тетради и дневнике. Под вечер он сходил на осмотр обнажённых пластов на берегу моря, а, вернувшись, сверил свои наблюдения с учебником геологии. Всю ночь ревели изюбры и не давали спать. Рано утром солдаты пошли на охоту, но вернулись с пустыми руками. Изюбров не убили, но «порядком разогнали».

Награда «вне очереди»

В Хабаровске с нетерпением ждали возвращения Арсеньева: каждое утро адъютант докладывал Унтербергеру новости из экспедиции. Наконец настал день, когда путешественник смог обнять друзей. Генерал-губернатор долго беседовал с ним, расспрашивая об увиденном и искренне радовался отличным результатам. В штабе он объявил:

— Штабс-капитан Арсеньев блестяще выполнил возложенную на него задачу и, несмотря на ограниченность средств, чрезвычайные трудности в борьбе с природою в районе дикого горного хребта Сихотэ-Алинь, собрал обширный материал по исследованию края и богатые коллекции местной фауны. За такой выдающийся труд, сопряжённый с огромными лишениями и опасностями и составляющий основательный вклад в науку, за рвение, энергию и фанатическую преданность делу ходатайствую о награждении штабс-капитана Арсеньева «вне очереди» орденом Святого Владимира 4-й степени.

Чиновники в Санкт-Петербурге сочли эту награду чрезмерной. Высочайшим указом от 17 марта 1907 года путешественника наградили орденом Святого Станислава, самым младшим в иерархии российских орденов того времени, правда, не самой низшей 3-й степени, а 2-й.

Экспедиция действительно заслуживала награды. До 1906 года вся территория, по которой пролегали пути арсеньевского отряда, на карте представляла собой «белое поле со змейками-речками». Весьма приблизительно было указано и положение хребтов Сихотэ-Алиня. Исследованной к тому времени была только прибрежная полоса: съёмка её входила в задачи топографов, которые были здесь раньше. На основании съёмок и других измерений, выполненных в ходе экспедиции Арсеньева, он вместе с Мерзляковым составил подробную карту обследованной территории с указанием рельефа местности, обозначением долин рек и горных перевалов, а также всех обнаруженных поселений.

***

На составление отчётов об экспедиции на Сихотэ-Алинь у Арсеньева ушло три месяца — с января до апреля 1907 года. Многое пришлось переосмыслить и переписать, но результат превзошёл все ожидания. Глядя на толстую стопу бумаг, Арсеньев не верил своим глазам: за несколько месяцев удалось собрать огромное количество важных сведений. Прежде всего они были важны для обороны края.

7 апреля 1907 года штабс-капитан Арсеньев с блеском выступил в Приамурском отделе Императорского Русского географического общества с докладом о результатах экспедиции. Члены общества, затаив дыхание, слушали его рассказ о приключениях в уссурийской тайге, а потом задали множество вопросов.

После доклада к Арсеньеву подошёл генерал-губернатор Унтербергер:

— Замечательный рассказ, спасибо. Надеюсь, что после новой экспедиции тоже будет что рассказать.

— А что, уже пора собираться? — только и спросил Арсеньев.

Вскоре утвердили план следующей экспедиции, включавший в себя те же задания, что были в путешествии 1906 года: в первую очередь военно-географические, а заодно и научные, необходимые для колонизационного освоения территории.

Редакция благодарит Общество изучения Амурского края за предоставленные фотографии.
Материал поступил в редакцию 01.07.2022.

Сведения об авторе: Хисамутдинов Амир Александрович, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: khisamut@yahoo.com; тел. (4232) 71-01-59.

ТРИНЕЕВА ИННА МИХАЙЛОВНА

«ГОРИ, ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА»… ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА

В 2022 году празднуется 150 лет со дня рождения русского путешественника, исследователя, писателя, краеведа и этнографа В. К. Арсеньева. Немногие знают, что Владимир Клавдиевич был воспитан на классической музыке. Он обладал красивым голосом, превосходно играл на музыкальном инструменте (гитара), любил петь романсы и народные песни. Музыка сопровождала его всю жизнь — в экспедициях, в военных походах, в семейном кругу. Именно в ней наш герой черпал жизненные силы и творческое вдохновение. В статье использованы документальные материалы, книга доцента, кандидата филологических наук, директора Дома-музея В. К. Арсеньева и организатора творческих музейных проектов Ю. А. Яроцкой, историка, журналиста Б. В. Сумашедова и других авторов-современников, изучающих биографию и творческую деятельность писателя-краеведа.

Ключевые слова: Владимир Клавдиевич Арсеньев, творческий портрет, «Дерсу Узала», Мария Клавдиевна Арсеньева (Харченко), Маргарита Николаевна Арсеньева (Соловьёва), Ю. А. Яроцкая, Б. В. Сумашедов, А. А. Хисамутдинов.

Keywords: Vladimir Klavdievich Arsenyev, creative portrait, “Dersu Uzala”, Mariia Klavdievna Arsenyeva (Kharchenko), Margarita Nikolaevna Arsenyeva (Soloveva), Iu. A. Iarotskaia, B. V. Sumashedov, A. A. Khisamutdinov.

Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви приветная.
Ты у меня одна заветная,
Другой такой не будет никогда.
П. Булахов

Сколько в истории нашего Отечества было великих и достойных людей. Они жили и трудились на благо России. Среди них был этнограф, краевед, путешественник и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев. Одна из отличительных черт биографии учёного — это многогранность. Вся его многосторонняя деятельность — краеведческая, исследовательская, педагогическая, публицистическая, общественная, этнографическая — была направлена на изучение и развитие культуры Дальнего Востока в целом. С другой стороны, Арсеньев был человеком искусства, который увлекался музыкальной и художественной культурой. Путешественник писал в своём дневнике заметок, что музыка отвлекает и погружает его в необычайный мир и даёт ему творческое вдохновение. «Мелодия проникала в душу не только через уши, но и все поры тела, губы приоткрывались, гортань вбирала звуки, они достигали голосовых связок, и те тут же откликались чутким камертоном, подхватывали мотив, и он весь уходил в песню» [7, с. 80].

Повествование начну с рассказа о семье, где родился Владимир Клавдиевич. Приоткрывая занавес, мы попадаем в дореволюционную Россию, где в старом доме в Петербурге проживала семья Клавдия Фёдоровича и Руфины Георгиевны Арсеньевых. Отец нашего героя, Клавдий Фёдорович, «навсегда остался человеком внешне суровым и придирчивым, но внутренне отзывчивым и добрым. Славился он своей кристальной честностью и неподкупностью. Выше всего он ставил трудолюбие, правдивость, скромность и честность. Говорил: "Труд — важнее таланта"» [7, с. 28]. Маму Володи, как человека действительно доброй, широкой, заботливой души, характеризует строка: «Не красота лица, не прелестный вид, но доброта души счастливыми творит» [7, с. 31].

В уютной гостиной раздавались чарующие звуки романса. По свидетельствам современников, музыка в этом доме звучала всегда. Возле старого рояля собиралась вся большая семья маленького Володи. Вокальное исполнение романсов и арий С. В. Рахманинова и П. И. Чайковского, а также игра на рояле прелюдий Ф. Шопена и сонат Ф. Шуберта сближали всех и в зимний вечер, и в любое семейное торжество. Семья Арсеньевых была очень музыкальной. Кстати, и многодетной: девять родных детей и приёмная девочка. Такое количество маленьких талантливых артистов позволяло проводить дома музыкальные мини-спектакли и самодеятельные сценки. Дети переодевались в нарядные костюмы, пели песни, танцевали и участвовали в спектаклях. В конце XIX века в дворянском обществе было модно и принято приглашать на семейные торжества и праздники пианиста (баяниста), но Арсеньевы обходились без приглашений, дети сами играли на музыкальных инструментах и умели хорошо петь и танцевать. Музыкальному образованию и воспитанию детей уделяли особое внимание. Девочек обязательно учили играть на музыкальном инструменте и петь, а мальчиков — разбираться в музыке. Поэтому все в доме были музыкальны и образованны. Бабушка Аграфена Филипповна красиво пела и любила музыку всю свою жизнь. Она могла петь и на сцене театра, не родись крепостной крестьянкой. Клавдий, брат Владимира, музицировал на фортепиано и часто играл для приглашённых гостей на светских вечерах и семейных праздниках. Сестра Лидия Клавдиевна, получив медицинское образование, устроилась работать фельдшером в больнице. У неё был красивый и мелодичный голос, и она превосходно пела русские романсы. Талантливые сёстры исследователя, Мария и Капитолина Арсеньевы, стали оперными примами. В вокальный репертуар девушек входили оперные партии Лизы в «Пиковой даме», Иоанны в «Орлеанской деве» и Татьяны в «Евгении Онегине», а также народные песни и романсы, которые были очень популярны в конце XIX – начале XX века.

Младшая сестра Владимира Клавдиевича, Мария Арсеньева, окончила в Москве школу с музыкальным направлением по классу фортепиано и вокала. Позже, окончив консерваторию в Праге, она находит работу в Ницце, на юго-востоке Франции. Большую часть жизни Мария провела в эмиграции. Обладая красивым голосом, она могла бы стать известной оперной певицей, но реальность была таковой, что приходилось добывать хлеб тяжёлым трудом, чтобы не пропасть за границей. В Россию она вернулась с мужем только в 1947 году. Между Марией и Владимиром была большая разница в возрасте, 17 лет. На протяжении всей своей жизни он виделся с младшей сестрой всего лишь один раз, но всегда помогал ей. В 1930 году Владимир Клавдиевич писал московскому другу, профессору Ф. Ф. Аристову, что у него есть сестра Маша, которой он помогает, и брат Александр, о котором он тоже заботится. Мария сохранила память о старшем брате и принимала активное участие в мероприятиях, посвящённых ему.

О второй сестре, Капитолине, приёмной дочери Арсеньевых, очень мало информации. Окончив консерваторию в Санкт-Петербурге, она выступала с концертами, пела. Позже вышла замуж, уехала в Иркутск и устроилась преподавателем в музыкальной школе.

На основе сохранившихся до наших дней воспоминаний о семье Арсеньевых сотрудниками Мемориального

дома-музея В. К. Арсеньева[1] (г. Владивосток) в 2016 году был поставлен музыкально-драматический спектакль «Стебли нот расцветающих», рассказывающий о музыке в жизни этой семьи, о судьбах музыкально одарённых сестёр. «Изучая фондовые документы, я обнаружила, что во многих из них упоминается о музыке, которую любили в семье Арсеньевых. Так родилась идея спектакля "Стебли нот расцветающих", главной героиней которого является Мария Арсеньева, сестра путешественника Владимира Арсеньева, оперная певица», — отмечает руководитель музея Ю. А. Яроцкая [5]. Спектакль имел огромный успех и стал популярным у жителей и гостей Владивостока. «Каждая нота прорастает в душе зрителя благодарностью и расцветает неожиданным открытием», — читаем в заметке «Вестей Приморья» [3].

Главным торжеством в семье Арсеньевых были праздники Нового года и Святого Рождества. Новогодние хороводы и пение, рождественская ёлка и тепло домашнего очага — всё это осталось в памяти Володи. Семейный уклад играл важную роль в жизни писателя. Мальчик вырос в большой семье, где отца всегда слушались, а мама, добрейшей души человек, посвятила всю жизнь своим близким. Позже Арсеньев старался поддерживать семейные традиции домашнего очага и в своей семье с женой Маргаритой Николаевной.

В доме по адресу: Владивосток, ул. Арсеньева, 7б, на втором этаже поселились Владимир Клавдиевич и Маргарита Николаевна с маленькой Наташей. В гостиной дома раздаются волшебные звуки знакомой мелодии. Это Маргарита Николаевна музицирует на фортепиано… Семья Арсеньевых славилась своим гостеприимством. Вечерами они собирались с друзьями и проводили музыкальные встречи. Они пели романсы, танцевали вальсы, слушали пластинки на старом граммофоне Victrola, который часто звучал в их доме.

Дочь Арсеньева Наташа была настоящей барышней. Училась легко и хорошо. Красива, образованна, талантлива и музыкальна, как и её родители. Она хорошо играла на гитаре и пела арии. Своим характером и даже внешностью была похожа на свою маму, Маргариту Николаевну. Её двоюродные сёстры вспоминали, как однажды она привезла с собой костюм индейца, который смастерил для неё Владимир Клавдиевич, переодевалась в этот наряд и исполняла серенаду из оперы «Дон Жуан». А какая у этой девушки была богатая фантазия! Много времени прошло с тех пор, но в семье вспоминают всегда о спектакле, который написала Наташа. Успех был очевиден.

Будучи офицером, Владимир Клавдиевич огромное предпочтение отдавал классической музыке. Он прекрасно играл на гитаре. Любил петь и обладал чудесным голосом. По воспоминаниям, одни современники считали, что Арсеньев обладал лирическим тенором, другие — что у него был мягкий бархатный баритон. При хоровом исполнении не выделял себя, но начинал дирижировать. «О науке теперь не было и речи. Краеведы меняли амплуа и пели хором, послушные дирижёру Арсеньеву. Иногда по просьбе гостей Владимир Клавдиевич пел под гитару. Чаще всего он исполнял "Степь", "Баргузин", "В твоих очах" и "Разве можно, братцы, море вынуть и измерить, разве можно, братцы, красным девкам верить"» [Цит. по: 7, с. 235]. Один из любимых романсов Владимира Клавдиевича Арсеньева — «Средь шумного бала» на слова Алексея Толстого и музыку известного русского композитора Петра Ильича Чайковского, также он выделял вокальное сочинение П. Булахова «Гори, гори, моя звезда». Любил петь песню «Выхожу один я на дорогу» на стихи Михаила Лермонтова и отрывки из русских и украинских песен. «Когда на экскурсии студенты пели у костра "Славное море…", "Вечерний звон", он подпевал им, уж очень любил эти песни» [8, с. 23].

Музыка оставила заметный след в жизни учёного. Исследователь писал о том, что после тяжёлого путешествия по тайге, во время отдыха, путники пели солдатские песни у костра. В книге «По Уссурийскому краю», посвящённой одной из экспедиций Владимира Клавдиевича в сопровождении его проводника, охотника Дерсу Узала, есть эпизод:

«"Не надо ругаться, — сказал им тихо Дерсу, — слушайте лучше, я вам песню спою". — И, не дождавшись ответа, он начал петь свои сказки. Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо, Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. "Поселись там, где поют; кто поёт, тот худо не думает", — вспомнилась мне старинная швейцарская пословица…» [1, с. 22].

Во время долгих разговоров с охотником писателю понравился Дерсу Узала. Симпатию, которую вызывал гольд, не смог вызвать ни один человек в окружении Арсеньева. А ведь Владимир Клавдиевич общался с известными людьми Дальнего Востока, исследователями, офицерами, градоначальниками. В охотнике писатель увидел гармоничного человека, как и он сам. Для него он был идеальным человеком. И можно сказать, что музыка была той связующей нитью, которая и объединила охотника и русского путешественника. Есть круг людей, которые, как вода на гладкой поверхности, скользят и не оставляют

1 В этом доме с 1928 г. жил В. К. Арсеньев.

следов… Есть люди, которые рисуют красивые рисунки на твоём жизненном полотне, и ты становишься совершенно другим человеком… Есть, кто ничего не говорит и находится с тобой рядом, и в твоей душе горит свеча и играет божественная музыка Шопена… Люди совершенно разных культур, характеров восхищались светлым и прекрасным одинаково, будь то красота природы или вдохновлённая сила музыки.

Владимир Клавдиевич Арсеньев — автор большого числа книг и статей, талант которого ценили не только русские писатели, этнографы, краеведы, но и учёные за рубежом. Его имя по праву относится к тем именам, которые с годами не забываются, а, наоборот, приобретают большую значимость. Каждая новая информация об этом человеке представляет для нас огромную ценность и проливает свет на одну из ярких страниц в истории культуры Дальнего Востока.

Список использованных источников

1. *Арсеньев, В. К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу / В. К. Арсеньев. — Москва : Мысль, 1972. — 350 с.*
2. *Арсеньев Владимир Клавдиевич [авт.-сост. Г. А. Бутрина] // История и культура Приамурья. — 2013. — № 2 (14). — С. 32–34.*
3. *В музее им. Арсеньева новая постановка о семье путешественника — «Стебли нот расцветающих» / репортаж О. Данилюк. — Текст : электронный // Вести: Приморье. Новости, 28.03.2017. — Владивосток, 2003–2021. — URL: https://vestiprim.ru/news/ptrnews/48085-v-muzee-im-arseneva-%20novaya-postanovka-o-seme-puteshestvennika-stebli-not-raspuskayuschihsya.html.*
4. *Красношганов, С. «На всю жизнь друзьями» / С. Красношганов // Тихоокеан. звезда. — 1982. — 12 сент. — С. 4.*
5. *Музейный театр представит широкий репертуар о жизни и творчестве Владимира Арсеньева. — Текст : электронный // Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева : офиц. сайт. — URL: https://arseniev.org/press/grant-yarockaya/.*
6. *Савченко, А. «В прошлом ему сопутствовала счастливая звезда» / А. Савченко // Тихоокеан. звезда. — 2002. — 10 сент. — С. 1–2.*
7. *Сумашедов, Б. Распятый в дебрях : повесть о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве / Б. Сумашедов. — Изд. 2-е., испр. и доп. — Москва : Известия, 2015. — 493 с.*
8. *Хисамутдинов, А. А. В. К. Арсеньев и близкие ему люди: портрет эпохи : (к 150-летию со дня рождения учёного и путешественника) / А. А. Хисамутдинов. — Владивосток : Дальнаука, 2021. — 434 с.*
9. *Яроцкая, Ю. А. Научно-художественное творчество В. К. Арсеньева в контексте развития русской «географической прозы» / Ю. А. Яроцкая. — Владивосток: Дальневост. федер. ун-т, 2013. — 165 с.*

Материал поступил в редакцию 11.07.2022.

Сведения об авторе: Тринеева Инна Михайловна, главный библиотекарь группы нотных изданий и музыкальных звукозаписей Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: innatrineeva@bk.ru.

ПОПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА

СЕМЬ ПЕЧАТНЫХ ЛИСТОВ

В статье представлен обзор документов из фондов Государственного архива Амурской области (г. Благовещенск), отражающих деятельность исследователя, писателя В. К. Арсеньева в 1924, 1928–1929 годы.

Ключевые слова: Владимир Клавдиевич Арсеньев, архив, Приамурский отдел Русского географического общества, Академия наук СССР, Хабаровск, Владивосток, Благовещенск, музей.

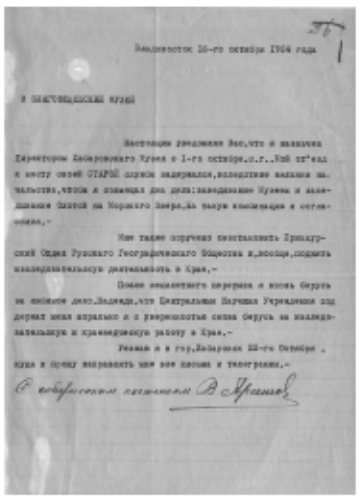
Keywords: Vladimir Klavdiyevich Arsenyev, archive, Priamursky Department of the (Imperial) Russian Geographical Society, Academy of Sciences of the Soviet Union, Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk, museum.

Именно в таком количестве представлена деловая переписка Владимира Клавдиевича Арсеньева в документах Государственного архива Амурской области (г. Благовещенск).

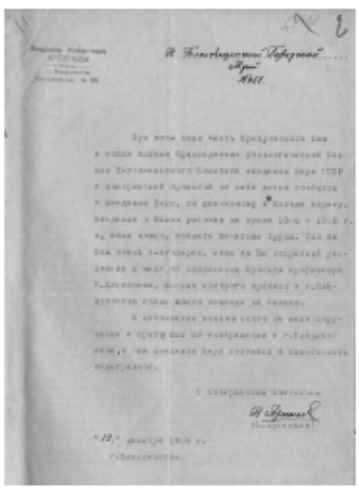
Семь коротких писем, хранящихся в фонде «Амурский областной краеведческий музей» [1], что они могут рассказать об авторе и адресанте — Владимире Арсеньеве? Как выяснилось, немало. Недаром говорят: мал золотник, да дорог.

Итак, слово документам.

Первые пять собраны в архивном деле «Переписка музея с В. Арсеньевым по вопросам, касающимся работы музея» [2]. Это четыре письма и обращение «о собирании материалов для Юбилейной в память А. П. Чехова выставки». Все напечатаны на пишущей машинке, но под каждым — собственноручная подпись Владимира Арсеньева. Самое раннее письмо, отправленное им «В Благовещенский Музей», датировано 16 октября 1924 года [2, л. 1]. В нём автор «уведомляет» о том, что «назначен Директором Хабаровского музея с 1-го октября с. г.» и что он «согласился на комбинацию» совмещать «два дела: заведование Музеем и заведование Охотой на Морского Зверя». Здесь же Арсеньев сообщает, что ему «также поручено возстановить Приамурский Отдел Русскаго Географического Общества и, вообще, поднять исследовательскую деятельность в Крае»[1] [2, л. 1].

Письмо от 16 октября 2024 года.

Письмо от 13 декабря 1928 года.

Согласитесь, такая «комбинация» под силу только человеку незаурядному, увлечённому своим делом, обладающему недюжинным талантом организатора и исследователя, и главное — человеку, уже хорошо известному и уважаемому в научном обществе, человеку с именем. Есть в этом письме ещё один биографический штрих: в октябре 1924 года Арсеньев переезжает из Владивостока в Хабаровск.

Следующая корреспонденция также адресована «Благовещенскому Городскому Музею» и отправлена 13 декабря 1928 года уже из Владивостока на личном бланке Арсеньева [2, л. 2]. Это сопроводительное письмо к копии обращения председателя этнографической секции Тихоокеанского комитета Академии наук СССР к В. К. Арсеньеву [2, л. 3]. Сам документ был отправлен исследователю на место его работы — в Хабаровский государственный краевой музей — ещё 10 апреля 1928 года. Но, как следует из письма, послание из Ленинграда не застало на месте адресата, он на тот момент находился во Владивостоке, откуда отправился на Кавказ. Об этом Владимир Клавдиевич сообщает в своём письме. Здесь же, в угловом штампе, указан адрес Арсеньева. В декабре 1928 года он проживал во Владивостоке, на улице Бестужевской, в доме № 35.

Третий документ, заверенный Арсеньевым, — та самая копия письма из Академии наук СССР в Хабаровский государственный краевой музей и ещё одно подтверждение, насколько высоко ценился вклад этого человека в науку.

Из письма: «Многоуважаемый Владимир Клавдиевич. Этнологическая Секция Тихоокеанского Комитета Академии Наук СССР, приступая к работам по подготовке материала для IV Всетихоокеанского съезда, имеющего состояться в 1929 г. в г. Батавии, и высоко ценя Ваши труды и познания в области этнологии народностей, населяющих побережье Тихого Океана, обращается к Вам с покорнейшей просьбой принять звание сотрудника Этнологической секции и содействовать ее работам. <…> Было бы… крайне важно получить от Вас сведения о предпринятых Вами… научных экспедициях, командировках и путешествиях <…> все, что Вы можете сообщить… будет принято нами с искренней признательностью» [2, л. 3].

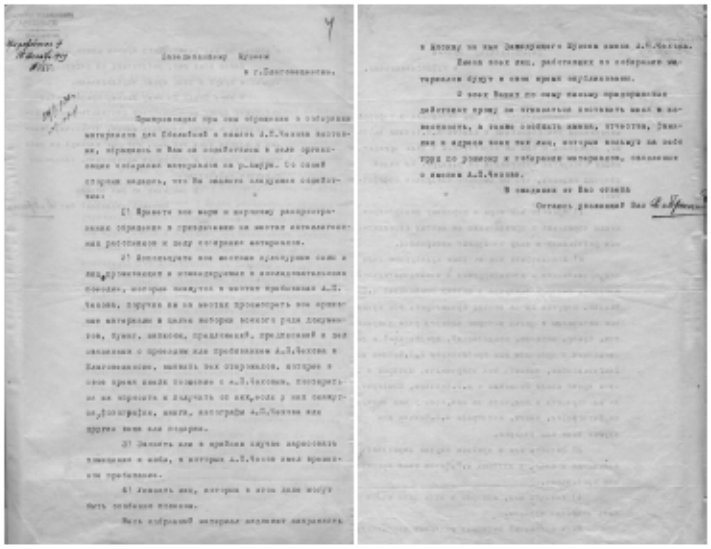

Копия письма из Академии наук СССР.

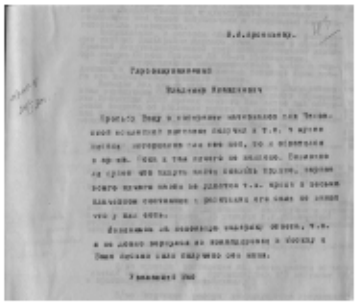
Ещё одно письмо, адресованное заведующему «Музеем в г. Благовещенске», Арсеньев также напечатал на личном бланке 16 декабря 1929 года [2, л. 4, 4 (об.)]. Здесь уже указан другой адрес: г. Владивосток, улица Федоровская, 7. В корреспонденции автор обращается с просьбой «оказать содействие» по сбору материалов, связанных с пребыванием на Амуре Антона Павловича Чехова.

К письму приложено обращение «о собирании материалов для Юбилейной в память А. П. Чехова выставки».

1 *Здесь и далее по тексту статьи при цитировании сохранена грамматика источника.*

Письмо от 16 декабря 1929 года.

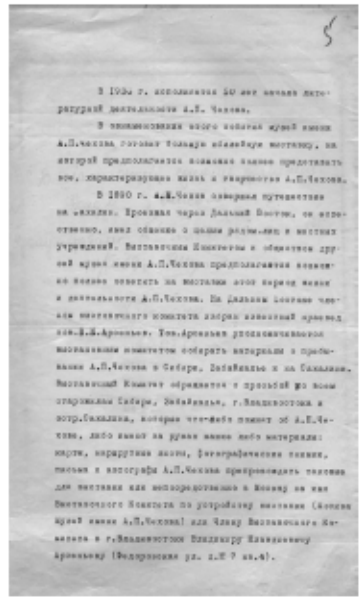

Ответ Арсеньеву от заведующего Благовещенским музеем.

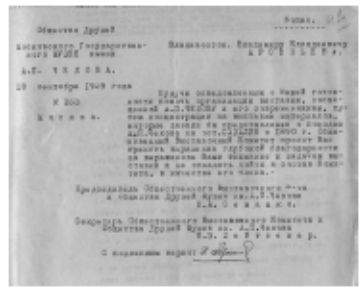
Это последний документ, вошедший в архивное дело. В нём сообщается, что «на Дальнем Востоке членом выставочного комитета избран известный краевед В. К. Арсеньев». В конце указан его адрес: «Федоровская ул. д. № 7 кв. 4» [2, л. 5].

Два документа — копия письма Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву во Владивосток из Москвы от Общества друзей Московского государственного музея имени А. П. Чехова [3, л. 42] и ответ Арсеньеву от заведующего Благовещенским музеем [3, л. 43] — хранятся в архивном деле «Переписка музея с организациями по краеведческим вопросам» [3].

Копию письма из столицы исследователь отправил в Благовещенский музей в надежде получить любую информацию о пребывании Чехова в Приамурье. Но, к сожалению, получил отрицательный ответ: «В музее никаких материалов для нее (юбилейной выставки. — *И. П.*) нет, то я обратился в архив. Пока и там ничего не найдено. Возможно ли будет что-нибудь найти, сказать трудно, вернее всего ничего найти не удастся, т. к. архив в весьма плачевном состоянии и работники его сами не знают, что у них есть» [3, л. 43].

Приложение к письму от 16.12.1929 — обращение «о собирании материалов для Юбилейной в память А. П. Чехова выставки».

Копия письма Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву от Общества друзей Московского государственного музея имени А. П. Чехова.

Представленные документы отражают лишь небольшой период деятельности Владимира Арсеньева — 1924, 1928 и 1929 годы. Уникальность их заключается и в том, что они помогают воссоздать картину последнего десятилетия жизни путешественника, географа, этнографа, писателя, исследователя Дальнего Востока. Его деятельность на самом пике оборвёт смерть от пневмонии. Владимир Арсеньев уйдёт из жизни 4 сентября 1930 года, за шесть дней до своего 58-летия.

Возможно, эти семь печатных листов помогут исследователям приоткрыть ещё одну страницу жизни Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Список использованных источников

1. *Амурский областной краеведческий музей им. Г. С. Новикова-Даурского // Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-41.*
2. *Переписка музея с В. Арсеньевым по вопросам, касающимся работы музея, 1924 г., 1929 г. // ГААО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5.*
3. *Переписка музея с организациями по краеведческим вопросам, 1929 г. // ГААО. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 37. Л. 42–43.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 26.01.2022.

Сведения об авторе: Попова Ирина Александровна, главный архивист отдела использования архивных документов Государственного архива Амурской области (г. Благовещенск).
Контактные данные: e-mail: irena_schulz@mail.ru; тел. 8-961-957-30-27.

ВОРОПАЕВА АЛЕКСАНДРА ВАЛЕРЬЕВНА

«В БИБЛИОТЕКУ ОТ АВТОРА. В. АРСЕНЬЕВ»

В статье представлены результаты исследования поступлений в Дальневосточную государственную научную библиотеку книг от В. К. Арсеньева в 1924–1928 годах.

Ключевые слова: Владимир Клавдиевич Арсеньев, Николаевская публичная библиотека, библиотека при Хабаровском областном музее, дарственные надписи, книги с автографами, инвентарные книги.

Keywords: Vladimir Klavdievich Arsenyev, Nikolaev Public Library, library at the Khabarovsk Regional Museum, presentation inscription, autographed books, accession book.

Статья подготовлена в рамках фундаментального научного исследования Дальневосточной государственной научной библиотеки «Книга как социокультурный феномен в контексте исторического развития Дальнего Востока».

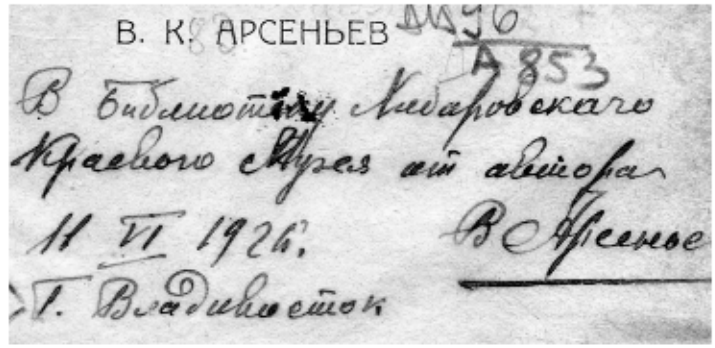
В октябре 1924 года Владимир Клавдиевич Арсеньев был повторно назначен директором краеведческого музея[1] в Хабаровске. С 1921 года это учреждение стало называться Хабаровским областным музеем, и в его состав вошла Николаевская публичная библиотека[2] [5, с. 55]. Предполагалось, что объединение двух культурных центров позволит легче пережить им последствия политического и экономического кризиса, наступившего в городе во время Гражданской войны и интервенции. Тем не менее первые два месяца 1922 года деятельность музея и библиотеки была приостановлена, помещения не отапливались, и работать там было невозможно. Служащие не получали зарплату, к холоду прибавился голод [5, с. 57]. Газета «Известия Приамурского областного управления» писала: «Положение краевого музея, представляющее единственное во всей Республике учреждение этого рода и редкое по ценности собрание коллекций этнографии и имеющего большую, громадного значения для изучения Республики в её настоящем и прошедшем, библиотеку, в данное время весьма плачевное» [4].

К марту 1922 года, после получения дров, работа библиотеки уже не прерывалась, продолжилось обслуживание читателей, сотрудники занимались инвентаризацией и каталогизацией фонда [5, с. 57].

В 1924 году руководство края пригласило В. К. Арсеньева в Хабаровск для приведения в порядок музея, пострадавшего в военное время. С его приходом была упорядочена работа и в библиотеке: решена проблема печатания каталожных карточек и переплёта, составлялись каталоги, пополнялся фонд. В декабре 1924 года Арсеньев написал письмо в Российскую академию наук с просьбой восстановить регулярное комплектование фонда печатными трудами академии. При этом он отметил, что обмен изданиями и нормальная жизнь библиотеки прекратились в 1917 году, а за время революции из фонда пропало много книг беллетристического содержания.

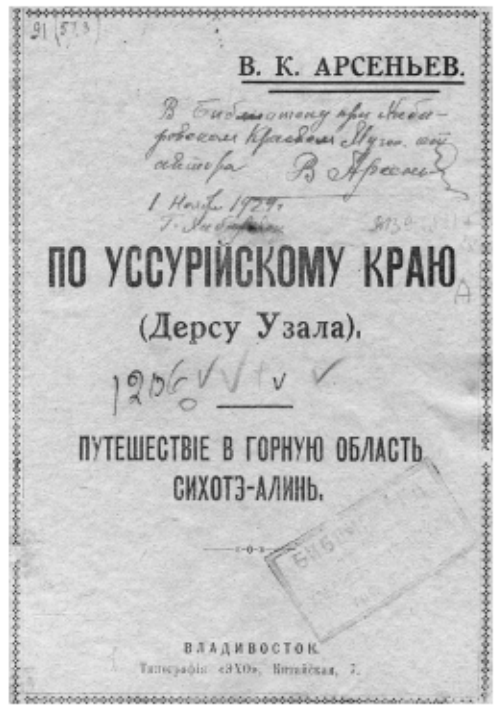
В отчёте о состоянии и деятельности библиотеки Хабаровского краевого музея за 1924–1925 годы, составленном В. К. Арсеньевым, указано, что фонд библиотеки пополнился за этот период более чем на тысячу экземпляров. Источники поступления — не только книжная палата и организации, но и дарители [3, с. 21].

Арсеньев и сам активно пополнял фонд библиотеки: в период с октября 1924 по июнь 1928 года он передал в дар 65 своих книг и книг других авторов. Многие из них сохранились до сегодняшнего дня и входят в фонд редких и ценных изданий. Принадлежность книг В. К. Арсеньеву за этот период установлена путём сверки инвентарных номеров на книгах с номерами в инвентарных книгах новых поступлений, где в графе «Где куплена или кем пожертвована» указывалось имя дарителя. В графе есть несколько видов записей о пожертвовании: «От автора», «Арсеньев», «От Арсеньева В. К.», «Пожертвована В. К. Арсеньевым», «В. К. Арсеньев автор». По этим записям невозможно определить, есть ли на книге какие-то знаки принадлежности Арсеньеву. Судя по всему, он подписывал только свои работы, недавно вышедшие в свет. Текст дарственной надписи на них был одним и тем же: «В библиотеку Хабаровского Краевого Музея от автора. В. Арсеньев». Отличалась только дата и место (Хабаровск или Владивосток) написания автографа.

Дарственная надпись В. К. Арсеньева.

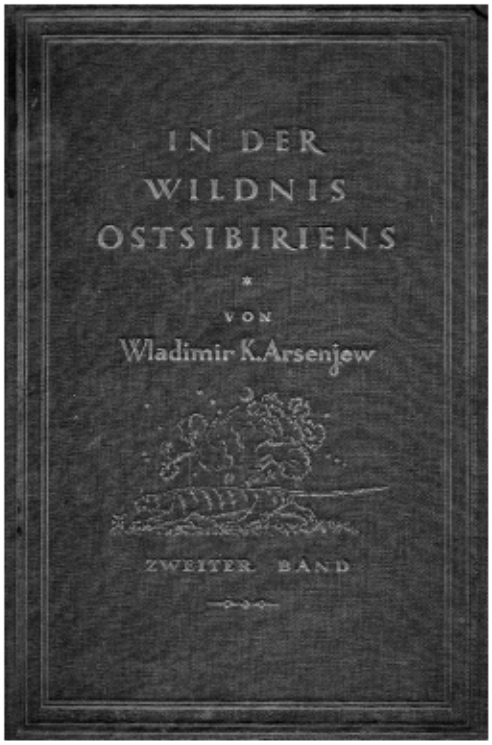
На передаваемых в библиотеку книгах других авторов В. К. Арсеньев, как правило, не оставлял никаких подписей. Сегодня в каталоге библиотеки можно найти практически все названия книг, которые дарил Арсеньев, но установить, был ли экземпляр подарен им самим или поступил другим путём, практически невозможно, так как в процессе бытования книги зачитывались, ремонтировались или реставрировались, и старый (первый) инвентарный номер утрачивался.

Автограф В. К. Арсеньева на книге «По Уссурийскому краю».

1 В первый раз он стал директором Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова Приамурского отдела ИРГО в июле 1910 г. и занимал этот пост до мая 1919 г.

2 В августе 1931 г. библиотека вышла из состава музея и влилась в краевую научную библиотеку.

Обложка книги на немецком языке «В дебрях Восточной Сибири».

В 1924 году Арсеньев подарил библиотеке пять книг. Точно можно сказать, что сегодня сохранилась одна — «По Уссурийскому краю». На ней имеются автограф автора от 1 ноября 1924 года и старый инвентарь. Записана в фонд она была в начале ноября. Ещё одна книга — «Дерсу Узала» — с автографом П. А. Русанову[3]. Арсеньев подписал её своему коллеге во Владивостоке 5 января 1923 года. Утверждать, что это та самая книга, подаренная в 1924 году, невозможно, так как на ней нет штампа библиотеки музея, а старый инвентарь утрачен. В 1924 году Арсеньев также передал следующие книги[4]: «Япония. Военно-географическое и статистическое обозрение» Н. Д. Богуславского (СПб., 1904 г.), «Некоторые данные об японском землетрясении 1 сентября 1923 г.» П. И. Полевого (Ленинград, 1924 г.), «Труды членов Российской Духовной Миссии» (СПб., 1909 г.).

В 1925 году от В. К. Арсеньева поступило 13 книг. В январе была записана книга «Северная Маньчжурия» (Харбин, 1916 г.). Сначала она была подарена Арсеньеву С. С. Бабиковым[5], затем Владимир Клавдиевич передал её в библиотеку. В феврале в фонд был записан первый том книги на немецком языке «В дебрях Восточной Сибири». Книга вышла в Берлине в 1924 году. Арсеньев написал письмо в издательство, в котором поблагодарил за этот экземпляр и попросил выслать второй том[6] [5, с. 22]. В июне в фонд были записаны книги «Дорогой хищник», «За соболями» (обе книги подписаны 31 мая в Хабаровске) и «Искатели женьшеня в Уссурийском крае». Последнюю книгу он дарил дважды: в мае и июне, но сохранилась только одна, с дарственной надписью от 30 апреля 1924 года.

В 1925 году были переданы ещё шесть книг: «Перечень денежных знаков, выпущенных и курсировавших на территории б. Российской империи в годы войны и революции (1914–1923)» Л. М. Иольсона и Н. И. Кардакова (Берлин, 1923 г.), «Сборник по управлению Восточной Сибирью» (т. 3, год не указан), американский журнал Natural history (т. 24, издан в Нью-Йорке в 1924 г.), «Южно-Маньчжурская железная дорога» И. В. Свиги (издание автора, Харбин, 1924 г.), «Морфинизм и другие наркомании в Амурской области» Н. И. Старокотлицкого (оттиск статьи из журнала «Сибирский врач», № 19, 1914 г.), «Флора Маньчжурии» В. Л. Комарова (т. 2, СПб., 1904 г.)[7]. Летом 1926 года В. К. Арсеньев был вынужден вернуться из Хабаровска во Владивосток, так как руководство не предоставило ему обещанной квартиры. С 1924 года, в течение 14 месяцев, он жил в доме своего друга С. С. Бабикова, в проходной комнате за занавеской. В таких условиях, где даже не было стола, Арсеньев не мог работать: писать статьи, книги, обрабатывать экспедиционные материалы [1, с. 3].

В 1926 году от В. К. Арсеньева поступило в библиотеку 24 книги. Сегодня из них найдено четыре: три с автографами Арсеньева («Командорские острова в 1923 году», «В дебрях Уссурийского края» и «Лесные люди удэхейцы»), одна («Реставрированный скелет исполинского ящера») с дарственной надписью автора А. Н. Рябинина В. К. Арсеньеву. Среди других подаренных изданий — семь научных журналов на русском и иностранных языках, несколько книг разных авторов по таксидермии, антропологии и ковроткачеству.

В 1927 году Арсеньев подарил библиотеке 21 книгу. Три из них хранятся в редком фонде: второй том «В дебрях Восточной Сибири» на немецком языке (Берлин, 1926 г.), перевод очерка «Китайцы в Уссурийском крае» на немецкий язык — «Русские и китайцы в Восточной Сибири» (Берлин, 1926 г.), книга Б. М. Житкова «О промысле и схроне птиц в дельте Волги» (СПб., 1914 г.). Остальные 18 изданий — журналы, такие как «Охотничье дело», «Русский Дальний Восток», «Русское Приморье» и другие, и труды по орнитологии.

Последние поступления от В. К. Арсеньева были в 1928 году. Он подарил две книги: «Быт и характер народностей

3 Павел Андреевич Русанов работал вместе с В. К. Арсеньевым в Управлении рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока. Арсеньев был заведующим отделом охоты на морского зверя, а Русанов — старшим специалистом по рыболовству. В 1930 г. Русанов был обвинён в антисоветской деятельности, а в 1931 расстрелян в Хабаровске. Реабилитирован в 1959 г.

4 Такие книги имеются в фонде ДВГНБ, но с другими инвентарями, автографов Арсеньева на них нет.

5 Сергей Сергеевич Бабиков — учёный-орнитолог, общественный деятель.

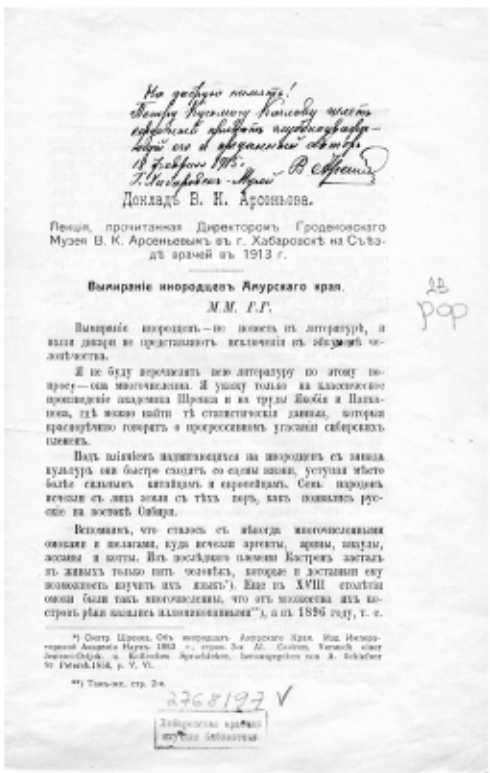
6 Второй том также имеется в библиотеке, в инвентарной книге в графе «Где куплена или кем пожертвована» значится «От автора», но на книге автографа Арсеньева нет.

7 Книга была передана в библиотеку автором через В. К. Арсеньева.

дальневосточного края»[8] (Хабаровск — Владивосток, 1928 г.) и «Тихоокеанский морж» (Хабаровск — Владивосток, 1927 г.). В библиотеке сохранилась только последняя книга. Автор подписал её во Владивостоке 3 июня 1928 года, в фонд она была записана 22 июня.

Несмотря на то что книг, поступивших до 1920-х годов, в Дальневосточной государственной научной библиотеке (ДВГНБ) не сохранилось, можно с уверенностью сказать, что библиотеке Арсеньев дарил свои книги и раньше. На сегодняшний день найдено два экземпляра с его дарственными надписями Николаевской публичной библиотеке Приамурского отдела Императорского Русского географического общества: «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк» с автографом 1912 года и «Вымирание инородцев Амурского края» с автографом 1914 года. Обе книги подписаны в Хабаровске.

Арсеньев дарил свои книги не только учреждениям, но и коллегам, друзьям. По какой-то причине некоторые не были переданы адресатам, а попали в библиотеку. Так, в 1915 году Арсеньев подписал две свои работы «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914 г.) и «Вымирание инородцев Амурского края» (Хабаровск, 1914 г.) известному путешественнику Петру Кузьмичу Козлову. В 1916 году Арсеньев сделал дарственную надпись на книге «Китайцы в Уссурийском крае» (Хабаровск, 1914 г.) своему коллеге, этнографу, преподавателю Хабаровского кадетского корпуса Владимиру Андреевичу Котову, а через год он такую же книгу подписал его матери Александре Ивановне Котовой. В 1923 и 1926 годах книги «Дерсу Узала» (Владивосток, 1923 г.) и «По Уссурийскому краю (Дерсу Узала)» (Владивосток, 1921 г.) Арсеньев адресовал своему коллеге Павлу Андреевичу Русанову. Сегодня эти книги хранятся в ДВГНБ.

Доклад В. К. Арсеньева.

Лекція, прочитанная Директоромъ Гродековскаго Музея В. К. Арсеньевымъ въ г. Хабаровскѣ на Съѣздѣ врачей въ 1913 г.

Вымираніе инородцевъ Амурскаго края.

М.М. Г.Г.

Вымираніе инородцевъ—не новость въ литературѣ, и наша лекція не представляетъ исключенія изъ обширной человѣчества.

Я не буду перечислять всю литературу по этому вопросу—она многочисленна. Я укажу только на классическое произведеніе академика Шренка и на труды Якобія и Палласа, гдѣ можно найти тѣ статистическія данныя, которыя краснорѣчиво говорятъ о прогрессивномъ угасаніи сибирскихъ племенъ.

Подъ вліяніемъ надвигающейся на инородцевъ съ запада культуры они быстро сходятъ со сцены жизни, уступая мѣсто болѣе сильнымъ китайцамъ и европейцамъ. Семь народовъ исчезли съ лица земли съ тѣхъ поръ, какъ появились русскіе на востокѣ Сибири.

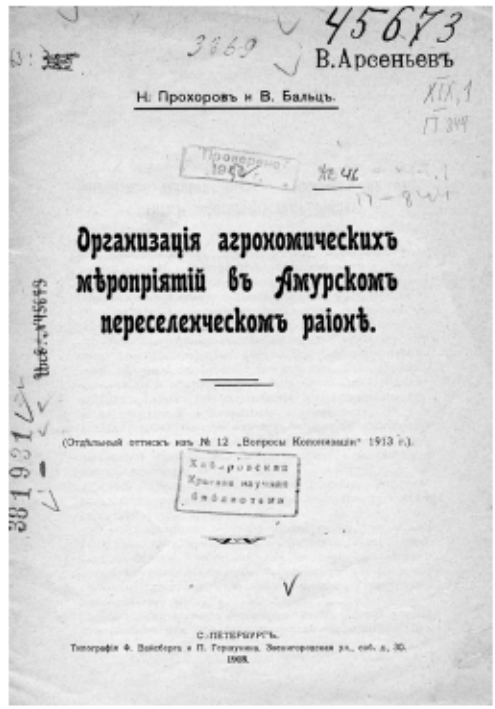
Вспомнимъ, что сталось съ обширными многочисленными овощами и полигами, куда исчезли аргеты, арины, шкулы, лосины и коты. Изъ послѣдняго племени Кастренъ застать въ живыхъ только пять человѣкъ, которые и доставили ему возможность изучить ихъ языкъ"). Еще въ XVIII столѣтіи овоши были такъ многочисленны, что отъ множества ихъ костровъ рѣки казались иллюминованными"), а въ 1896 году, т. е.

*) Смотр. Шренкъ. Объ инородцахъ Амурскаго Края. Изд. Императорской Академіи Наукъ. 1883 г., стран. 2-я. Ср. Castren, Versuch einer Jenisei-Ostjak. u. Kottischen Sprachlehre. Petersburg 1856 und A. Schiefner St. Petersb. 1856, p. V. VI.

**) Тамъ-же, стр. 2-я.

2768197
Забайкальская краевая научная библиотека

Дарственная надпись В. К. Арсеньева П. К. Козлову.

45673
3669
В. Арсеньевъ
Хабаровская Краевая научная библиотека

Н. Прохоровъ и В. Бальцъ.

Организація агрохомическихъ мѣропріятій въ Амурскомъ переселехческомъ раіохѣ.

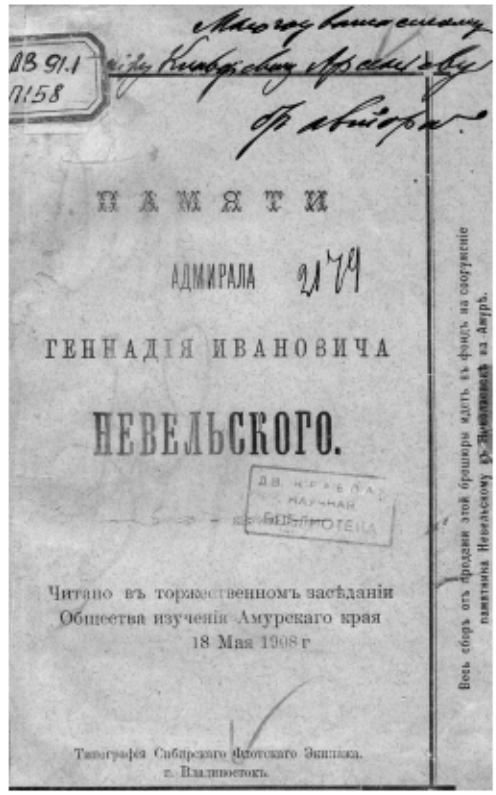
(Отдѣльный оттискъ изъ № 12 „Вопросы Колонизаціи" 1913 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. Вайсберга и П. Герауниова. Звенигородская ул., соб. д., № 30.
1913.

Штамп В. К. Арсеньева.

Помимо переданных В. К. Арсеньевым библиотеке книг с дарственными надписями, в ДВГНБ есть и книги из его личной библиотеки со штампами «В. Арсеньевъ» и «В. К. Арсеньев». Первый штамп ставился на дореволюционных изданиях, на титульном листе чёрными чернилами. Второй штамп Арсеньев проставлял фиолетовыми чернилами на нескольких страницах в книге.

Среди книг из личной библиотеки В. К. Арсеньева есть один конволют, состоящий из пяти аллигатов: «Краткого повторительного курса» математической географии, физической географии и географии в трёх частях. Это малоформатные издания размером 10х14 см. Книги были выпущены в 1878–1882 годах в Санкт-Петербурге. На титульном листе первого аллигата автограф: «Поручикъ Арсеньевъ». Книга попала в библиотеку до 1921 года — на форзаце есть штамп Николаевской публичной библиотеки.

ВВ 91.1
П158
ДВ. ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Книгу Арсеньеву

Г. Автор

ЗАПИСКИ

АДМИРАЛА

ГЕННАДІЯ ИВАНОВИЧА

НЕВЕЛЬСКОГО.

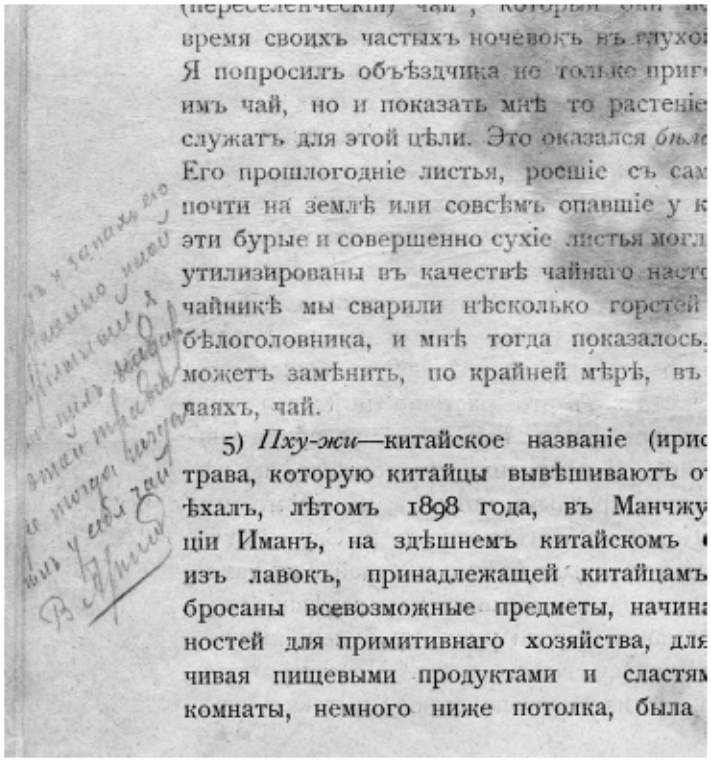
Читано въ торжественномъ засѣданіи Общества изученія Амурскаго края 18 Мая 1908 г.

Типографія Сибирскаго Флотскаго Экипажа. г. Владивостокъ.

Весь сборъ отъ продажи этой брошюры идетъ въ фондъ на сооружение памятника Невельскому въ Николаевскѣ на Амурѣ.

Дарственная надпись автора книги М. Жданко В. К. Арсеньеву.

8 Книга написана В. К. Арсеньевым в соавторстве с Е. И. Титовым.

время своихъ частыхъ ночевокъ въ глухо
Я попросилъ объѣздчика не только приг
имъ чай, но и показать мнѣ то растеніе
служатъ для этой цѣли. Это оказался *бы*
Его прошлогодніе листья, росшіе съ са
почти на землѣ или совсѣмъ опавшіе у к
эти бурые и совершенно сухіе листья мог
утилизированы въ качествѣ чайнаго наст
чайникѣ мы сварили нѣсколько горстей
бѣлоголовника, и мнѣ тогда показалось,
можетъ замѣнить, по крайней мѣрѣ, въ
паяхъ, чай.

5) *Пху-жи*—китайское названіе (ири
трава, которую китайцы вывѣшиваютъ о
ѣхалъ, лѣтомъ 1898 года, въ Манчжу
ціи Иманъ, на здѣшнемъ китайскомъ
изъ лавокъ, принадлежащей китайцамъ
бросаны всевозможные предметы, начин
ностей для примитивнаго хозяйства, дл
чивая пищевыми продуктами и сластя
комнаты, немного ниже потолка, была

Комментарии В. К. Арсеньева на полях книги В. П. Врадия «О растениях и древесных породах Дальнего Востока».

Исследователи предполагают, что у Арсеньева существовала инвентарная книга на его личную библиотеку. Об этом свидетельствуют номера, которые встречаются на обложках или титульных листах книг из его собрания [2, с. 4]. Практически на всех экземплярах ДВГНБ со штампом «В. Арсеньевъ» имеются такие инвентарные номера.

В коллекции В. К. Арсеньева были, конечно же, и книги, подаренные ему авторами. В ДВГНБ таких два экземпляра: «Реставрированный скелет исполинского ящера» А. Н. Рябинина ([Ленинград], 1925 г.) и «Памяти адмирала Геннадия Ивановича Невельского» М. Жданко (Владивосток, [1908] г.). Автографы на обеих книгах одинаковые: «Многоуважаемому Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву от автора».

Многие книги Арсеньева содержат пометы. Владимир Клавдиевич часто подчёркивал в тексте отдельные слова, предложения и делал к ним комментарии на полях. Под наиболее значимыми он ставил подпись: «В. Арсеньев». Например, книга В. П. Врадия «О растениях и древесных породах Дальнего Востока» (СПб., 1904 г.) изобилует такими пометами — практически к каждому абзацу есть его комментарии.

Комментарии и дополнения к тексту Арсеньев делал и в своих книгах. Так, в брошюре «Этнологические проблемы на востоке Сибири» вклеены полоски бумаги с отпечатанными на печатной машинке пояснениями к тексту.

Таким образом, на сегодняшний день в ДВГНБ хранится 35 экземпляров, переданных В. К. Арсеньевым в разные годы: 12 прижизненных изданий с дарственными надписями библиотеке, шесть — с автографами друзьям и коллегам, 17 — из личной библиотеки. Изучение коллекции Арсеньева продолжается, и, скорее всего, ещё будут найдены и другие книги, подаренные нам знаменитым путешественником и исследователем.

Список использованных источников

1. *Бурилова, М. Ф. Извилистые тропы Арсеньева / М. Ф. Бурилова // Тихоокеан. звезда. — 2012. — 5 авг.*
2. *«Книги, без которых не могу работать» : каталог личной библиотеки В. К. Арсеньева / О-во изучения Амур. края, РАН, Дальневост. отд., Центр. науч. б-ка ; сост. М. М. Щербакова. — Владивосток : ОИАК, 2005. — 374, [2] с.*
3. *Матвеева, Т. А. В. К. Арсеньев и библиотека // Тропой Дерсу : к 145-летию со дня рождения В. К. Арсеньева : биобиблиогр. указ. / М-во культуры Хабар. края, Дальневост. гос. науч. б-ка. — 2-е изд., доп. и испр. — Хабаровск : ДВГНБ, 2018. — 81 с.*
4. *О краевом музее // Известия Приамурского областного управления. — 1922. — № 23.*
5. *Рубан, Н. А. Дальневосточная государственная научная библиотека : 1920-е годы / Н. А. Рубан // История и культура Приамурья. — 2015. — № 1 (17). — С. 54–61.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 16.06.2022.

Сведения об авторе: Воропаева Александра Валерьевна, заведующий отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: red-dvgnb@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

СТРУК КРИСТИНА АНДРЕЕВНА

ИЗДАНИЯ ПОВЕСТИ В. К. АРСЕНЬЕВА «ДЕРСУ УЗАЛА» В ФОНДЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье представлен обзор изданий повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», хранящихся в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Ключевые слова: издания повести «Дерсу Узала», прижизненные издания В. К. Арсеньева, художественное оформление книг.

Keywords: publication of the story “Dersu Uzala”, lifetime editions of V. K. Arsenyev, artwork of books.

В 2022 году исполняется 150 лет со дня рождения талантливого писателя, учёного, исследователя, путешественника Владимира Клавдиевича Арсеньева. О его жизни и произведениях написано много трудов, книг, статей. Наследие В. К. Арсеньева изучается с точки зрения разных наук. Одни учёные пытаются заполнить «белые пятна» в его биографии, другие анализируют сочинения путешественника по географии и этнографии, и, наконец, его повести привлекают литературоведов своими художественными особенностями.

Биография, исследовательская деятельность и творческий путь В. К. Арсеньева освещались в работах Ф. Ф. Аристова, М. К. Азадовского, А. И. Тарасовой, И. С. Кузьмичёва, И. Н. Егорчева, Н. И. Плотниковой и других. В монографиях и статьях встречаются упоминания об изданиях книг В. К. Арсеньева (в том числе его повести «Дерсу Узала»), но ещё не было исследований, полностью посвящённых истории выхода в свет научных и художественных произведений путешественника.

Именно издания повести «Дерсу Узала», хранящиеся в фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки (далее — ДВГНБ) станут объектом данного исследования. Мы рассмотрим особенности наиболее интересных и значимых экземпляров книг В. К. Арсеньева.

Повесть «Дерсу Узала» содержит обширные сведения о природе, климате и географии Уссурийского края. Примечательна она ещё и тем, что автор создал образ гольда-проводника Дерсу, который прочно вошёл в историю не только литературы, но и мировой культуры. Он послужил прототипом для создания образов дальневосточных аборигенов А. Фадеевым (удэгейца Сарля), М. Пришвиным (Лувена) [9, с. 7]. Сюжет повести лёг в основу сценариев нескольких кинолент. Среди них известный советско-японский художественный фильм режиссёра Акиры Куросавы «Дерсу Узала», удостоенный премии «Оскар». Неслучайно Виктор Шкловский назвал Арсеньева «великим путешественником, а книгу о Дерсу Узала — великой книгой» [Цит. по: 8, с. 235]. Эта повесть до сих пор переиздаётся на разных языках и находит новых читателей.

Исследователь творчества В. К. Арсеньева Анна Ивановна Тарасова в монографии «Владимир Клавдиевич Арсеньев» приводит сведения о прижизненных и посмертных изданиях писателя. По её словам, «при жизни Арсеньева было опубликовано 20 книг и брошюр и более 60 статей, заметок, корреспонденций. Среди книг особенно примечательны “По Уссурийскому краю”, “Дерсу Узала”, “Китайцы в Уссурийском крае”, изданные на русском и немецком языках, “В дебрях Уссурийского края”, изданная дважды на русском языке, “Быт и характер народностей Дальневосточного края” — на русском и японском языках…» [11, с. 5]. Это говорит о том, что исследования и произведения путешественника привлекали внимание современников и пользовались определённой популярностью у читающей публики.

После смерти В. К. Арсеньева выходили собрания его сочинений и продолжали публиковаться отдельные статьи, заметки, очерки. Общий список напечатанных произведений исследователя насчитывает более 120 названий. В то время как выходили его неопубликованные работы, продолжали переиздаваться крупные повести. Например, книга «По Уссурийскому краю» с 1934 по 1983 год издавалась 17 раз на разных языках; «Дерсу Узала» с 1934 по 1984 год — 70 раз, из них 27 раз на русском языке; «В дебрях Уссурийского края» с 1928 по 1983 год — 20 раз, в том числе 10 раз на русском языке [11, с. 5–6].

Повесть «Дерсу Узала» создавалась на основе дневниковых записей, которые были сделаны В. К. Арсеньевым во время экспедиции 1907 года. Цели экспедиции автор формулирует в предисловии к первому изданию «Дерсу Узала» 1923 года, вышедшему в издательстве «Свободная Россия», так: «Для обследования его (Уссурийского края. — *К. С.*) в географическом и естественно-историческом отношениях автором настоящей книги, под флагом Русского Географического Общества, в 1907 году была предпринята экспедиция, снаряжённая на средства, отпущенные бывшим в то время приамурским генерал-губернатором П. Ф. Унтербергером» [3, с. I]. Записи в путевых дневниках, которые велись в ходе экспедиции, впоследствии были переработаны В. К. Арсеньевым в художественное произведение. По этому поводу исследователь жизни и творчества писателя М. К. Азадовский замечал: «Существует два типа описаний путешествия: непосредственные дневниковые записи (в таком виде дошло до нас “Путешествие” Миклухо-Маклая) или их литературные обработки: таковы сочинения Пржевальского, Певцова, Грум-Гржимайло и многих других, в том числе и Арсеньева» [1, с. 31].

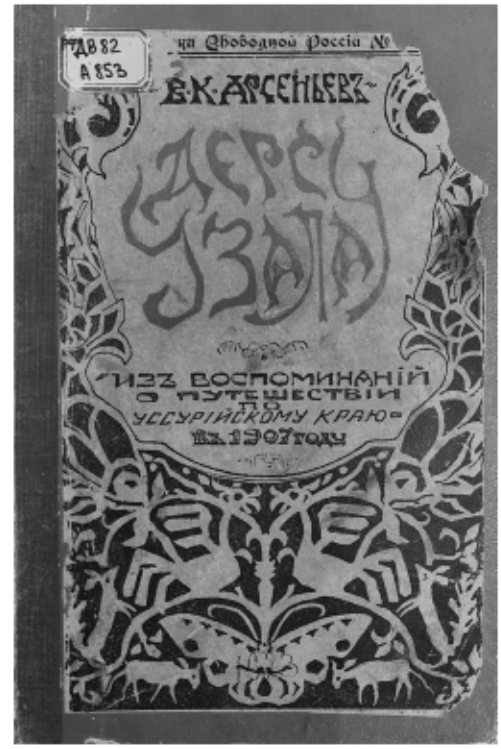
Говоря о создании и издании «Дерсу Узала», нельзя обойти стороной первую художественную повесть В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю». В ней описывается экспедиция 1906 года, целью которой было исследование хребта Сихотэ-Алинь. Именно в этом произведении впервые появляется проводник гольд (нанаец) Дерсу.

В предисловии к первому изданию «Дерсу Узала» 1923 года В. К. Арсеньев объясняет связь повести с предыдущей книгой «По Уссурийскому краю»: «Означенная экспедиция является продолжением экспедиции 1906 года. Вот почему и настоящий труд представляет из себя тоже как бы продолжение книги “По Уссурийскому краю”, выпущенной в свет в 1921 году» [3, с. I].

Кандидат филологических наук Наталья Иосифовна Плотникова в своей диссертации «В. К. Арсеньев: творческая индивидуальность писателя. Жанровое своеобразие прозы» по поводу первых публикаций путешественника замечает: «Самая первая книга была напечатана в виде очерков в газете "Приамурье" в 1913–1914 гг., а полностью книга "По Уссурийскому краю" была издана только в 1921 г. при активном участии Маргариты Николаевны[1], и потом, в 1923 г. напечатана вторая книга "Дерсу Узала"» [9, с. 52–53]. Оба эти издания хранятся в Центре консервации документов и изучения книжных памятников ДВГНБ.

Издание повести «Дерсу Узала» 1923 года из фонда ДВГНБ содержит дарственную надпись от В. К. Арсеньева П. А. Русанову. Автограф на этой книге такой: «Глубокоуважаемому Павлу Андреевичу Русанову в знак искреннего расположения к нему автора. В. Арсеньев. 5 I 1923 г. Г. Владивосток». Заведующая отделом «Центр консервации документов и изучения книжных памятников» ДВГНБ А. В. Воропаева в статье «Документы В. К. Арсеньева в редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки» подробно рассматривает собрание писем и книг с автографами из фонда редких и ценных изданий библиотеки. Исследователь устанавливает личности адресатов. В этой работе описывается автограф к изданию «Дерсу Узала» 1923 года. А. В. Воропаева приводит такие сведения о П. А. Русанове: «В эти годы[2] Арсеньев и Русанов проживали во Владивостоке, вместе работали в управлении рыбными и звериными промыслами Дальнего Востока. Арсеньев был заведующим отделом охоты на морского зверя, Русанов — старшим специалистом по рыболовству» [4, с. 132]. В. К. Арсеньев и П. А. Русанов были коллегами, этим и объясняется такая дарственная надпись.

Об оформлении первого издания «Дерсу Узала» В. К. Арсеньев пишет следующее: «Обложка книги нарисована талантливой рукой А. Н. Клементьева, а рисунки в тексте выполнены по фотографиям К. П. Трофимовым. Без участия обоих названных художников книга много потеряла бы не только во внешности, но и в содержании» [3, с. II]. В книге помещаются рисунки и фотографии на отдельных листах. Оформление обложки стилизовано под орнаментику коренных малочисленных народов Дальнего Востока. Рисунок представляет собой симметрично расположенный узор, в составе которого легко угадываются представители фауны Уссурийского края. Внизу располагается бабочка, справа и слева он неё — олени, чуть выше — птицы. Растительный орнамент обрамляет текст обложки, где помещаются сведения об авторе и о названии книги. Буквы, составляющие слова «Дерсу Узала», выполнены причудливой вязью. Их очертания похожи на ветви деревьев. Из издательства книга вышла в мягкой обложке. А в ДВГНБ со временем для этой книги был сделан твёрдый переплёт, на верхнюю сторонку которого выклеили обложку.

Обложка первого издания В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», 1923 год.

Судьба книг В. К. Арсеньева во многом зависела от политической и идеологической обстановки, складывающейся в стране на рубеже веков. Арсеньев родился 10 сентября (29 августа по старому стилю) 1872 года в Санкт-Петербурге, а умер в 1930 году во Владивостоке. Он был свидетелем смены власти, революций, Гражданской войны на Дальнем Востоке. И, конечно, все эти события не могли не сказаться на процессе издания книг Арсеньева, их внешнем виде. Иван Николаевич Егорчев, журналист, писатель, краевед, один из самых авторитетных исследователей жизни и творчества путешественника, в книге «Неизвестный Арсеньев» пишет по этому поводу: «Создание своих первых художественных произведений В. К. Арсеньев в целом завершил ещё до событий 1917 года, но издать их тогда не смог. Только в 1920 году в Уссурийске вышла 17-страничная брошюра с двумя его рассказами — "Амба" и "Ли-Цун-Бин" из будущей повести "Дерсу Узала"» [5, с. 17]. О затруднениях, связанных с изданием книг, сам Арсеньев ещё в 1916 году писал Дмитрию Николаевичу Анучину, профессору антропологии и географии Московского университета, председателю Общества любителей естествознания, антропологии, этнографии. В письме автор сообщает: «Свою работу в 840 страниц я закончил вполне, но из-за недостатка бумаги теперь придётся повременить её печатать» [Цит. по: 8, с. 138]. Первые издания книг В. К. Арсеньева выходят в мягких обложках, на плохой бумаге и с большим количеством опечаток.

А. И. Тарасова пишет о значении первых изданий повестей писателя: «С выходом в свет во Владивостоке научно-художественных книг В. К. Арсеньева "По Уссурийскому краю"

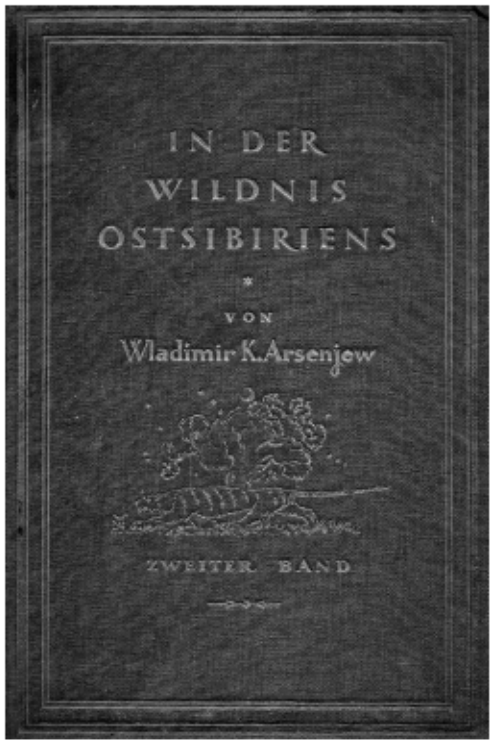
1 Вторая жена Арсеньева.
2 Имеется в виду промежуток с 1923 по 1926 г.

(1921) и "Дерсу Узала" (1923), являющихся в известной мере автобиографическими, дальневосточные газеты публикуют ряд отзывов на эти книги, а вскоре появляются отклики на них и в центральной печати. С этого времени Арсеньев стал известен не только как путешественник, но и как писатель» [11, с. 13]. Критика приняла его хорошо. Рецензенты восхищались автором и отмечали большую познавательную ценность и художественные достоинства его прозы, но тогда попыток критического анализа произведений ещё не предпринималось.

Следующим по хронологии прижизненным изданием повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала» является книга In der Wildnis Ostsibiriens («В дебрях Восточной Сибири») в двух частях, вышедшая в 1924 году в Берлине на немецком языке. Хлопотал об издании сочинений путешественника предприниматель Евгений Иванович Пеппель. Книга вышла в издательстве Августа Шерля, основателя газетно-издательского концерна в Германии. Он выпускал популярные немецкие журналы, за счёт чего издательство имело самые большие тиражи.

Книга представляет собой перепечатку двух произведений В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Эти повести представлены без сокращений. Издание In der Wildnis Ostsibiriens проиллюстрировано фотографиями и вкладными картами.

Предисловие к первой части книги написал Фритьоф Нансен — известный норвежский путешественник и Нобелевский лауреат. В. К. Арсеньев был с ним знаком. Они встречались в Хабаровске в 1913 году, а в дальнейшем переписывались, обменивались книгами и фотографиями. Ф. Нансен высоко оценивает работы Арсеньева. В предисловии к немецкому изданию он пишет: «Уже прошло много времени с тех пор, как я встретил в Хабаровске на Амуре выдающегося исследователя Восточной Сибири В. К. Арсеньева. Он рассказал мне о своих высокоинтересных путешествиях через девственную тайгу Уссурийского края…»[3] [2, с. 3]. Далее Ф. Нансен замечает: «…мне казалось очень прискорбным, что описания его путешествий и наблюдений не были опубликованы ни на одном из западноевропейских языков. Но теперь передо мною лежит книга В. К. Арсеньева, изданная на немецком языке, и составитель просил меня написать к ней предисловие, что исполняю с особенной радостью» [2, с. 3].

Переплёт немецкого издания В. К. Арсеньева In der Wildnis Ostsibiriens, вышедшего в Берлине в 1924 году.

На авантитуле первой части надпись: «В библиотеку Хабаровского Краевого музея от автора В. Арсеньева. 22.II.1928». Путешественник неслучайно дарит эту книгу в библиотеку Хабаровского краевого музея. Он возглавлял музей с 1910 по 1919 год и в 1924–1925 годах. С 1921 года Николаевская публичная библиотека вошла в состав Хабаровского краевого музея. Тогда же она была переименована в библиотеку при Хабаровском областном музее [10, с. 4]. В 1924 году директором музея был назначен Владимир Клавдиевич Арсеньев. В это время фонды библиотеки начали активно пополняться новыми изданиями (в том числе и книгами, пожертвованными частными лицами), велась работа по каталогизации, библиотека была открыта для пользователей 304 дня в году [10, с. 9]. В. К. Арсеньев также дарил в фонд книги из своей личной библиотеки. Он проработал директором музея и библиотеки всего один год, но, даже оставив этот пост, продолжал передавать свои книги в фонд библиотеки. Об этом свидетельствует данный автограф, сделанный в 1928 году.

Обложка издания «В дебрях Уссурийского края», 1926 год.

Спустя два года после выхода в Берлине книги In der Wildnis Ostsibiriens во Владивостоке, в издательстве «Книжное дело», издаётся книга «В дебрях Уссурийского края» на рус-

3 Здесь приводится русский перевод предисловия Ф. Нансена из издания 1924 г., который был опубликован в книге «В дебрях Уссурийского края», изданной в 1926 г.

ском языке. Она является сокращённым вариантом первых двух книг «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Это издание также хранится в Центре консервации документов и изучения книжных памятников ДВГНБ. На титульном листе книги имеется автограф: «В Библиотеку Хабаровскаго Краевого Музея от автора 8 III 1926. Г. Владивосток. В. Арсеньев».

Об этом издании И. Н. Егорчев пишет: «В 1926 году некий "литератор", так и оставшийся инкогнито (судя по последующим письмам В. К. Арсеньева, это был не сам автор), значительно сократил тексты этих двух книг и объединил их под одной обложкой с новым названием "В дебрях Уссурийского края". "Совмещённое" издание состояло из двух частей без отдельных заглавий, примерно соответствующих по общему содержанию двум первым книгам В. К. Арсеньева. Прекрасно иллюстрированная художником С. И. Яковлевым, эта книга вышла во Владивостоке, в издательстве "Книжное дело", потом в Хабаровске; затем много раз переиздавалась, в том числе и в Москве» [5, с. 17]. Впоследствии сам В. К. Арсеньев неоднократно замечал в письмах, что первые издания 1921 и 1923 годов хоть и не очень качественно исполнены, но намного богаче по содержанию.

Книга «В дебрях Уссурийского края» 1926 года издания проиллюстрирована рисунками Сергея Ивановича Яковлева (1862–1930 гг.), который был не только художником, но и путешественником. Примечательно, что С. И. Яковлев не получил профессионального художественного образования, он брал уроки у художника Н. М. Плюснина и много занимался сам. Сергей Иванович стал первым, кто проиллюстрировал книги Д. Н. Мамина-Сибиряка. В период Гражданской войны художник приехал во Владивосток, где и познакомился с В. К. Арсеньевым.

Именно эту книгу читал Максим Горький. Он отметил изобразительную силу текста, научную ценность и сравнил В. К. Арсеньева с А. Э. Бремом и Ф. Купером.

В ответ на такой хвалебный отзыв В. К. Арсеньев пишет М. Горькому письмо с благодарностью и объяснением особенностей этого издания: «Книга, которую Вы читали, представляет из себя переработанное и сокращённое издание первых двух, которые изданы были очень плохо, но богаче содержанием. Сейчас "В дебрях Уссурийского края" печатается во втором издании. Я её выправил и пополнил…» [Цит. по: 8, с. 202].

М. Горький пишет в ответ: «Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора, но, кроме того, я Вас прошу сказать "Книжному делу", чтобы мне выслали ещё два экземпляра. Это — для знакомых, которые брали у меня первое издание и так же влюбились в книгу, как я. Почему Вы не предложите Госиздату издать этот Ваш труд? Важность его также неоспорима, как и красота. У Вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодёжи, которая должна знать свою страну. Посылаю Вам мою книгу. Будьте здоровы. А. Пешков» [Цит. по: 8, с. 203]. Из этого письма видно, что В. К. Арсеньев и М. Горький обсуждали вопросы издания книг путешественника. Горький давал советы и подбадривал своего коллегу. Между ними завязалась переписка. Арсеньев рассказывал Горькому о своих успехах в литературной работе, о предложениях публиковаться в Госиздате, «Молодой гвардии», «Земле и фабрике».

В 1928 году «Книжное дело» выпустило новым изданием «В дебрях Уссурийского края». Один из экземпляров этой книги хранится в отделе краеведения ДВГНБ.

После издания этих книг к В. К. Арсеньеву пришло писательское признание. Но отношение автора к ним было не таким восторженным. Арсеньев настаивал на переиздании именно первых двух книг — «По Уссурийскому краю» (1921 г.) и «Дерсу Узала» (1923 г.). «В дебрях Уссурийского края» он называет «школьным», «детским» вариантом тех книг. Кроме того, путешественник замечает, что издательство «Книжное дело», работая над книгой «В дебрях Уссурийского края», выпускало абзацы из текста повестей, а иногда даже целые страницы. «Мало того, — продолжает Арсеньев, — вместо выпускаемых абзацев какой-то неведомый мне гражданин по поручению "Книжного дела" вставлял мостики совершенно безграмотно… Такое бесцеремонное обращение с чужой книгой иллюстрирует невнимание к читателю… Меня это даже как-то расстроило, потому что лицо, позволившее себе такое отношение к моей рукописи, спряталось за моей фамилией». Эту цитату приводит в своей монографии А. И. Тарасова [Цит. по: 11, с. 36]. Несмотря на отношение автора к этому изданию, именно после его выхода В. К. Арсеньеву стали поступать предложения о публикации его книг от разных издательств и редакций.

21 июня 1929 года В. К. Арсеньев заключил договор об издании Собрания сочинений в пяти томах с издательством «Молодая гвардия». Но этим планам не дано было осуществиться. Писатель умер в 1930 году.

Несмотря на то что книги В. К. Арсеньева активно печатались, его творчество не было признано советскими литературными критиками. Идеологи РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) резко высказывались в отношении писателей, которые не входили в их объединение. В. К. Арсеньев не был признан представителями РАППа. А. М. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), об этом пишет следующее: «Начинающий писатель Арсеньев, несмотря на высокую оценку его книги А. М. Горьким, не был и не мог быть особо признан другими работниками

этого "цеха" в период противостояния РАППа и "Перевала"[4]» [7, с. 109]. Более резко эту ситуацию описывает А. И. Тарасова: «После того как местные рапповцы-догматики взяли на себя "труд" огульного охаивания Арсеньева-писателя, кампания по "развенчиванию" его авторитета приняла характер полного "изничтожения" его трудов» [11, с. 24]. Ещё при жизни В. К. Арсеньева в печати начинают появляться статьи, критикующие его научные методы, указывающие на ошибки в работах, дающие отрицательную характеристику трудам. Даже после смерти писателя критика в его адрес не утихает.

Несмотря на нападки со стороны критиков, в Москве и Ленинграде продолжают публиковаться сочинения В. К. Арсеньева. В 1934 году в издательстве «Детгиз» выходит «Дерсу Узала». Это второе издание повести. Книга содержит иллюстрации Л. А. Бруни, русского и советского художника-авангардиста. Издание хранится в фонде ДВГНБ.

Почти все издания В. К. Арсеньева, вышедшие после его смерти, претерпели правки редакторов и цензурные исправления. Авторские тексты сокращались, порой весьма значительно. Допускались вольности в названиях книг писателя. Учёный секретарь Приморского филиала Географического общества Н. А. Навиндовский, занимавшийся подготовкой первого Собрания сочинений В. К. Арсеньева, писал: «Вольность с названием книг. Так, книга "По Уссурийскому краю — путешествие в горную область Сихотэ-Алинь в 1902–1906 гг." названа "По Уссурийской тайге"» [6, с. 9].

Первое Собрание сочинений В. К. Арсеньева увидело свет лишь спустя 17 лет после смерти писателя — в 1947 году. В связи с 75-летним юбилеем со дня рождения путешественника во владивостокском «Примиздате» вышел первый том. Произведения писателя были сокращены и подверглись цензурным исправлениям. Во втором томе этого издания печатается повесть «Дерсу Узала». Данное Собрание сочинений хранится в фонде ДВГНБ.

В последующие годы «Дерсу Узала» переиздаётся очень часто. В фонде ДВГНБ есть издания 1949, 1952, 1954, 1955, 1956, 1960, 1969, 1972, 1977, 1978, 1983, 1988, 1989, 1997, 2006, 2008, 2010 годов. В большинстве своём эти книги ничем не примечательны. Рассмотрим лишь некоторые из них.

Начнём с издания 1983 года с иллюстрациями художников Галины Борисовны Лавренко и Сергея Николаевича Есипова. Интересно оно именно с точки зрения оформления. Выпустило эту книгу Дальневосточное книжное издательство во Владивостоке. Текст печатался по ленинградскому изданию В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю. Дерсу Узала» 1978 года. Книга включает 44 полностраничные цветные иллюстрации, сделанные супругами Г. Б. Лавренко и С. Н. Есиповым. Сейчас художники живут и работают в Санкт-Петербурге. С. Н. Есипов окончил графический факультет Всероссийской академии художеств, его дипломной работой было оформление и иллюстрации к повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала». Г. Б. Лавренко училась в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. Первые её иллюстрации были созданы для книг, выпускаемых Дальневосточным книжным издательством, работа над некоторыми изданиями велась супругами совместно. Вместе они оформили книгу «Дерсу Узала» 1983 года. Их рисунки лаконичны и самобытны. Отличительной чертой иллюстраций этих художников становится присутствие в каждой картинке особого, неповторимого внутреннего мира, в котором выражается интерпретация текста произведения в визуальных образах.

В 1997 году исполнилось 125 лет со дня рождения В. К. Арсеньева. К этому событию издательство «Терра» выпускает переиздание «Дерсу Узала» с иллюстрациями Д. Лемко. В этом же году повесть выходит в составе двухтомника «Избранные произведения» в Хабаровском книжном издательстве. Составителем этой книги выступает Виктор Сергеевич Шевченко (1939–1998 гг.), дальневосточный журналист и редактор. Он работал в газете «Молодой дальневосточник», журнале «Дальний Восток», долгое время занимал должность главного редактора в Хабаровском книжном издательстве. Тексты произведений в двухтомнике

Рисунок с переплёта книги «Дерсу Узала», 1983 год. Художники — Г. Б. Лавренко и С. Н. Есипов.

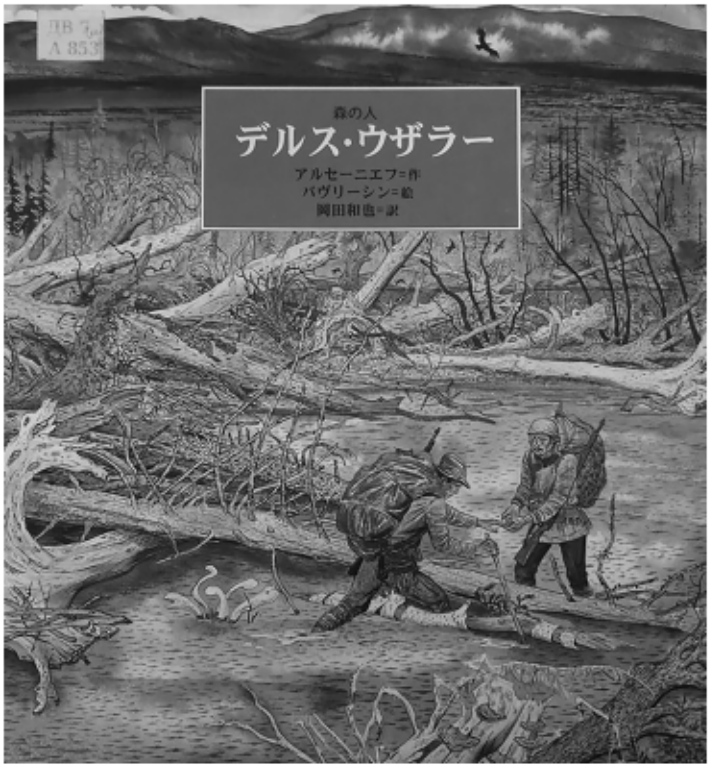
4 Всесоюзное объединение рабоче-крестьянских писателей. Литературное объединение, существовавшее с 1923 по 1932 г.

печатались с исправлениями и дополнениями по изданиям В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» 1984 года и «Дерсу Узала» 1989 года. Помощь в подготовке двухтомника осуществляла Дальневосточная государственная научная библиотека. Книга в суперобложке, на обратной стороне которой напечатана карта с маршрутами путешествий В. К. Арсеньева. Издание проиллюстрировано чёрно-белыми фотографиями.

В 2006 году выходит прекрасное издание «Дерсу Узала» на японском языке с иллюстрациями Геннадия Дмитриевича Павлишина. Эта книга хранится в отделе краеведения ДВГНБ. Судя по объёму книги, текст повести сильно сокращён, наибольшую ценность представляет её оформление. Издание украшено чёрно-белыми и цветными рисунками. Иллюстрации выполнены в акварельной технике. Их создал один из самых известных и талантливых дальневосточных художников — хабаровчанин Г. Д. Павлишин. Ещё со студенческих лет его привлекала книжная графика, а живой интерес к быту и культуре коренных малочисленных народов Дальнего Востока позволил Г. Д. Павлишину привнести в художественные работы неповторимый колорит. Он создал иллюстрации к книгам Д. Д. Нагишкина «Амурские сказки», Вс. П. Сысоева «Золотая Ригма», поэтическим сборникам П. С. Комарова и другим. Японское издание «Дерсу Узала» очень яркое и красочное. Сразу заметен интерес художника к деталям. Каждый его рисунок представляет собой отдельный художественный текст, все детали в котором композиционно выстроены и выверены. И в то же время в книге слово писателя и иллюстрации неразрывно связаны и «рассказывают» единую историю.

В 2008 году к 135-летию со дня рождения В. К. Арсеньева выходит его Собрание сочинений в 7 томах. Оно было выпущено владивостокским издательством «Краски». В собрание вошли как самые известные произведения путешественника, так и малоизученные труды. Во втором томе в двух частях была опубликована повесть «Дерсу Узала». Особенность этого издания в том, что тексты произведений и работ В. К. Арсеньева не сокращены, они печатались с первых прижизненных книг автора.

С 2010 года повесть Владимира Клавдиевича Арсеньева «Дерсу Узала» переиздаётся почти каждый год на разных языках. Это говорит о неугасающем интересе к творчеству писателя и актуальности затрагиваемых в его произведениях тем. Экземпляры изданий «Дерсу Узала», хранящиеся в ДВГНБ, открывают широкий простор для исследователей,

Переплёт японского издания «Дерсу Узала» 2006 года, иллюстрированного Г. Д. Павлишиным.

Иллюстрация Г. Д. Павлишина к японскому изданию повести В. К. Арсеньева «Дерсу Узала», 2006 год.

изучающих историю книжной печати на Дальнем Востоке в XX–XXI веках, судьбу произведений писателя и, конечно, жизнь и творчество В. К. Арсеньева.

Список использованных источников

1. *Азадовский, М. К. В. К. Арсеньев : критико-биографический очерк / М. К. Азадовский. — Москва : Детгиз, 1956. — 80 с.*
2. *Арсеньев, В. К. В дебрях Уссурийского края / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Кн. дело, 1926. — 464 с.*
3. *Арсеньев, В. К. Дерсу Узала. Из воспоминаний о путешествии по Уссурийскому краю в 1907 г. / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Т-во Изд. «Свободная Россия», 1923. — [2], II, [2], 255, [1], IV с., [8] л. ил. — (Библиотека Свободной России ; № 20).*
4. *Воропаева, А. В. Документы В. К. Арсеньева в редком фонде Дальневосточной государственной научной библиотеки / А. В. Воропаева // Культура и наука Дальнего Востока. — 2019. — № 2 (27). — С. 128–133.*
5. *Егорчев, И. Н. Неизвестный Арсеньев / И. Егорчев. — Владивосток : Дальиздат, 2016. — 79 с.*
6. *«Книги, без которых не могу работать» : каталог личной библиотеки В. К. Арсеньева / О-во изучения Амур. края, РАН, Дальневост. отд., Центр. науч. б-ка ; сост. М. М. Щербакова ; при участии Т. З. Матвеевой, Р. В. Гусенко, Т. А. Самойленко ; предисл., коммент. и науч. ред. А. А. Хисамутдинова. — Владивосток : ОИАК, 2005. — 374, [1] с.*
7. *Кузнецов, А. М. История Дерсу Узала, рассказанная В. К. Арсеньевым, как выражение «всевместительности души» / А. М. Кузнецов. — Текст: электронный // Изв. Вост. ин-та. — 2017. — № 3 (35). — С. 108–120. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-dersu-uzala-rasskazannaya-v-k-arsenievym-kak-vyrazhenie-vsevmestitelnosti-dushi (дата обращения: 25.05.2022).*
8. *Кузьмичёв, И. С. Писатель Арсеньев: личность и книги / И. Кузьмичев. — [Ленинград] : Совет. писатель, 1977. — 238 с.*
9. *Плотникова, Н. И. В. К. Арсеньев : творческая индивидуальность писателя. Жанровое своеобразие прозы : дис. … канд. филол. наук : 10.01.01 / Н. И. Плотникова ; Дальневост. гос. ун-т. — Владивосток, 2003. — 244 с. — Библиогр.: с. 218–234. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002607695/ (дата обращения: 02.06.2022). — Текст: электронный.*
10. *Рубан, Н. А. Дальневосточная государственная научная библиотека : 1920-е годы / Н. А. Рубан // История и культура Приамурья. — 2015. — № 1 (17). — С. 54–61.*
11. *Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова ; отв. ред. В. С. Мясников ; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, 1985. — 344 с. : ил. — (Русские путешественники и востоковеды).*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 17.06.2022.

Сведения об авторе: Струк Кристина Андреевна, главный библиотекарь отдела «Центр консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: struk_christina@mail.ru; тел. (4212) 31-23-23.

КАВЕЦКАЯ ВЕРА ВЯЧЕСЛАВОВНА

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В. К. АРСЕНЬЕВА И ЕГО ОСВОЕНИЕ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Владимир Клавдиевич Арсеньев оставил обширные собрания сведений и артефактов по многим научным направлениям. Особое значение имеют его народоведческие изыскания, составившие этнографическое наследие исследователя. В статье даётся определение рассматриваемого феномена, характеризуются особенности этнографического наследия В. К. Арсеньева, рассматриваются направления, формы и методы его освоения музейными институциями, в которых оно хранится.

Ключевые слова: этнографическое наследие, В. К. Арсеньев, музейные практики наследования.

Keywords: ethnographic heritage, V. K. Arsenyev, museum inheritance practices.

Включение в состав Российской империи во второй половине XIX века новых территорий и их хозяйственное и культурное освоение породили небывалый интерес к науке о народах, которые становились известными жителям европейской части страны в ходе «внутренней колонизации»[1].

Сфера научного знания, именовавшаяся «этнография», «этнология», «народоведение», проходила стадию своего становления в российских реалиях под влиянием европейского подхода к изучению ойкумены[2]. Над созданием базиса данных об открываемых жителям центральных областей страны сибирских и дальневосточных этносах, находившихся на разных ступенях цивилизационного развития, трудилось множество исследователей. Большинство из них осуществляли эту деятельность без специальной подготовки, опираясь на опыт путешественников, описанный в книгах или переданный в личном общении. Достаточно сказать, что в российской высшей школе курс по этнографии был включён в учебную программу естественно-научного факультета Московского университета в 1870-х годах, а в Санкт-Петербургском университете появился только в 1900-е годы [7, с. 544].

Особенностью начального периода собирания самых разных сведений о народах страны была включённость этой работы в деятельность комплексных экспедиций по исследованию различных регионов России. Комплексный подход к изучению территорий позволял глубже понять истоки народных культур, укоренённых в природной среде, отличавшейся уникальным своеобразием в каждом из своих уголков.

В результате накопления народоведческих знаний и их первичной атрибуции стали складываться многочисленные этнографические коллекции в уже существовавших и вновь создававшихся музеях. Стоит подчеркнуть, что этнография и музейное дело в нашей стране зачинались в одно время и в тесном единстве. Можно сказать, что этнография росла и развивалась в музейных стенах. Музеи в тот период были местами притяжения научных сил регионов и очагами просвещения местных сообществ. Поэтому не удивительно, что большая часть наследия разных исследователей, содержащего артефакты культуры изучаемых ими народов, осела в музейных собраниях. Наиболее ярким примером музейно-научного симбиоза, безусловно, является Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (МАЭ), который силами сети информантов-народоведов из разных частей страны превратился в сокровищницу культурных артефактов народов всей России и мира. Подобным путём шли и многие региональные музеи, в том числе и старейшие и крупнейшие институции Дальнего Востока: Гродековский музей в Хабаровске и Музей Общества изучения Амурского края (ОИАК)[3], созданный во Владивостоке в 1884 году одновременно с самим обществом для объединения научных сил по исследованию дальневосточных земель. В создание и деятельность этих музеев внёс свой значимый вклад Владимир Клавдиевич Арсеньев[4]. Именно эти музеи сегодня являются прямыми наследниками собранного и оставленного им музейного достояния. Несмотря на то что наследие В. К. Арсеньева хранится ещё в целом ряде культурных институций, именно дальневосточные музеи постоянно актуализируют и активно работают с ним.

Прежде чем рассматривать музейные форматы работы с этнографическим наследием В. К. Арсеньева, стоит уточнить, что на современном этапе означает этот термин, а также что представляет собой наследие исследователя. Само понятие наследия претерпело ряд многочисленных трансформаций от охраны памятников от изменений и их приспособления/реконструкции и использования в туристических целях до актуализации и освоения в интересах качества культурной жизни каждого сообщества и каждого человека. Современный комплексный подход показал, что отношение потомков к наследию как к явлению или как к ценности зависит от позиции субъектов наследия и иных факторов и разнится в тот или иной период. Взяв на себя миссию наследования, люди и сообщества осваивают и актуализируют ту или иную его часть. Во множестве существующих дефиниций можно выделить определения, рассматривающие наследие как процесс освоения многомерного социокультурного опыта [24, с. 317] и как форму его накопления и актуализации в целях преемственности культуры и сохранения социокультурной идентичности [19, с. 221].

Важно также различать понятия «этнокультурное» и «этнографическое» наследие, которые часто используются как синонимы. Этнокультурное наследие хранит этническую культуру любого народа, которая сохраняется как живой традицией, так и культурными институциями, и в первую очередь — музеями. Культурные артефакты и сведения, описанные, атрибутированные и переработанные исследователем, представляют некую целостную картину культуры этноса через призму его взгляда [10, с. 105]. Из такого рода

1 Внутренняя колонизация — применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства [25, с. 36].

2 Ойкумена (греч.) — заселённая земля.

3 Ныне Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева.

4 В. К. Арсеньев — путешественник, писатель и исследователь Дальнего Востока России, более 30 лет осуществлявший комплексные экспедиции по региону.

собраний артефактов этнических культур интенсивно складывалось на протяжении половины XIX и начала XX века наследие культур народов России, вещный пласт которого и хранят музеи страны. Именно они берут на себя миссию освоения наследия и открытия доступа к нему для всех заинтересованных лиц.

В сокровищнице культурного достояния дальневосточных народов этнографическое наследие В. К. Арсеньева занимает особое место. Практически это единственный учёный конца XIX – начала XX века, продолжительное время — 30 лет — изучавший с позиций научного подхода этнографию дальневосточных народов, знания о которых во многом были фрагментарны и поверхностны.

Благодаря собирательской деятельности исследователя достоверные сведения о народах региона становились доступны не только учёным, но и широкой публике, посещавшей выставки, где они выставлялись, и читавшей научно-художественные произведения Арсеньева. Прежде всего, это касается собрания разнообразных артефактов удэгейской культуры, исследовать которую Владимир Клавдиевич начал с первых лет пребывания на Дальнем Востоке и не прекращал до конца жизни[5]. Важно, что Арсеньев не просто собирал культурные артефакты для музеев. Он анализировал и систематизировал получаемые сведения, формируя целостное видение, в процессе работы над фундаментальным трудом «Страна Удэхе»[6]. Кроме того, он активно и масштабно популяризовал открывавшиеся ему культурные миры, рассказывая о них в книгах, комплектуя этнографические коллекции столичных и местных музеев, участвуя в создании этнографических экспозиций на крупных выставках в Санкт-Петербурге (1911 г.), Хабаровске (1913 г.), Москве (1923 г.), создавая художественные реконструкции и участвуя в съёмке этнографических фильмов. Неизвестная до того времени страна «лесных людей» открывалась миру и обретала реальные черты.

Характеризовать этнографическое наследие Арсеньева непросто ввиду большого массива входящих в него разнообразных источников: опубликованных и неопубликованных текстов художественных и научных работ; полевых дневников, словарных материалов, отчётов, докладов, списков, статистических сведений, писем, заметок, черновиков лекций, статей и книг, в том числе художественных; карт; фотографий и негативов; рисунков и реконструкций, а также этнографических документальных фильмов, создателей которых он консультировал. К тому же они хранятся в географически отстоящих далеко друг от друга институциях наследия: архивах, музеях, библиотеках. Поскольку в данной статье речь идёт о музейном пространстве, перечислим города, в музеях которых находятся этнографические сборы В. К. Арсеньева: Вашингтон (Музей естественной истории), Казань (Этнографический музей Казанского федерального университета), Санкт-Петербург (Российский этнографический музей (РЭМ), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ), Государственный музей истории религии (ГМИР)), Хабаровск (Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова), Владивосток (Музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева), Чита (Забайкальский краевой краеведческий музей им. А. К. Кузнецова).

Несмотря на обширную географию наследия, долгое время с ним работали и работают преимущественно музеи Хабаровска и Владивостока, в которых Владимир Клавдиевич реализовал себя как музейщик. Гродековский музей он возглавлял в общей сложности десять лет: в 1910–1919 и в 1924–1925 годах [22, с. 337]. За это время он не только привёл в порядок, систематизировал и каталогизировал музейные коллекции, но и создал уникальную этнографическую экспозицию. Во Владивостоке выполнял функции заведующего и хранителя этнографического отдела в Музее ОИАК в 1921–1924 годах [21, с. 306]. В работе с наследием Арсеньева музейные сотрудники следовали теми же путями, которыми начал его освоение сам исследователь:

– собирание и хранение, включающее комплектование, описание, систематизацию, изучение и анализ;

– репрезентация в форме каталогов и экспонирования на различных стационарных и выездных выставках;

– актуализация путём образовательной деятельности в рамках университетского курса этнографии;

– популяризация через просветительную работу: публичные лекции, кружки, краеведческий туризм;

– научно-художественные публикации [11, с. 185].

Безусловно, музеи всегда предоставляли доступ к арсеньевским сборам краеведам и академическим учёным, которые активно использовали собранные путешественником этнографические сведения в своих изысканиях и диссертациях. Результаты исследований они делали общедоступными на научно-практических конференциях «Арсеньевские чтения», которые начали проводиться во Владивостоке в 1960-е годы, а в 1980-е включили в свою географию г. Хабаровск и г. Уссурийск, а также другие населённые пункты Приморского края [13]. История конференции на базе Приморского государственного объединённого музея имени В. К. Ар-

5 В. К. Арсеньев прибыл на службу во Владивосток в 1900 г., здесь же он ушёл из жизни в 1930 г.

6 В. К. Арсеньев создавал монографию «Страна Удэхе» под научным руководством Л. Я. Штернберга [17]. К сожалению, книга не была издана при жизни, а рукопись её считается утраченной [20]. Краткое содержание своего основного научного труда автор изложил в брошюре «Лесные люди удэхейцы», опубликованной во Владивостоке в 1926 г. [2].

сеньева[7] длится и по сей день. В 2017 году состоялся форум, приуроченный к 145-летию со дня рождения путешественника и исследователя [3]. В 2022 году в честь празднования его 150-летнего юбилея состоится следующая конференция.

Музейные сотрудники продолжают изучать собранные В. К. Арсеньевым этнографические коллекции, каталогизировать их в разных форматах. Лидерами в этом направлении работы с наследием являются музейщики Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова. В 2005 году их трудами был издан каталог коллекции орочей и удэге, подготовленный В. К. Арсеньевым и В. В. Домбровским [1]. Практически все этнографические предметы, собранные В. К. Арсеньевым, в фондах этого музея представлены в каталогах этнографических коллекций нанайцев, удэгейцев и других народов края [14; 16; 23]. В 2022 году готовятся к изданию сразу три каталога коллекций В. К. Арсеньева, хранящихся в хабаровском музее [5, с. 57]. Этнографические сборы В. К. Арсеньева из фондов Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева предъявлены в каталогах фонда исследователя 2002 и 2022 годов [12; 6]. Издание «Страна Удэхе. История утерянной рукописи» посвящено разгадке негативов В. К. Арсеньева, хранящихся в архиве ОИАК. На них запечатлены предметы этнографических сборов исследователя [20].

Особенно значима репрезентация этнографического наследия Арсеньева в постоянных и временных музейных экспозициях. Наиболее полно предъявляют сборы В. К. Арсеньева этнографические залы Гродековского музея в Хабаровске, которые в 1910-х годах создавал сам исследователь. Комплекс Мангни, воссозданный им, бережно сохраняется в каждой обновлённой экспозиции. К сожалению, в этикетаже не указан источник поступления предметов, поэтому для стороннего посетителя связь имени Арсеньева с предметами не очевидна. В Музее истории Дальнего Востока хранятся этнографические сборы по культурам эвенков, чукчей и китайцев. Большая часть предметов выставлена в «Экспедиционной комнате» Мемориального дома-музея В. К. Арсеньева. В преддверии 150-летнего юбилея исследователя в выставочном пространстве первого этажа дома-музея открылась первая из цикла выставок «Страна Удэхе. Природа. Люди. Духи. Наследники». Сегодня работает уже третья часть цикла — «Страна Удэхе. Духи». Выставка основана на брошюре В. К. Арсеньева «Лесные люди удэхейцы» [2], которой он кратко представил содержание своей монографии «Страна Удэхе», утраченной после смерти автора. Эта выставка — яркий пример освоения наследия исследователя [9].

Музеи Северной столицы, где хранятся народоведческие сборы исследователя, как правило, практикуют экспонирование отдельных предметов арсеньевских коллекций на выставках самых разных тематик. Некоторые предметы демонстрируются постоянно. Например, во входной зоне МАЭ посетителей встречает шаманский столб, переданный Владимиром Клавдиевичем в 1911 году. В экспозиции Этнографического музея Казанского федерального университета находятся предметы быта китайских отходников, подаренные В. К. Арсеньевым в 1915 году. К сожалению, экспозиция представляет собой открытое хранение и сама уже является музейным раритетом, поэтому в общей массе экспонатов найти арсеньевские предметы без помощи специалистов весьма проблематично.

Радует то, что музеи стали использовать возможности официальных сайтов для репрезентации наследия путешественника. На странице «История музея» Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова отмечен вклад В. К. Арсеньева в формирование народоведческого собрания музея. В разделе об экспозиции — о воссоздании им шаманского комплекса. В разделе «Коллекции В. К. Арсеньева — Этнографические сборы» страницы «150 лет В. К. Арсеньеву», специально созданной к юбилею исследователя, представлено 12 предметов, собранных путешественником[8]. Музей истории Дальнего Востока на сайте, специально созданном к юбилею, разместил этнографические предметы сборов Арсеньева из своего фондохранилища[9]. На старом сайте Забайкальского краевого краеведческого музея имени А. К. Кузнецова некоторое время демонстрировалась одна из десяти этнографических картин, созданных В. К. Арсеньевым совместно с художниками А. Н. Клементьевым и К. П. Трофимовым [4]. В новой версии сайта картины-коллажи не обнаружены. Культурные артефакты, собранные исследователем и переданные в дар Музею естественной истории в Вашингтоне, доступны на сайте Смитсоновского института, в разделе «Коллекции». На сайте Российского этнографического музея арсеньевское наследие представлено в разделе «Коллекции онлайн. Экспонаты» отдельными предметами, собранными исследователем. В разделе «Собиратели» есть статья, посвящённая Владимиру Клавдиевичу. В разделе «Выставки онлайн» размещена экспозиция «Мир удэхе глазами В. К. Арсеньева»[10]. Это виртуальный формат выставки, которую в 2014 году в рамках партнёрского проекта сотруд-

7 Первоначально — Музей Общества изучения Амурского края. Ныне — Государственный объединённый музей-заповедник истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева.

8 Режим доступа: https://hkm.ru/special/etnograficheskie-sbory/.

9 Режим доступа: https//подарсеньева.рф.

10 Режим доступа: https://ethnomuseum.ru/kollekcii/vystavki-onlajn1/mir-udehe-glazami-vk-arseneva/.

ники РЭМ привезли во Владивосток, а затем — в Хабаровск. На ней было представлено более 90 музейных предметов этнографической коллекции В. К. Арсеньева по культуре орочей-удэхе. Спустя сотню лет артефакты — участники этнографической выставки 1911 года, переданные Арсеньевым в дар Русскому музею, побывали в местах своего бытования. Этому способствовало сотрудничество трёх музеев — хранителей арсеньевского наследия. В 2017 году, к 145-летию со дня рождения исследователя, дальневосточные музеи объединили творческие усилия с архивом Общества изучения Амурского края, создав совместную выставку «В поисках страны Удэхе», в трёх залах которой были представлены предметы из этнографического наследия путешественника.

Немаловажную роль в популяризации и актуализации наследия В. К. Арсеньева играют и передвижные выставки. Уже ряд лет путешествует по стране выставка Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова «Краски земли Дерсу», в которой участвуют артефакты из арсеньевских сборов. Передвижная планшетная выставка, подготовленная сотрудниками Музея истории Дальнего Востока и предоставленная в открытое пользование всем желающим на сайте «Год Арсеньева.рф», рассказывает об экспедиционной истории В. К. Арсеньева и демонстрирует предметы его народоведческих исследований[11].

Ещё одним форматом работы с наследием В. К. Арсеньева являются разного рода музейно-образовательные и просветительские мероприятия и программы. Стоит отметить яркие детские программы познавательного цикла «Арсеньевские исследователи» Музея истории Дальнего Востока. На занятиях в залах «Археология», «Этнография», «Кабинет исследователя» и на выставке «В поисках страны Удэхе» участники вели путевые записки по примеру В. К. Арсеньева, выполняли задания, определяли свою тему для исследования, искали ответы на вопросы: кто такой В. К. Арсеньев, чем он значим для своих современников и для настоящего поколения, какие места хранят память о нём во Владивостоке и в Приморском крае. Результаты своих изысканий они позиционировали в форме анимационного видео. На базе выставочного цикла «Страна Удэхе. Природа. Люди. Духи. Наследники» в Доме-музее В. К. Арсеньева также разработаны программы, участники которых активно осваивают этнографическое наследие и вклад В. К. Арсеньева в изучение и сохранение удэгейской культуры. В 2019 году в музее был апробирован такой метод приобщения взрослой аудитории к освоению наследия путешественника, как ридинг-группа «Читаем Арсеньева вместе: размышляя о наследии и наследовании». Её участники совместно читали и обсуждали книги путешественника, распаковывая заложенные в них смыслы. В сентябре 2021 года Музей истории Дальнего Востока провёл первый городской фестиваль «Арсеньев WEEK», в программу которого были включены разнообразные экскурсии, лекции, кинопоказы, музейно-образовательные и игровые программы, основанные на разноплановом наследии исследователя, включая этнографическое [18].

В год 150-летия со дня рождения Арсеньева, празднование которого объявлено указом президента Российской Федерации [15], усилия музеев по актуализации имени и приобщения к освоению наследия путешественника значительно возросли благодаря активному интересу других институций наследия: архивов, библиотек, отделений Русского географического общества, СМИ, общественных, образовательных и просветительских организаций и просто заинтересованных граждан. Новый формат работы с наследием демонстрирует выставка работ приморских художников «Тайга. Арсеньев. Узала», открывшаяся 25 июня 2022 года в Парадном зале Приморской картинной галереи. В проекте, помимо партнёров из Владивостока: Приморской государственной картинной галереи, Музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева и Приморского краевого отделения Русского географического общества — Общества изучения Амурского края, приняли участие Оренбургский областной музей изобразительных искусств, Башкирский государственный художественный музей имени М. В. Нестерова (г. Уфа), Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова. Однако уникальность выставки не столько в представленных музеями коллекциях, сколько в 30 произведениях современных авторов, созданных в самых разных жанрах, видах и техниках изобразительного искусства, посвящённых переосмыслению образов В. К. Арсеньева, его проводника Дерсу Узала и таёжного пространства. Ряд работ представляет результат художественного постижения народоведческих собраний исследователя.

В целом освоение этнографического наследия В. К. Арсеньева в музейном пространстве имеет давнюю историю, идёт по направлениям, определённым своим созидателем, и приращивается новыми формами и методами осознания его содержания и смыслов. Хочется выразить надежду, что этот всплеск интереса к нему не угаснет по завершении юбилейного года, а послужит платформой для объединения всех «наследников» в процессе комплексного, планомерного и всестороннего изучения достояния, оставленного нам В. К. Арсеньевым.

11 Выставка создана в 2017 г. руководителем отдела исследований музея В. В. Кавецкой и дизайнером Е. В. Куликовой.

Список использованных источников

1. Арсеньев, В. К. Каталог «Орочи-удэhе» Гродековского музея (1913 г.) / В. К. Арсеньев ; предисл. Т. В. Мельниковой. — Хабаровск : Хабар. краев. краевед. музей им. Н. И. Гродекова, 2005. — 90 с.
2. Арсеньев, В. К. Лесные люди удэхейцы / В. К. Арсеньев. — Владивосток : Кн. дело, 1926. — 48 с.
3. Арсеньевские чтения : материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 145-летию со дня рождения В. К. Арсеньева (г. Владивосток, 26–27 сентября 2017 г.) / сост. В. В. Кавецкая. — Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2019. — 220 с.
4. Бухоголова, И. В. Серия этнографических картин-коллажей В. К. Арсеньева как объект культурно-художественного наследия / И. В. Бухоголова // Материалы Международной научно-практической конференции «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья». — Чита, 2019. — С. 254–257.
5. Великому Арсеньеву посвящается // Ассамблея народов Хабаровского края : информ.-публицист. журн. — 2022. — № 2. — С. 56–59.
6. В. К. Арсеньев и его наследие: фонд В. К. Арсеньева в Музее истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева : музейный каталог / под ред. А. В. Петрук и В. В. Кавецкой. — Владивосток : Музей истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева. — 2022. — 240 с.
7. Воробьёв, М. В. О месте В. К. Арсеньева в этнографии (по поводу одной юбилейной статьи) / М. В. Воробьёв. — Москва : [б. и.], 1973. — 4 с. — Отд. отт. из: Изв. ВГО. Т. 105, вып. 6. С. 543–546.
8. Головнев, И. А. «Лесные люди» — феномен советского этнографического кино / И. А. Головнев // Этногр. обозрение. — 2016. — № 2. — С. 81–96.
9. Кавецкая, В. В. Выставочная история о стране Удэхе в Доме-музее В. К. Арсеньева / В. В. Кавецкая // Культурное наследие России. — 2022. — № 2. — С. 96–105.
10. Кавецкая, В. В. Наследия «Страны Удэхе» В. К. Арсеньева: этнокультурное, этномузеологическое или этнографическое? / В. В. Кавецкая // Общество: философия, история, культура. — 2021. — № 2. — С. 102–106.
11. Кавецкая, В. В. Парадигмы отношений к культурному наследию и этнографические коллекции В. К. Арсеньева: музейные практики / В. В. Кавецкая // Общество: философия, история, культура. — 2019. — № 8 (64). — С. 183–188.
12. Каталог фонда В. К. Арсеньева в Приморском государственном объединённом музее имени В. К. Арсеньева. К 130-летию со дня рождения исследователя Дальнего Востока. — Владивосток : Примор. гос. объед. музей им. В. К. Арсеньева, 2002. — 100 с.
13. Кузнецов, А. М. Арсеньевские чтения: традиция и современность / А. М. Кузнецов // Арсеньевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Владивосток, 2000. — С. 9–14.
14. Люди рассвета : каталог коллекций народов Крайнего Северо-Востока из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. М. В. Осипова. — Хабаровск : Хабар. краев. тип., 2017. — 360 с.
15. О праздновании 150-летия со дня рождения В. К. Арсеньева : Указ Президента Российской Федерации № 620 от 01.11.2021 г. — Текст : электронный // Президент России : офиц. сайт. — URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47236.
16. Орочи : каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. М. В. Осипова ; Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск, 2014. — 168 с.
17. Полевой, Б. П. В. К. Арсеньев как этнограф / Б. П. Полевой, А. М. Решетов // Совет. этнография. — 1972. — № 4. — С. 74–87.
18. [Программа городского фестиваля «Арсеньев WEEK»]. — Текст : электронный // Музей истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева : офиц сайт. — Владивосток, 2021. — URL: https://arseniev.org/press/gorodskoj-festival-arsenev-week-programma/.
19. Соколова, А. С. Методологические проблемы исследования культурного наследия / А. С. Соколова // Вестник АГУ. — 2013. — Вып. 4 (130). — С. 218–223.
20. Страна Удэхе. История утраченной рукописи. — Владивосток, 2018. — 136 с.
21. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова ; отв. ред. В. С. Мясников ; Акад. наук СССР, Ин-т востоковедения. — Москва : Наука, 1985. — 344 с.
22. Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Владивосток : Изд. дом Дальневост. федер. ун-та (фил. в г. Уссурийске), 2012. — 412 с.
23. Удэгейцы : каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / авт.-сост. Г. Т. Титорева ; Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. — Хабаровск, 2016. — 188 с.
24. Урмина, И. А. Роль и значение культурного и природного наследия в формировании человеческого потенциала России / И. А. Урмина // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2015. — № 10/3. — С. 317–322.
25. Эткинд, А. М., Уффельманн Д., Кукулин И. В. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением / А. М. Эткинд, Д. Уффельманн, И. В. Кукулин // Полит. концептология. — 2013. — № 2. — С. 31–56.

Материал поступил в редакцию 28.07.2022.

Сведения об авторе: Кавецкая Вера Вячеславовна, начальник отдела исследований Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: veravmuseum@mail.ru.

БЕЛКИНА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОТОДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ВЛАДИМИРА АРСЕНЬЕВА В СОБРАНИИ ГРОДЕКОВСКОГО МУЗЕЯ

В статье дана характеристика части материалов из фотодокументальной коллекции Владимира Клавдиевича Арсеньева, хранящейся в собрании Гродековского музея (г. Хабаровск). Рассказывается о документах, характеризующих период, когда Арсеньев возглавлял музей.

Ключевые слова: В. К. Арсеньев, Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, Гродековский музей, фотодокументальная коллекция, директор музея, писатель, исследователь, учёный.

Keywords: V. K. Arsenyev, Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov, Grodekovsky Museum, photo-documentary collection, museum director, writer, researcher, scientist.

Фигура выдающегося путешественника, талантливого исследователя, учёного и писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930 гг.) занимает важное место в истории изучения Дальнего Востока. Сборы, сделанные им в ходе экспедиций, пополнили фонды таких музеев страны, как Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера), Российский этнографический музей, Музей истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева и другие. В Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова большое собрание предметов находится в этнографической, естественно-научной, археологической коллекциях. Такое разнообразие артефактов связано прежде всего с комплексным подходом Владимира Клавдиевича к экспедициям. Фольклорист, этнограф и литературовед Марк Константинович Азадовский в своём критико-биографическом очерке «В. К. Арсеньев» подтверждает, что, основываясь на комплексном подходе Н. М. Пржевальского, Арсеньев единолично, как начальник экспедиции, одновременно проводил исследования по нескольким дисциплинам [1].

Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1928–1929 годы.

Анализ материалов фотодокументального наследия В. К. Арсеньева в собрании Гродековского музея позволяет выделить несколько разделов:

– музейная деятельность В. К. Арсеньева — взаимодействие с исследователями того времени по вопросам атрибуции предметов коллекций, переписка с ведущими научными организациями, фрагменты каталогизации коллекций, комментарии и этикетки, составленные В. К. Арсеньевым;

– документы, характеризующие подготовительные, экспедиционные и постэкспедиционные работы исследователя; отчёты, дополненные картами, составленными В. К. Арсеньевым;

– материалы, связанные с периодом деятельности учёного в Приамурском отделе Императорского Русского географического общества;

– переписка по разным вопросам;

– материалы, относящиеся к семье Арсеньевых, — фотографии братьев и сестёр Владимира Клавдиевича, их семей; письма Наталье Владимировне Арсеньевой и другое.

Благодаря этим сведениям прослеживаются основные этапы и направления исследований В. К. Арсеньева, периоды его деятельности на посту директора музея.

Арсеньев жил в Хабаровске с конца 1905 года, а в периоды с 1910 по 1919 и 1924 по 1925 годы занимал должность директора хабаровского музея. Возглавив его, Арсеньев установил связи с центральными и рядом зарубежных музеев, а вся работа была поставлена на научную основу.

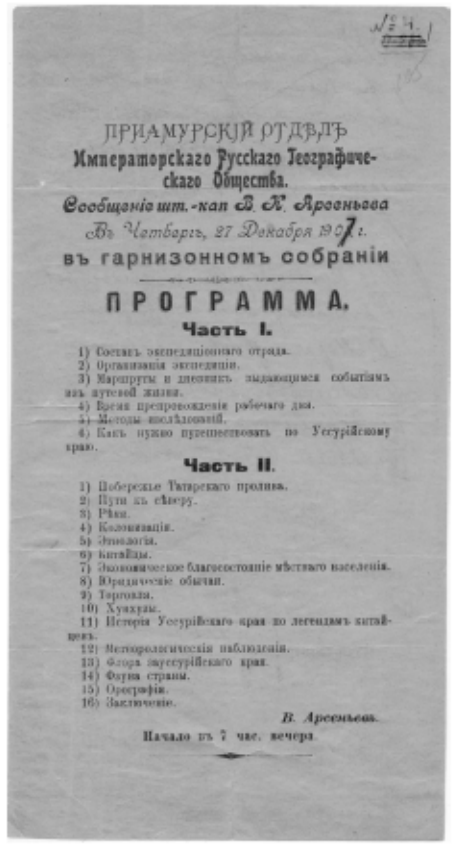
Период с 1906 по 1910 год был этапом наиболее интенсивной экспедиционной деятельности Арсеньева, целью которой было комплексное изучение Сихотэ-Алиньской горной области.

К экспедиционным материалам относятся сметы расходов экспедиции, списки снаряжения, доклады об организации экспедиции и отчёты.

Сохранилась программа выступления штабс-капитана В. К. Арсеньева, которое состоялось в гарнизонном собрании г. Хабаровска 27 декабря 1907 года. Это был отчёт об экспедиции 1907 года перед членами Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Программа состояла из двух частей. В первую часть были включены следующие разделы:

1. Состав экспедиционного отряда.
2. Организация экспедиции.
3. Маршруты и дневник выдающихся событий из путевой жизни.
4. Время препровождения рабочего дня.
5. Методы исследований.
6. Как нужно путешествовать по Уссурийскому краю.

Вторую часть программы составили 16 пунктов, в которые вошли: колонизация, этнография, экономическое благосостояние местного населения, юридические обычаи, хунхузы, история Уссурийского края по легендам китайцев, метеорологические наблюдения, орография и другое [4].

ПРИАМУРСКІЙ ОТДѢЛЪ
Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
Сообщеніе шт.-кап В. К. Арсеньева
Въ Четвергъ, 27 Декабря 1907 г.
въ гарнизонномъ собраніи

ПРОГРАММА.

Часть I.

1) Составъ экспедиціоннаго отряда.
2) Организація экспедиціи.
3) Маршруты и дневникъ выдающимся событіямъ изъ путевой жизни.
4) Время препровожденія рабочаго дня.
5) Методы изслѣдованій.
6) Какъ нужно путешествовать по Уссурійскому краю.

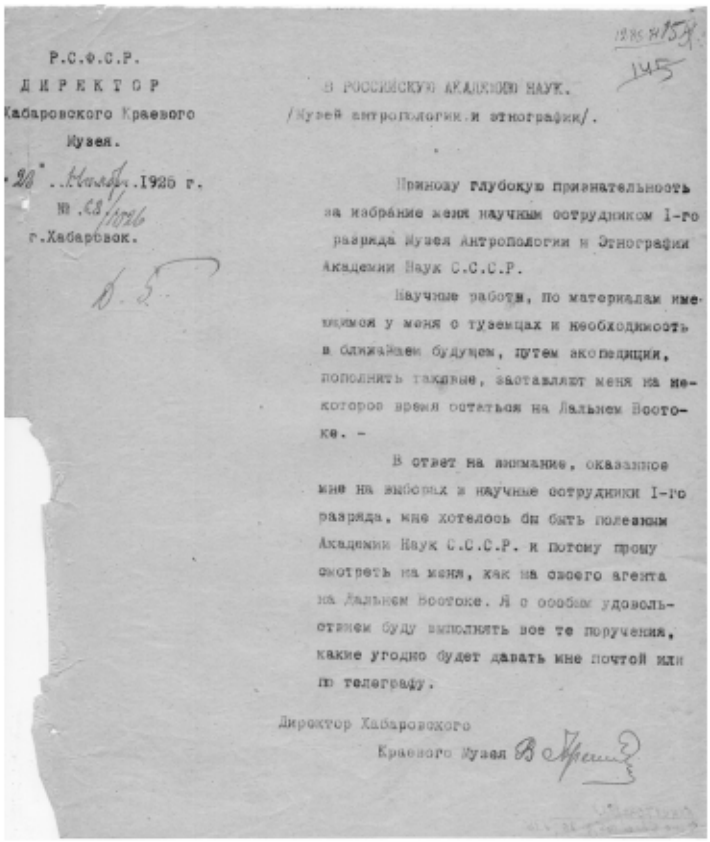
Часть II.

1) Побережье Татарскаго пролива.
2) Пути къ сѣверу.
3) Рѣки.
4) Колонизація.
5) Этнологія.
6) Китайцы.
7) Экономическое благосостояніе мѣстнаго населенія.
8) Юридическіе обычаи.
9) Торговля.
10) Хунхузы.
11) Исторія Уссурійскаго края по легендамъ китайцевъ.
12) Метеорологическія наблюденія.
13) Флора уссурійскаго края.
14) Фауна страны.
15) Орографія.
16) Заключеніе.

В. Арсеньевъ.

Начало въ 7 час. вечера.

Программа сообщения об организации экспедиции по Уссурийскому краю. 1907 год.

Р.С.Ф.С.Р.
ДИРЕКТОР
Хабаровского Краевого
Музея.
23 Ноября 1925 г.
№ 63/1076
г.Хабаровск.

В РОССИЙСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК.
/Музей антропологии и этнографии/.

Приношу глубокую признательность за избрание меня научным сотрудником I-го разряда Музея Антропологии и Этнографии Академии Наук С.С.С.Р.

Научные работы, по материалам имеющимся у меня о туземцах и необходимость в ближайшем будущем, путем экспедиции, пополнить таковые, заставляют меня на некоторое время остаться на Дальнем Востоке. –

В ответ на внимание, оказанное мне на выборах в научные сотрудники I-го разряда, мне хотелось бы быть полезным Академии Наук С.С.С.Р. и потому прошу смотреть на меня, как на своего агента на Дальнем Востоке. Я с особым удовольствием буду выполнять все те поручения, какие угодно будет давать мне почтой или по телеграфу.

Директор Хабаровского
Краевого Музея

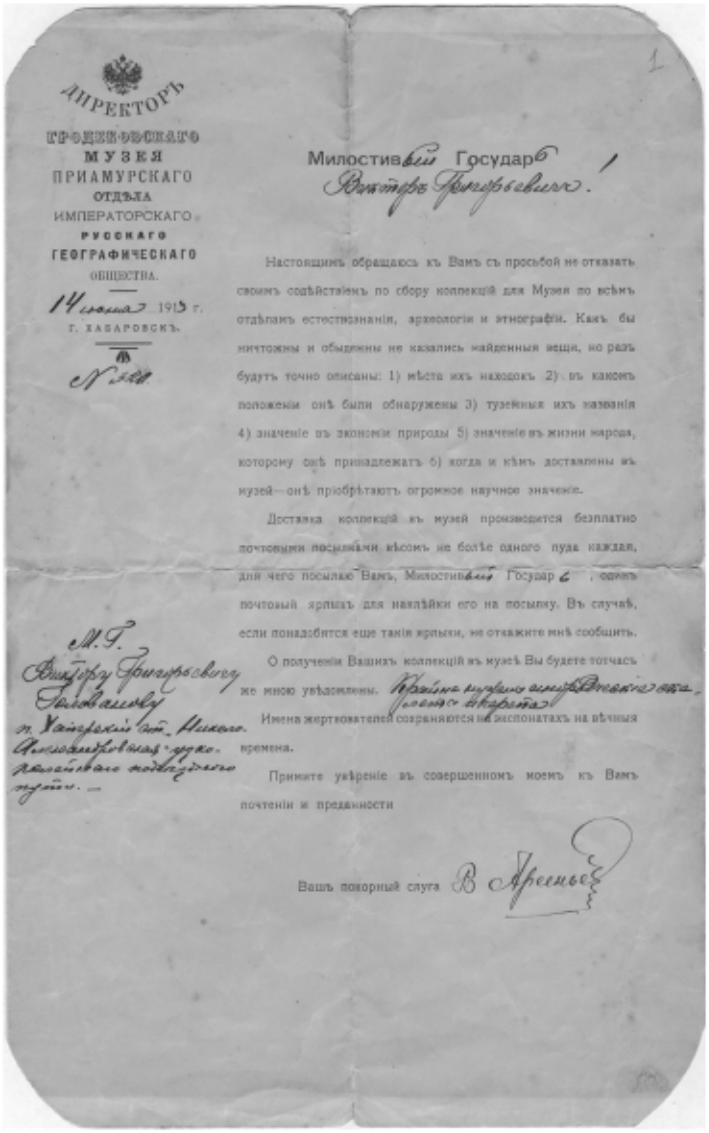
Письмо В. К. Арсеньева в Российскую академию наук. 23 ноября 1925 года.

А. И. Тарасова в монографии «Владимир Клавдиевич Арсеньев» отмечает, что он вёл огромную переписку, полученным письмам присваивался номер и указывалась дата получения, после ответа ставилась дата отправления и помета «отвечено» [8, с. 94].

Среди корреспондентов В. К. Арсеньева — учёные, профессоры Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, А. Б. Пиотровский.

Сохранилась переписка Арсеньева с Российской академией наук и подразделениями, относящимися к ней, по разным вопросам, таким как пополнение библиотечного фонда, статистические данные о музее и сотрудниках, благодарность за избрание В. К. Арсеньева научным сотрудником I-го разряда Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, передача коллекций. Есть письма, адресованные председателю Общества изучения Маньчжурского края П. В. Шкуркину, переписка по финансовым вопросам, сметы на издания трудов В. К. Арсеньева. А ещё ряд писем В. К. Арсеньева с просьбой оказать содействие по сбору коллекций для музея, о корректировании каталога, внесении новых экспонатов в японский каталог, о пополнении книжного фонда музейной библиотеки.

В тексте доклада «Организация и план научно-исследовательской работы», представленном В. К. Арсеньевым на заседании краеведческого совещания 24 мая 1925 года,

ДИРЕКТОРЪ
ГРОДЕКОВСКАГО
МУЗЕЯ
ПРИАМУРСКАГО
ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО
ГЕОГРАФИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА.
14 іюня 1913 г.
г. ХАБАРОВСКЪ.

Милостивый Государь
Виктора Григорьевичъ.

Настоящимъ обращаюсь къ Вамъ съ просьбой не отказать своимъ содѣйствіемъ по сбору коллекцій для Музея по всѣмъ отдѣламъ естествознанія, археологіи и этнографіи. Какъ бы ничтожны и обыденны не казались найденныя вещи, но разъ будутъ точно описаны: 1) мѣста ихъ находокъ 2) въ какомъ положеніи онѣ были обнаружены 3) туземныя ихъ названія 4) значеніе въ экономіи природы 5) значеніе въ жизни народа, которому онѣ принадлежатъ 6) когда и кѣмъ доставлены въ музей — онѣ пріобрѣтаютъ огромное научное значеніе.

Доставка коллекцій въ музей производится безплатно почтовыми посылками вѣсомъ не болѣе одного пуда каждая, для чего посылаю Вамъ, Милостивый Государь, одинъ почтовый ярлыкъ для наклѣйки его на посылку. Въ случаѣ, если понадобится еще такіе ярлыки, не откажите мнѣ сообщить.

О полученіи Вашихъ коллекцій въ музеѣ Вы будете тотчасъ же мною увѣдомлены.

Имена жертвователей сохраняются на экспонатахъ на вѣчныя времена.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и преданности

Вашъ покорный слуга

Письмо В. К. Арсеньева В. Г. Голованову с просьбой содействовать сбору коллекций для музея. 1913 год.

говорится, что в основе краеведческой научной работы должно быть объединение различных краеведческих учреждений и организаций [2, л. 3]. Реализовать это можно «путём устройства съездов, на которых будет выработан определённый план работ, разграничение сфер влияния и намечены те пути, следуя по которым, мы избежим всех дефектов, которые замечаются сейчас в краеведческой работе». Кроме того, Арсеньев предлагал создать сеть агентов, помогающих в сборе материалов, «обработка которых будет производиться в научных центрах» [2, л. 4]. В резолюцию по этому докладу В. К. Арсеньева внесли следующие пункты: распределение сфер влияния существующих организаций РГО; изучение Охотско-Камчатского края; объединяющим и руководящим органом должны быть ежегодные конференции, а представители краеведческих организаций войдут в состав областного бюро краеведения; работа должна быть направлена на хозяйственное изучение края, производительных сил; для всестороннего обсуждения

всех вопросов краеведения на Дальнем Востоке организовать созыв дальневосточной конференции по краеведению с привлечением исследователей научных, хозяйственных и педагогических сил [2, л. 5].

В научно-вспомогательном фонде Гродековского музея хранятся фотокопии дневников экспедиций разных лет. В них отражена информация о днёвках и ночёвках, метеорологические наблюдения, картосхемы маршрутов, статистические данные, словари, военная статистика, информация о японских шпионах и хунхузах.

Арсеньев большое внимание уделял путевым записям. В экспедициях 1906–1910 годов основными были три дневника: «Путевой» (систематическое описание пути), «Дневник метеорологических наблюдений», «Журнал астрономического определения пунктов».

В каждую свою экспедицию В. К. Арсеньев брал фотоаппарат, так как большое значение придавал иллюстративным материалам. В фонде сохранился альбом фотографий, сделанных к отчёту экспедиции по маршруту «Советская Гавань — Хабаровск» в 1927 году.

В дневниках можно найти сведения об экспедиционных фотоматериалах. Например, в «Путевом дневнике В. К. Арсеньева 1906 г. № 2 от стр. 174 по 291» есть раздел «Записки по фотографированию» с датировкой и нумерацией кадров [6]. Указаны дата проведения съёмки, номер катушки, и каждый из кадров имеет описание или наименование того, что запечатлено на нём. Ниже фрагменты записей разных этапов путешествия, сделанных в 1906 году:

12 августа *катушка № 1*
Снимок № 1 и № 2 *– Дерсу Узала*
№ 3 *– весь обоз в пути*
22 августа 1906 г.
Снимки:
№ 7 *Кумирня на перевале Ною*
№ 8 *Вершина Большой горы*
№ 9, 10 *Вид на Сихотэ-Алинь и Большую гору*

Среди описанных кадров есть виды тайги, портреты семей, тазы, переправы через реки, убитые животные (медведь, изюбр, кабан), ловушки, шаманы, кумирни и многое другое.

В фотокопии дневника В. К. Арсеньева «Экспедиция Олгонь — Горинская, 1917, 1918 гг. (начало)», в разделе «Пройденные мною предметы и прочитанные книги», указано 47 наименований по зоологии, общей ботанике, антропологии, археологической разведке и раскопкам, инородцам, «Путешествие по Уссурийскому краю» Н. М. Пржевальского, «Описание лесов Приамурского края» А. Ф. Будищева, «Жизнь животных» А. Э. Брема, «Переселение крестьян морем в Уссурийский край» Ф. Ф. Буссе, «Материалы для изучения шаманства» П. П. Шимкевича и другое [3].

Подлинники 15 карт, составленных В. К. Арсеньевым, с указанием мест археологических раскопок также хранятся в фотодокументальном собрании музея. Арсеньев выделял несколько важных аспектов проведения раскопок. Каждый найденный предмет важно увидеть на месте своими глазами и поднять с земли собственными руками, так как его местоположение по отношению к соседним артефактам сообщит много информации. Само его положение может дать указание, позволяющее делать поиски других предметов в другом месте [5].

Описание одной из археологических разведок 1925 года около города Хабаровска, близ заимки Плюснина, хотим привести в полном объёме.

«История вопроса. 9-го мая граж[данин] Никита Павлович Чиков отправился за виноградными лозами, где ещё сохранилась растительность, около заимки Плюснина. По пути вдоль оврага с правой его стороны, если стоять лицом к истокам ручья, увидел на пашне несколько черепков и вместе с ними каменное шлифованное долотце. Так как его спутники торопились и не задерживались, Н. П. Чиков должен был ограничиться этими черепками и каменным орудием. Материал этот был доставлен в музей.

10 мая 1925 [г.] на археологические разведки отправились директор музея В. К. Арсеньев, заведующий зоологическим отделом того же Хабаровского музея А. И. Кардаков, Н. П. Чиков и П. Я. Савельев. Из города вышли в 9 час[ов] утра и на место разведок прибыли в 10 ч 45 мин. утра. После небольшого отдыха все пошли к людям, которые работали на отдельных полях. То были корейцы и русские. Запуганные, привыкшие во всяком встречном видеть врага, люди эти боялись говорить с людьми им мало знакомыми. Они показали, что занимаются земледелием недавно и никаких черепков, частей железных или каменных орудий во время работ не находили.

Географический очерк. Место, где найдены черепки глиняной посуды и каменное долотце находятся на левом берегу оврага у самого его края. Это будут ближайшие к Хабаровску увалы, свисающие севернее предгорья хребта Хехцира. Овраг глубиною 2-3-4 саж[ени] извилистый. По дну его протекает ручей, раньше по-видимому обильный водою. С исчезновением растительности и ручей стал понемногу иссыхать. Все увалы лет 10 тому назад были покрыты большим лесом, от которого ныне кое-где остались большие пни. На противоположной стороне ныне находится заброшенный фруктовый сад. Почва сверху чернозёмно-подзолистая, на глубине около ¼ арш[ина] белесовато суглинистая, легко режется лопатой на слежавшиеся. Овраг имеет склон теневого снега к северо-западу, а потом поворачивает круто на запад. По теневому склону, ещё более сырому, чем противоположный, поросла новая древесная ещё более молодая растительность. На правом склоне безжизненные кусты, посушенные палами.

Протокол осмотра. По обе стороны оврага тянутся пашни. Справа запущенные, слева свежеразработанные по-видимому корейцами, селение которых находится около заимки Плюснина. Кое-где есть мазанки и русских заимщиков. На месте, где Н. П. Чиковым найдены черепки глиняной посуды и каменное орудие, свежая распашка, только что заборонённая. По краям оврага видны следы пала. Следов селитьбы в виде ямок на местах распашек не найдено. Черепки находятся на самой пашне сверху.

Материал, собранный на поверхности. Кроме того, что доставил в музей Н. П. Чиков, 10 мая при поверхностных разведках подобрано: одиннадцать мелких черепков, из числа коих два с орнаментом, состоящим из рядов расположенных косых чёрточек» [7, л. 22–23].

Кроме подлинников в фонде имеется много фоторепродукций, сделанных в 1960-е годы бывшим учёным секретарём Приморского филиала Географического общества СССР В. Г. Приходько.

Есть фотокопии индивидуальных фотографий В. К. Арсеньева и групповых снимков, где присутствует путешественник. Это фотографии во время экспедиций, в этнографической экспозиции в зале музея, на биваке, с Дерсу Узала, с членами семьи.

Кроме документов, представляющих деятельность Арсеньева на посту директора, исследовательскую работу, сохранились документы, описывающие ситуацию с жилищными условиями как самого Владимира Клавдиевича, так и других сотрудников музея. В письме заведующему Дальневосточным отделом народного образования от 7 июня 1925 года Арсеньев даёт подробное описание того, как живут сотрудники музея: «Лично я, прибывши в г. Хабаровск I-го ноября прошлого года, временно поместился за занавеской в проходной комнате гражданина Бабикова. В качестве углового жильца в столовой я живу по сие время. Вместе со мной, в том же углу за занавеской, уже в течение трёх месяцев живёт зампредседателя Камчатского губревкома т. Ларин. Семья

Братья Владимир, Анатолий, Александр Арсеньевы. Конец 1920-х годов.

моя, состоящая из 4-х человек, занесённых в страховую книжку, вынуждена жить в г. Владивостоке, т. к. я не могу выписать её сюда, в Хабаровск, за неимением квартиры. Это обстоятельство принуждает меня жить на два дома, вызывая двойные расходы» [5]. В этом же письме идёт речь о препараторе Сольском, который вынужден жить в музее, и профессорах Шевякове и Бутурлине с семьями. Арсеньев обращается в ДальОНО с просьбой возбудить ходатайство перед отделом недвижимых имуществ при Хабаровском исполкоме об освобождении квартир в домах № 22 и 24 по улице Шевченко и поселении в них сотрудников музея [5].

Бытовая неустроенность вынудила Владимира Клавдиевича в декабре 1925 года уйти с должности директора Хабаровского краеведческого музея, а летом 1926 года окончательно покинуть Хабаровск и воссоединиться с семьёй во Владивостоке. Так и не добившись от исполкома выделения отдельной квартиры, исследователь прервал хабаровский период административной и научной деятельности.

Итогом работы В. К. Арсеньева в Хабаровске стали многочисленные материалы фотодокументальной коллекции. Хранящиеся в собрании Гродековского музея, они представляют исторический интерес и остаются актуальными в свете развития дальневосточных территорий.

Список использованных источников

1. *Азадовский, М. К. В. К. Арсеньев : критико-биографический очерк / М. К. Азадовский. — Москва : Детгиз, 1956. — 80 с.*
2. *Доклад В. К. Арсеньева «Организация и план научно-исследовательской работы» и резолюция // Хабаровский краевой музей, книга поступлений (ХКМ КП). 7033/(12).*
3. *Дневник В. К. Арсеньева «Экспедиция Олгонь — Горинская, 1917, 1918 гг. (начало)» // ХКМ НВ. 10753/336.*
4. *Программа сообщения об организации экспедиции по Уссурийскому краю в гарнизонном собрании 1907 г. // ХКМ КП. Ф. 52. Оп. 165. Д. 1. Л. 1.*
5. *Письмо В. К. Арсеньева заведующему Дальневосточным отделом народного образования // ХКМ КП. 7031/(58).*
6. *Путевой дневник В. К. Арсеньева 1906 г. № 2 (от стр. 174 по 291) : фотокопия // ХКМ НВ. 10753/32.*
7. *Путевые записи экспедиций в Гижигинский район (1922 г.) и на Командорские острова (1923 г.). Фотокопия // ХКМ КП. 10753/393.*
8. *Тарасова, А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев / А. И. Тарасова. — Москва : Наука, 1985. — 344 с.*

Фотографии предоставлены автором.
Материал поступил в редакцию 22.07.2022.

Сведения об авторе: Белкина Марина Владимировна, заведующий сектором культурологии и литературоведения Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).
Контактные данные: e-mail: kulturadv@gmail.com.

ГАВРИЛОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА КЛАВДИЕВИЧА АРСЕНЬЕВА

В статье рассматривается история и современное состояние библиографии трудов и литературы о жизни и деятельности исследователя Дальнего Востока Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Ключевые слова: Арсеньев Владимир Клавдиевич, исследователи Дальнего Востока, краеведение, писатели Дальнего Востока, краеведы, библиографы.

Keywords: Vladimir Klavdievich Arsenyev, explorers of the Far East, local history, writers of the Far East, local historians, bibliographers.

В преддверии празднования юбилея В. К. Арсеньева хотелось бы проследить историю и современное состояние библиографии трудов и литературы о жизни и деятельности путешественника и писателя и таким образом отдать дань памяти и уважения всем тем, кто изучал и изучает наследие Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Первым попытался создать полную библиографию трудов В. К. Арсеньева первый биограф путешественника, профессор Московского университета Фёдор Фёдорович Аристов, с которым Арсеньев переписывался ещё в 1926 году. Ф. Ф. Аристов в течение 10 лет собирал материалы для своего многотомного исследования «Русские путешественники — исследователи Азии», куда предполагал включить и биографию В. К. Арсеньева.

С начала 1930 года Ф. Ф. Аристов приступил к работе над книгой «Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский), его жизнь и труды». В её основу легла автобиография путешественника, высланная им Аристову, и другие материалы, в том числе список трудов. Книгу предполагалось иллюстрировать портретами Арсеньева и экспедиционными фотографиями, а в качестве приложения дать полную библиографию его трудов, список всех его портретов и фотографий (с указанием дат и мест съёмок), географические карты с маршрутами экспедиций и весь документально-официальный материал. Но в печати книга так и не появилась, и о дальнейшей судьбе «большой биографии» В. К. Арсеньева ничего не известно. После смерти Ф. Ф. Аристова в 1932 году рукопись этого труда, по-видимому, потерялась.

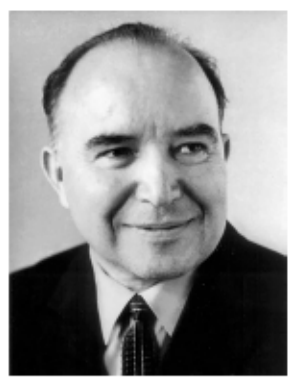
Особое место среди работ других исследователей занимают публикации одного из крупнейших советских литературоведов и этнографов — Марка Константиновича Азадовского. Он долгие годы был дружески связан с Арсеньевым и ближе чем кто-либо другой знал его творческий путь. Первая рецензия М. К. Азадовского на одну из работ Арсеньева появилась ещё в 1915 году. В последующие годы, изучая творчество Владимира Клавдиевича, Марк Константинович провёл тщательный поиск в старых повременных изданиях, в которых сотрудничал В. К. Арсеньев, и в архивах. В результате был составлен сборник материалов под названием «Из литературного наследия В. К. Арсеньева», куда вошли ранние публикации работ исследователя и его письма из экспедиций. Марк Азадовский впервые предпринял попытку дать научный анализ его литературного творчества. Книга «В. К. Арсеньев — путешественник и писатель. Опыт характеристики» вышла в свет в Чите в 1955 году, после смерти автора. В ней Азадовский много внимания уделяет исследовательскому методу Арсеньева, считает его последователем Пржевальского и Семёнова-Тянь-Шанского, которые выступали за комплексный подход к изучению новых территорий.

Марк Константинович Азадовский.

Одновременно с книгой М. К. Азадовского в серии «Замечательные географы и путешественники» в 1955 году в Москве, в издательстве «Географгиз», вышла небольшая брошюра географа, публициста Георгия Владимировича Карпова «В. К. Арсеньев». Она не стала заметным явлением, но внесла свой вклад в популяризацию знаний об Арсеньеве. Автор очерка приводит биографию знаменитого путешественника, используя в своём повествовании фрагменты из его произведений.

В первые послевоенные годы во Владивостоке вышло первое шеститомное Собрание сочинений В. К. Арсеньева, в которое вошли не только художественные произведения, но и важнейшие научные доклады, статьи, а также мелкие очерки и работы, рассеянные до этого по различным журналам и сборникам. Большую работу по подготовке этого издания провёл друг Арсеньева, участник одной из его экспедиций Николай Евгеньевич Кабанов. Он известный дальневосточный ботаник и лесовод, доктор биологических наук, профессор. Благодаря его усилиям справочный аппарат издания пополнился списком работ Арсеньева, публикаций о нём, а также описанием архива исследователя из собрания Приморского филиала Географического общества. В 1947 году выходит монография Н. Е. Кабанова «В. К. Арсеньев, путешественник и натуралист (1872–1930)», в которой имеется аннотированный список трудов путешественника и работ о нём. Опираясь на документы из архива Приморского филиала Географического общества и на свой личный опыт общения с В. К. Арсеньевым, Кабанов приводит интересные сведения о его жизни и деятельности. Автор первым предпринял попытку систематизировать наследие Арсеньева, описывая его вклад в науку по отраслям: краеведение, флора и фауна, археология и история, этнография и т. д. Из всех работ на эту тему труд Н. Е. Кабанова является самой полной и наиболее достоверной биографией Арсеньева.

Николай Митрофанович Рогаль.

В 1947 году в хабаровском издательстве «Дальгиз» вышел критико-биографический очерк дальневосточного писателя, литературного критика Николая Митрофановича Рогаля «В. К. Ар-

сеньев». Книжка получилась небольшой по объёму — всего 80 страниц малого формата, но работа по её подготовке проведена огромная. Об этом можно судить по количеству документов, сохранившихся в архиве Рогаля. Здесь собраны печатные документы, среди которых более 20 газетных вырезок, ксерокопия статьи Ф. Ф. Аристова «Владимир Клавдиевич Арсеньев (Уссурийский)» из журнала «Землеведение» за 1929 год, многочисленные рукописные материалы: выписки из дневников В. К. Арсеньева за 1902 и 1907, 1908–1909 и 1927 годы, а также «Послужной список заведующего Отделом охраны морского зверя при Дальневосточном управлении рыболовства и охоты на морского зверя Арсеньева Владимира Клавдиевича. 21 марта 1925 г.» (до 1908 г.). Здесь же выписки из документов В. К. Арсеньева, хранящихся в Хабаровском краеведческом музее, сделанные 8 февраля 1947 года, рукописные заметки, два блокнота с выписками из книг В. К. Арсеньева с комментариями Н. М. Рогаля, рукопись книги «Владимир Клавдиевич Арсеньев» с многочисленными авторскими правками, а также тексты статей, докладов, тезисы лекции и многое другое. Тема Арсеньева долгие годы была главной для Николая Рогаля. В журнале «Дальний Восток» он опубликовал 21 материал о нём, а также две работы самого исследователя.

В середине 1950-х годов предпринимаются первые попытки научного анализа творчества Арсеньева. В 1954 году литературовед Вера Константиновна Путолова защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук «В. К. Арсеньев и его литературная деятельность». К несомненным достоинствам диссертационной работы следует отнести тот факт, что автор впервые ставит вопрос о жанровой принадлежности трудов Арсеньева, определяя его книги как художественную литературу.

В 50-е – 60-е годы появляются первые публикации дневниковых материалов, возрастает интерес к окружению и семье В. К. Арсеньева. Писатель Николай Павлович Задорнов впервые предложил издать рукописи учёного, установить ему памятник, создать мемориальный музей и издать научную биографию исследователя Дальнего Востока.

В 1961 году Приморская краевая библиотека имени А. М. Горького выпустила методико-библиографические материалы «Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930)». В издании помещён библиографический список «Исследователь, путешественник, писатель» — всего 25 названий.

Несколько публикаций о жизни и деятельности В. К. Арсеньева принадлежат перу хабаровского исследователя Георгия Георгиевича Пермякова.

Более десяти лет он собирал документы и материалы о знаменитом путешественнике, беседовал со многими людьми, знавшими Арсеньева, записал воспоминания его брата Александра Клавдиевича, его жены Анны Константиновны, сына Владимира Владимировича и сестёр писателя. Часть материала была объединена в книгу «Тропой женьшеня. Рассказы и очерки о В. К. Арсеньеве», вышедшую в Хабаровском книжном издательстве в 1965 году. Книга знакомит читателей с неизвестными ранее приключениями В. К. Арсеньева в лесу и на море. Рассказы, вошедшие в это издание, написаны на основе достоверных случаев, о которых поведали близкие и соратники В. К. Арсеньева.

1980-е годы стали новым этапом в работе с наследием В. К. Арсеньева. В постперестроечный период появилось много публикаций, авторами которых были учёные, писатели, журналисты. В 1980 году в Уссурийске, а в 1984 году — в Хабаровске состоялись научно-практические конференции, посвящённые различным аспектам исследовательской деятельности В. К. Арсеньева. С 1987 года в Приморском государственном музее имени В. К. Арсеньева стали регулярно проходить Арсеньевские чтения. На конференции 1987 года впервые прозвучал термин «арсениеведение», которым с тех пор стали обозначать весь спектр исследований, связанных с наследием Арсеньева.

В этот период большой шаг в подготовке научной биографии учёного, путешественника и писателя был сделан литературоведом Анной Ивановной Тарасовой. В 1985 году в серии «Русские путешественники и востоковеды» вышла в свет её книга «Владимир Клавдиевич Арсеньев», которая на несколько десятилетий стала базовым материалом для всех, кто интересовался жизнью и деятельностью известного путешественника. В процессе создания своего труда Тарасова провела большую работу по систематизации наследия В. К. Арсеньева в архивах и музеях страны. Она обработала архив Арсеньева, хранящийся в собрании Приморского филиала Географического общества, и составила опись, которой пользуются исследователи и в наши дни. В 2012 году, к 140-летию со дня рождения В. К. Арсеньева, книга была переиздана по инициативе и на средства Общества изучения Амурского края.

На протяжении многих лет изучает наследие В. К. Арсеньева краевед, доктор исторических наук Амир Александрович Хисамутдинов. Он неоднократно публиковал материалы о жизни и деятельности Арсеньева в региональной печати, изучал источники в собраниях архивов и музеев России и зарубежья.

В 2005 году в издательстве «Дальнаука» (г. Владивосток) вышла книга Хисамутдинова «“Мне сопутствовала счастливая звезда”. Владимир Клавдиевич Арсеньев (1872–1930)» с посвящением Ф. Ф. Аристову, Н. Е. Кабанову, А. И. Тарасовой и И. С. Кузьмичёву, исследователям творчества путешественника. Это прекрасно изданное научно-популярное издание с огромным справочным аппаратом и множеством иллюстраций.

В этом же году в издательстве «Наука» (г. Москва) в серии «Жизнь замечательных людей» вышла научная биография «Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872–1930». Помимо основного содержания, в книге есть подробнейшая хронология жизни исследователя, биографический словарь тех, с кем близко общался учёный, список научных трудов В. К. Арсеньева, а также список литературы о нём.

Амир Александрович Хисамутдинов.

В преддверии юбилея великого русского путешественника и исследователя в 2021 году вышла книга «В. К. Арсеньев и близкие ему люди: портрет эпохи». В ней рассказывается не столько о Владимире Клавдиевиче, сколько о его единомышленниках по научной работе, имена которых составляют золотой фонд учёных-исследователей российского Дальнего Востока, а также о его друзьях, родных и близких. Предметом этого историко-биографического исследования явилась личная адресная книга В. К. Арсеньева, хранящаяся в архиве Общества изучения Амурского края во Владивостоке. В ней почти 236 фамилий и адресов его корреспондентов, среди которых и выдающиеся учёные, общественные деятели, и родственники, коллеги, друзья — практически весь арсеньевский круг личного общения, обмена письмами, книгами, самыми сокровенными мыслями и мнениями.

Краевед из г. Находки, первый председатель клуба «Находкинский родовед» Мария Антоновна Иванова исследовала жизнь В. К. Арсеньева и его потомков, проживающих в этом городе. В 2014 году в г. Находке вышел сборник М. А. Ивановой «Предки и потомки Владимира Клавдиевича и Анны Константиновны Арсеньевых». Здесь представлены биографические данные сына В. К. Арсеньева Владимира Владимировича, внуков Юрия Владимировича, Игоря Владимировича. Автор провела большую работу по изучению архивных документов по данной теме, использовала семейные архивы внуков В. К. Арсеньева. Результатом исследования стало создание родословной рода Арсеньева — графического изображения генеалогических связей, а также «Поколенная родословная роспись Арсеньевых (предки и потомки В. К. Арсеньева)».

Мария Антоновна Иванова.

В 1990-е годы начинает публиковать результаты своих исследований один из ведущих арсениеведов конца XX – начала XXI века, действительный член Общества изучения Амурского края, лауреат премии имени В. К. Арсеньева, журналист Иван Николаевич Егорчев. Он стал редактором и автором вступительных статей к первому и второму томам академического издания сочинений В. К. Арсеньева, подготовленного и выпущенного издательством «Рубеж» совместно с Обществом изучения Амурского края в начале 2000-х годов.

В 2014 году вышла книга И. Н. Егорчева «Согласно личного приказания Вашего Высокопревосходительства», именно с этой фразы начинались многие доклады и рапорты Владимира Арсеньева приамурскому генерал-губернатору Н. Гондатти. Книга посвящена «секретным экспедициям» В. К. Арсеньева, совершённым им в 1911–1913 годах. На основе собранных автором архивных данных детально раскрыта деятельность, осуществляемая администрацией Приамурья в тот период по борьбе с бандами хунхузов и нелегальными китайскими отходниками. Дополняют повествование обширные исторические отступления и выдержки из местной прессы, воссоздающие исторический фон описанных событий.

Иван Николаевич Егорчев.

В этом же году вышло научно-популярное издание «Загадки Дерсу Узала» о легендарном проводнике В. К. Арсеньева как о литературном герое и реальной личности, окончательно разделившее эти два образа. Приведены многочисленные версии развития событий вокруг Дерсу Узала, рассмотрены случайные и сознательные ошибки и домыслы, проанализированы наиболее часто цитируемые заблуждения. Это совместное издание Приморского краевого отделения Русского географического общества — Общества изучения Амурского края и общественной организации народов Севера Нанайского района Хабаровского края. Книга является наиболее полным в настоящее время сборником сведений о Дерсу Узала и представляет интерес для широкого круга краеведов, учителей, школьников и всех интересующихся творчеством В. К. Арсеньева.

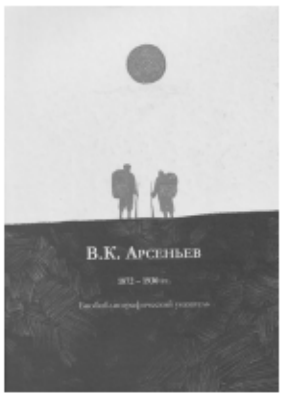
Книга «Неизвестный Арсеньев», вышедшая в 2016 году, содержит малоизвестные широкому читателю, а также выявленные в последние годы новые факты и сведения, касающиеся личности В. К. Арсеньева. На основе документальных материалов, собранных лично И. Н. Егорчевым, а также многочисленных публикаций других арсениеведов воссозданы или прояснены многие страницы его жизни, научного и литературного творчества, участия в борьбе с хунхузами, отношений с Советской властью и некоторые

другие стороны многогранной деятельности выдающегося учёного.

Обращался к жизни и деятельности Арсеньева врач-терапевт из г. Арсеньева Сергей Егорович Назаренко. В 2018 году в г. Арсеньеве вышла в свет книга «Жизнь, измеренная километрами». Произведения, вошедшие в неё, посвящены памяти выдающегося путешественника и исследователя. Очерк «Грани великой жизни» — судьба Арсеньева, его юные годы, экспедиции, встреча с Дерсу Узала, отношение к революции, литературное творчество, судьба его родных.

В 2018 году во Владивостоке, в издательстве «Валентин», вышел библиографический указатель «В. К. Арсеньев. 1872–1930 гг.». Это итог многолетней работы библиографов Приморской краевой публичной библиотеки имени А. М. Горького.

В указатель включены описания произведений, опубликованных в России и за рубежом как в собраниях сочинений, так и вышедших отдельными изданиями. Литература о жизни и творчестве В. К. Арсеньева здесь представлена книжными изданиями, статьями из сборников, авторефератами диссертаций, статьями из периодических и продолжающихся изданий, включая газеты муниципальных образований Дальневосточного региона. Впервые представлены изданные библиографические пособия, выходившие в разные годы.

Библиографический указатель «В. К. Арсеньев. 1872–1930 гг.».

В приложении к указателю помещены текстовые справки, посвящённые истории издания собраний сочинений В. К. Арсеньева, истории библиографирования его трудов и деятельности, истории создания каталога личной библиотеки путешественника, о Доме-музее В. К. Арсеньева (Дом путешественника) и премии имени В. К. Арсеньева.

Тихоокеанское издательство «Рубеж» к 150-летнему юбилею В. К. Арсеньева в 2020 году выпустило первые исправленные и дополненные четыре тома из Полного собрания сочинений В. К. Арсеньева. В первый том вошли наиболее известные его произведения — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», которые впервые после 1921 года публикуются без цензурных сокращений и изъятий. Том также содержит научно подготовленные предисловие, примечания, алфавитные указатели, географический справочник, карту экспедиций 1906 и 1907 годов, а также фототетради, иллюстрирующие ход описываемых экспедиций и процесс работы В. К. Арсеньева над публикуемыми книгами.

Во второй том включены книги «Жизнь и приключения в тайге» (составленная М. К. Азадовским из очерков В. К. Арсеньева), «В горах Сихотэ-Алиня», восстановленная по черновикам и публикуемая в полном виде впервые, а также «Сквозь тайгу». Кроме этих изданий публикуются рассказы и очерки из экспедиций 1908–1910 и 1927 годов.

Третий и четвёртый тома больше рассчитаны на специалистов: историков, краеведов, этнографов. Здесь опубликованы научно-практические статьи, отчёты, доклады за 1906–1917, 1918–1930 годы.

Пятый и шестой тома (также в нескольких книгах) планируются к выходу в 2022 году. Всего же шеститомник фактически будет состоять из десяти книг.

Таким образом, очевидно, что многогранная личность Владимира Клавдиевича Арсеньева в разные годы вызывала и продолжает вызывать интерес у исследователей, побуждая к переосмыслению и литературному описанию его жизни и деятельности.

Список использованных источников

1. *Гончарова, С. В. Наследие В. К. Арсеньева в работах исследователей / С. В. Гончарова // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков : проблемы изучения и сохранения. — Хабаровск, 1999. — С. 221–224.*
2. *Иванцова, Н. С. Библиография трудов В. К. Арсеньева и литературы о его жизни и деятельности / Н. С. Иванцова // Арсеньев Владимир Клавдиевич и его наследие : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. В. К. Арсеньева. — Владивосток, 1997. — С. 71–74.*
3. *Иванцова, Н. С. Научно-вспомогательный указатель «В. К. Арсеньев. 1872–1930 гг.» : из опыта работы ПКПБ им. А. М. Горького / Н. С. Иванцова // Арсеньевские чтения : материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 145-летию со дня рожд. В. К. Арсеньева (г. Владивосток, 26–27 сент. 2017 г.). — Владивосток, 2019. — С. 56–58.*
4. *Петрук, А. В. «Увлечённый страстью к исследованиям» : жизнь и деятельность В. К. Арсеньева в общественном и научном дискурсе / А. В. Петрук // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. — 2020. — № 4. — С. 41–50. — Библиогр.: с. 47–50 (35 назв.).*

Фотографии предоставлены автором.

Материал поступил в редакцию 28.04.2022.

Сведения об авторе: Гаврилова Наталья Анатольевна, библиограф отдела краеведческой библиографии Приморской краевой публичной библиотеки имени А. М. Горького (г. Владивосток).
Контактные данные: e-mail: zev_2010@mail.ru; тел. (423) 245-62-84.

БАЛАШОВА МАРИНА ЛЕОНИДОВНА

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ О В. К. АРСЕНЬЕВЕ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКОЙ

В статье рассказано о биобиблиографическом указателе «Тропой Дерсу», подготовленном сотрудниками Дальневосточной государственной научной библиотеки в 2012 году, к 140-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. Далее данный указатель претерпевал дополнения и качественные изменения и был приурочен к 145-летию и 150-летию со дня рождения великого путешественника и исследователя.

Ключевые слова: библиотека, Хабаровск, Арсеньев, биобиблиографический указатель.

Keywords: library, Khabarovsk, Arsenyev, bio-bibliographic index.

В 2012 году сотрудниками Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ) был подготовлен к изданию биобиблиографический указатель «Тропой Дерсу», посвящённый 140-летию со дня рождения выдающегося исследователя, путешественника, писателя Владимира Клавдиевича Арсеньева (1872–1930 гг.).

В указателе было представлено 266 библиографических записей о книгах и статьях, хранящихся в фондах ДВГНБ. Указатель не претендовал на максимально полную ретроспективу произведений Арсеньева и литературы о его жизни и деятельности. Это был указатель рекомендательного характера и давал представление об основных изданиях и публикациях, связанных с именем Арсеньева. В отдельный раздел были выделены библиографические записи о произведениях В. К. Арсеньева, начиная с шеститомного Собрания сочинений 1947 года и заканчивая современными изданиями его отдельных произведений. В советский период сборники и отдельные произведения Арсеньева хорошо издавались в Хабаровске и Владивостоке, в московских издательствах — географической литературы Географгиз, «Мысль», «Современник» «Детская литература», «Художественная литература», «Правда», «Советская Россия».

Отдельный раздел указателя был посвящён литературе о жизни и деятельности В. К. Арсеньева. Здесь были представлены сведения о книгах, авторами которых были Ф. Ф. Аристов, М. К. Азадовский, Г. Г. Пермяков, Н. М. Рогаль, Н. Е. Кабанов, А. И. Тарасова, Б. В. Сумашедов, А. А. Хисамутдинов и многие другие. В этот раздел были включены отдельные выпуски «Записок Общества изучения Амурского края», материалы Арсеньевских чтений, которые проходили в разные годы в Хабаровске, Владивостоке и Уссурийске. Более 130 библиографических записей были посвящены публикациям в периодических и продолжающихся изданиях, сборниках научных трудов, материалах научных конференций за 1994–2012 годы.

В данном указателе в отдельную главу были выделены сведения о прижизненных изданиях В. К. Арсеньева: библиография на 19 книг, в том числе на книгу, изданную в Берлине в 1924 году, а также прижизненные публикации в периодических и продолжающихся изданиях, материалах научно-практических конференций. Дополнял эту главу иллюстративный материал о книгах с краткими аннотациями.

К библиографическим записям был составлен именной указатель.

Информационный вес этому указателю добавили статьи о Владимире Клавдиевиче Арсеньеве. Автором статьи «Арсеньев. Известное и неизвестное», с которой и начинался сам указатель, стал Иван Николаевич Егорчев, член Союза журналистов России, действительный член Русского географического общества — Общества изучения Амурского края, один из самых авторитетных исследователей творчества и личности В. К. Арсеньева, большой друг нашей библиотеки, участник многих наших конференций.

Две публикации в этом указателе были подготовлены на документах ДВГНБ. Статья «В. К. Арсеньев и библиотека», написанная на основе архивных документов, принадлежит перу бывшего директора Хабаровской краевой научной библиотеки Татьяны Александровны Матвеевой (1929–2010 гг.) и посвящена периоду руководства В. К. Арсеньевым Хабаровским краеведческим музеем и Николаевской публичной библиотекой. Публикация Т. А. Матвеевой была воспроизведена из «Вестника Дальневосточной государственной научной библиотеки» за 1999 год. Кстати, в редкой коллекции документов нашей библиотеки сохранился читательский формуляр В. К. Арсеньева, который дополняет публикацию Т. А. Матвеевой. Главный библиотекарь Дальневосточной государственной научной библиотеки Татьяна Васильевна Кирпиченко является автором статьи «Документы В. К. Арсеньева в личном архиве писателя Н. М. Рогаля». Более 1 200 книг из личной библиотеки дальневосточного писателя и журналиста Николая Митрофановича Рогаля в своё время передала ДВГНБ его дочь, старейший сотрудник нашей библиотеки Людмила Николаевна Рогаль. Вместе с книжной коллекцией была передана часть рукописей Н. М. Рогаля, которая была посвящена В. К. Арсеньеву. В статье был сделан обзор по этим рукописным материалам.

Тираж указателя небольшой — 100 экземпляров, которые были переданы в первую очередь в городские и районные библиотеки Хабаровского края. Электронная версия указателя размещена на сайте нашей библиотеки. В 2014 году это издание было отмечено дипломом 17-й Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор» в конкурсе «Лучшее краеведческое издание» (номинация «Словари, справочники, путеводители»).

В 2017 году, к 145-летию В. К. Арсеньева, электронная версия указателя была дополнена. Изменилась его структура. В библиографической части в первую очередь была выделена глава о прижизненных изданиях Арсеньева, которая дополнена была ещё одной книгой на немецком языке. Таким образом, в редкой коллекции прижизненных изданий Арсеньева в нашей библиотеке хранятся две книги, изданные в Берлине в 1924 и 1926 годах под названиями «В дебрях Восточной Сибири. Исследования Уссурийского края», «Русские и китайцы в Восточной Сибири».

Количество библиографических записей во втором издании составило 329. Представленные записи свидетельствуют о поступлении в фонд нашей библиотеки новых

книг с произведениями В. К. Арсеньева, об увеличении количества публикаций о его жизни и деятельности. В 2017 году ушёл из жизни Иван Николаевич Егорчев. В последние годы его жизни, в 2014–2016 годах, были изданы его книги «"Загадки" Дерсу Узала» (Владивосток, 2014 г.), «Согласно личного приказания Вашего Высокопревосходительства...» (Владивосток, 2014 г.) о секретных экспедициях В. К. Арсеньева, «Неизвестный Арсеньев» (Владивосток, 2016 г.), которые пополнили коллекцию нашей библиотеки.

Была переиздана книга московского журналиста Бориса Владимировича Сумашедова, который много лет работал на Дальнем Востоке. Его повесть «Распятый в дебрях. Владимир Арсеньев. Судьба странника» была издана московским издательством «Известия» в 2008 году. Второе издание этой художественно-документальной повести, исправленной и изрядно дополненной, посвящённой молодому поколению Дальнего Востока России, было осуществлено в 2015 году. Эти и другие издания нашли отражение в указателе 2017 года.

Во второй версии появился новый раздел «Образ В. К. Арсеньева в искусстве», в котором дана информация о документальном фильме «Неизвестный Арсеньев» дальневосточного кинодокументалиста и писателя В. Д. Василиненко, о съёмках художественного фильма «Дерсу Узала» японским режиссёром Акирой Куросавой.

Дополненная электронная версия указателя к 145-летию В. К. Арсеньева была размещена на сайте нашей библиотеки.

В 2022 году, к 150-летию со дня рождения Владимира Клавдиевича Арсеньева, была продолжена работа с электронной версией указателя, который был существенно дополнен. Фонд библиотеки пополнился Полным собранием сочинений Арсеньева, который был подготовлен Обществом изучения Амурского края и издан в 2020 году в издательстве «Рубеж». Произведения В. К. Арсеньева были изданы в серии «Подарочные издания. Великие путешествия» в московском издательстве «Э», с огромным количеством документальных и художественных цветных и чёрно-белых иллюстраций.

Среди новых книг об Арсеньеве заслуживает особого внимания монография известного дальневосточного исследователя Амира Александровича Хисамутдинова «В. К. Арсеньев и близкие ему люди: портрет эпохи», изданная в 2021 году во владивостокском издательстве «Дальнаука». Книга представляет собой сборник биографических очерков о родственниках, друзьях и коллегах Владимира Клавдиевича Арсеньева. Всего в ней насчитывается 236 персон. При подготовке монографии были исследованы личная библиотека В. К. Арсеньева, его коллекция писем, многочисленные материалы из отечественных и зарубежных архивов.

В дополненной электронной версии указателя «Тропой Дерсу» за 2022 год нашёл отражение и биобиблиографический указатель «В. К. Арсеньев. 1872–1930 гг.», подготовленный Приморской краевой публичной библиотекой имени А. М. Горького в 2018 году, который принципиально отличается от нашего указателя. Библиографы-краеведы Приморской краевой библиотеки составили указатель, который претендует на максимально полное описание произведений, опубликованных в России и за рубежом, независимо от места их хранения.

Библиографические указатели тем и хороши, что дают возможность объединить все труды исследователя: монографии, статьи из периодических изданий, публикации на иностранных языках, а также литературу о нём и таким образом представить не только весь обширный репертуар изданий, но и раскрыть фонды нашей библиотеки.

Надеемся, что наш указатель выполняет поставленную задачу и поможет нашему читателю не только сориентироваться в большом потоке информации, но и прикоснуться к творческой биографии выдающегося исследователя.

Остаётся добавить, что электронная версия указателя «Тропой Дерсу» была подготовлена сотрудниками Дальневосточной государственной научной библиотеки М. Л. Балашовой, Т. В. Кирпиченко, Н. Н. Черновой и размещена на сайте библиотеки www.fessl.ru, в разделе «Ресурсы. Издания ДВГНБ».

Материал поступил в редакцию 04.07.2022.

Сведения об авторе: Балашова Марина Леонидовна, заведующий отделом «Центр информационно-библиографического обслуживания, библиографии и краеведения» Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск).

Информация для авторов

1. Общие требования к авторским материалам

Материалы для публикации в научно-практическом рецензируемом периодическом издании «Культура и наука Дальнего Востока» (далее — журнал) отбираются с учётом актуальности тематики, научно-практической значимости, логичности изложения текста в соответствии с профилем журнала и его стилем. Печатаются оригинальные материалы, не публиковавшиеся ранее, в виде статей, сообщений, аналитических обзоров, рецензий, библиографических указателей и проч.

Авторские оригиналы рукописей (материалов), представленных для публикации в журнале, оформляются в соответствии с настоящими правилами. Статьи (материалы), оформленные без учёта данных правил, к публикации не принимаются. Взносы за публикации с авторов не взимаются. Авторское вознаграждение не выплачивается.

Текст должен быть тщательно отредактирован, все цитаты и список использованных источников — выверены. Авторы несут ответственность за неточность воспроизведения приведённых экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих заимствованных сведений, а также за отсутствие или некорректность необходимых ссылок на работы других авторов.

С авторами заключается лицензионный договор на передачу издателю журнала — КГБНУК «Дальневосточная государственная научная библиотека» — следующих прав:

• на обработку формы представления рукописи (материалов) для использования компьютерными программами и системами (базами данных);

• на воспроизведение рукописи (материалов), её публикацию и распространение в Интернете;

• на внедрение в системы поиска (базы данных).

Также авторы предоставляют надлежащим образом оформленную рецензию-рекомендацию.

2. Требования к содержанию и объёму

Объём рукописи не должен превышать 1,0 авт. л. (40 000 печатных знаков, включая знаки препинания, цифры и пробелы между словами, а также список использованных источников, таблицы, рисунки и фотографии).

Присланный в редакцию материал должен быть снабжён аннотацией, раскрывающей его содержание. К статье должен прилагаться перечень ключевых слов на русском и английском языках.

Обязательно наличие цифрового фото автора (требования: портретное фото в формате JPEG с разрешением не менее 300 pixels) и краткого резюме автора, в котором должна быть указана следующая информация:

– фамилия, имя, отчество;

– занимаемая в настоящее время должность и место работы;

– учёная степень;

– учёное звание;

– контактный телефон (рабочий, мобильный);

– e-mail.

3. Технические требования к оформлению рукописи

Все таблицы, иллюстрации, рисунки и фотографии должны иметь порядковый номер и заголовок. Иллюстрации, рисунки, фотографии не включаются в текст, а предоставляются в виде отдельного приложения (рис. 1, рис. 2 и т. д.). В тексте на таблицу, иллюстрацию, рисунок и фотографию должна быть дана ссылка. Данные таблиц и рисунков не должны дублировать текст.

4. Оформление списка использованных источников

Список использованных источников является необходимым элементом оформления научной статьи. Основные правила составления списка:

• список помещается в конце статьи;

• в список не включаются источники, на которые нет ссылок в основном тексте и которые фактически не были использованы;

• в начале списка располагаются официальные документы (федеральные законы, указы президента, постановления, положения, приказы и т. д.). Внутри группы однотипных документов описание располагается по хронологии;

• далее — остальные источники в алфавитном порядке по фамилии автора или названия (если автор не указан);

• если в списке литературы есть источники на иностранных языках, то они располагаются после изданий на русском языке так же в алфавитном порядке;

• в тексте ссылка на источник даётся с помощью цифры в квадратных скобках, соответствующей порядковому номеру источника в списке литературы: [5], [24, с. 7–8];

• нумерация в списке сквозная (от 1 до ***).

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Электронная версия статьи присылается по электронной почте: volkotrubova.olga@yandex.ru.

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, редактировать и отсылать авторам на доработку или не принимать их к опубликованию.

Культура и наука Дальнего Востока
Научно-практический журнал
№ 2 (33) / 2022

Учредители:
Министерство культуры Хабаровского края

Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры
«Дальневосточная государственная научная библиотека»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Хабаровский государственный институт культуры»

Рукописи, фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются.
Перепечатка материала разрешается только по согласованию с редакцией,
ссылка на журнал «Культура и наука Дальнего Востока» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Выпускающий редактор О. Н. Волкотрубова
Вёрстка Е. Е. Кравцова
Корректор Г. И. Казачук
Перевод на англ. яз. Н. С. Амплеева

Подготовлено к печати Дальневосточной государственной научной библиотекой.
Адрес редакции: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьёва-Амурского, д. 1/72.
Тел. (4212) 32-72-20.
E-mail: ivfilat@mail.ru, volkotrubova.olga@yandex.ru

Предпечатная подготовка и печать осуществлены в типографии ООО «Омега-Пресс».
Адрес типографии: 680014, г. Хабаровск, ул. Промышленная, 8б.
Подписано в печать 07.09.2022. Выход в свет 27.09.2022. Формат 60x90/8. Бумага офсетная. Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14. Заказ № 890.
Тираж 500 экз.

Цена свободная.